

№12 (66)
ДЕКАБРЬ

2018

СИМБИРСКЪ

12+

Литературный журнал

Съ Рождествомъ Христовымъ!

Маргарита Кузьмина.
Аполлон Коринфский – детям.
стр. 7-9

Евгений Щеулов.
Шестидесятые. Из цикла
«Спасо-Преображенские
хроники» *стр. 15-24*

«Под соснами Рязаново...»
Памяти писателя
Александра Никонова
стр. 32-47

«Горжусь своей долей...»
К 100-летию поэта
Николая Рябинина
стр. 72-77

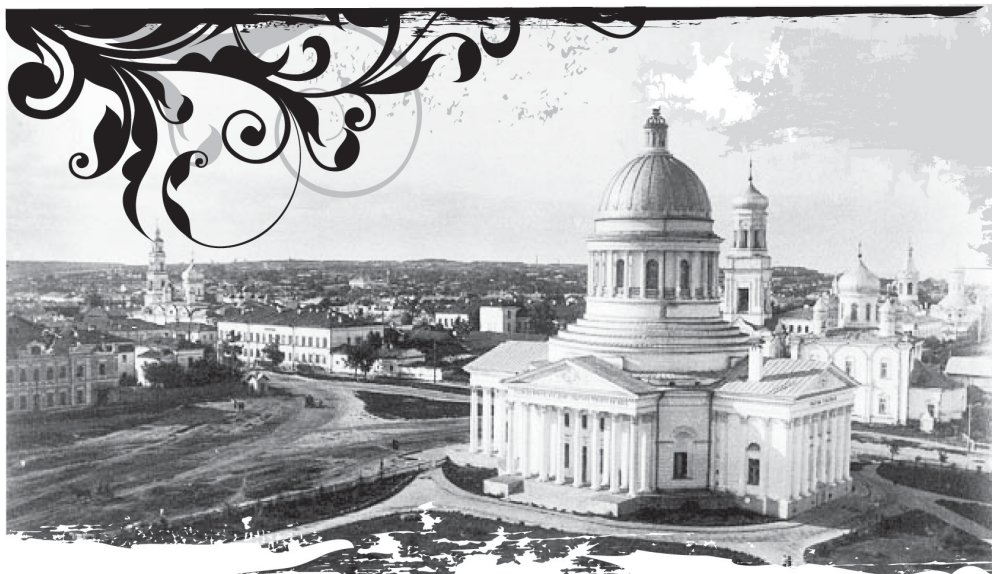

СИМБИРСКЪ

№12 (66)
ДЕКАБРЬ
2018

Литературный журнал
«СИМБИРСКЪ»

Содержание

Главный редактор
Елена Викторовна Водкина
(Кувшинникова)
E-mail: karamz_sad@mail.ru
Телефон 89603693212

Редакционный совет:

Председатель – Владимир Лучников
Владимир Артамонов
Александра Белова
Ольга Даранова
Александр Лайков
Виктор Малахов
Светлана Матлина
Николай Марянин
Ольга Шейпак
Юрий Шерстнев
Татьяна Эйхман

Издание осуществлено при поддержке
губернатора Ульяновской области
Сергея Ивановича Морозова

Издатель: Областное государственное автономное
учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».
Адрес издателя, адрес редакции:
г. Ульяновск, ул. Пушкинская, 11.

Подписано в печать 14.12.2018 г.
Дата выхода 21.12.2018 г.
Тираж 700 экз. Заказ №2014.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Стэнком» 127299, г. Москва,
ул. Большая Академическая, дом № 4 пом. IV,
к. 1, оф. 3. Тел. 8 (8332)22-82-97

© Литературный журнал «СИБИРСКИЙ» №12 (66), 2018

Издание зарегистрировано Управлением Федеральной службы
по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций по Ульяновской области
ПИ №ТУ 73-00350 от 21 марта 2014 г.
Учредитель: Областное государственное автономное
учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».

© Дизайн, компьютерная верстка – Ольга Тюльпа.
Корректоры – Ольга Абрамова, Ксения Нечаева.

На обложке: Арское. Фотография Ильи Таранова.
На обороте обложки: Картина Вячеслава Таранова.

Вступление

Литературное наследие

Ольга Даранова.
Наследие Аполлона Коринфского и современность 4-6
Маргарита Кузьмина. Аполлон Коринфский – детям 7-8
Аполлон Коринфский. Стихи 8-9

Река воспоминаний

Иван Иноземцев. Как мы жили раньше. Отрывки из дневников.
Продолжение 10-14
Евгений Шеулов. Шестидесятые.
Из цикла «Спасо-Преображенские хроники» 15-24

Страна поэзия

Светлана Зазимко. Летит душа. Стихи 25-27
Валерий Кузнецов. Полной мерой 28-29

Дорога к храму

Небесный воин-заступник 30-31

Память сердца

Под соснами Рязаново. Памяти А.Ф. Никонова 32-33
Александр Никонов. У каждого своя тень. Рассказ 33-47
Владимир Дворянсков.
Прерванные танцы. Повесть. Продолжение 48-61

С любовью ко всему родному

Илья Таранов. Яблоко раздора для Венеры Милосской
Рассказ 62-64
Илья Таранов. Я пришел наблюдать за снегом. Стихи 64-71
Поэту настоящему спасибо 72
Людмила Серзина. «Горжусь своей долей».
К 100-летию Николая Рябинина 73-77

Родом из детства

Татьяна Эйхман. Дезеон. Рассказ 77-80

Молодые голоса

«Чтоб понимали ангелы и дети...»
Стихи участников Форума молодых писателей 82-83

Юбилейный календарь

Проза и поэзия юбиляров января 84-87
87-96

Внимание! Теперь читать любимые издания стало возможным с монитора компьютера, экрана телефона и планшета! С марта 2017 года можно оформить не только почтовую, но и электронную подписку на газеты «Ульяновская правда», «Народная газета», «Чемпион» и журналы «Мономах», «Симбирскъ», «Симбик». Подробности, цены и пошаговая инструкция на информационном портале ulpravda.ru. Электронная подписка – оперативно, современно, выгодно!

ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ

можно тремя способами:

1) Подпишитесь на почте

и журнал принесут вам домой:

– цена на 6 мес. – 528,00 руб., индекс издания 54516

– цена на 12 мес. – 1057,00 руб., индекс издания 54526

2) Подпишитесь в редакции и заберите журнал сами

по адресу: г. Ульяновск, ул. Пушкинская, 11;

пр-т. Ленинского Комсомола, 41, ком. 204 (Новый город).

(цена на 6 мес. – 348.00 руб).

г. Димитровград, ул. Юнг Северного флота, 107

(тел. 884(235) 3-26-49)

3) Подпишитесь через ООО «Урал-Пресс Поволжье»

(тел. 41-01-41)

Журнал «Симбирскъ» можно приобрести

в киосках «Симбирская печать»

и в отделе распространения по адресу:

ул. Пушкинская, 11.

По всем вопросам подписки

на журнал (в том числе альтернативной) можно

проконсультироваться по телефону

41-04-32

Рукописи принимаются только в электронном виде, не рецензируются и не возвращаются.

Авторы несут ответственность за достоверность предоставленных материалов.

Мнения автора и редакции могут не совпадать.

При перепечатке ссылка на «Симбирскъ» обязательна.

«СЕРДЦЕ – КЛЮЧ ВОДЫ ЖИВОЙ...»

Дорогие друзья!

Завершается годовой круг и календарный журнальный год.

Мы благодарим всех друзей журнала за то, что были с нами всё это время. Надеемся, что благодаря нашим публикациям читатели смогли познакомиться с творчеством многих писателей-земляков, открыть для себя новые имена, узнать о важных культурных событиях.

Декабрьский выпуск «Симбирска» открывает рубрика «Литературное наследие».

Мы рассказываем о недавно прошедшей в Ульяновске научной конференции «Наследие А.А. Коринфского и современность». В продолжение темы – статья Маргариты Кузьминой «Аполлон Коринфский – детям» и стихи замечательного поэта-земляка.

В разделе «Река воспоминаний» публикуем продолжение автобиографических записок Ивана Иноземцева (из подготовленной к печати Владиславом Ястребовым книги «Иван Иноземцев: «Я любил жизнь»).

Тему путешествия в прошлое продолжает мемуарная проза Евгения Шеулова из цикла «Спасо-Преображенские хроники». Время действия – шестидесятые годы XX века, место действия – поселок Спасо-Преображенск (узнаваемое Новоспасское).

Недавно в Димитровграде торжественно отметили 45-летний юбилей клуба любителей поэзии «Эхо». Руководит объединением поэт Светлана Зазимко.

Говорят, писателей много – читателей нет. Димитровградцы могут поспорить с этим.

Есть сегодня проницательные читатели, есть ценители поэзии.

И в самом Димитровграде много авторов, пишущих стихи, неслучайно цикл литературных встреч называется «Поэтический город».

В рубрике «Страна поэзия» публикуем подборку стихов Светланы Зазимко.

Здесь же представлены новые стихи известного ульяновского поэта Валерия Кузнецова.

В октябре 2018 года димитровградцы простились со своим земляком, писателем Александром Никоновым.

Памяти писателя посвящена публикация «Под соснами Рязаново». Много из прозы А. Никонова осталось неопубликованным. В этом номере читайте рассказ «У каждого своя тень».

К юбилею Владимира Дворянского (1948 – 2016) продолжаем публикацию его повести «Прерванные танцы».

С любовью ко всему родному пишет Илья Таранов. Вдохновляющим уголком родной земли для автора стало село Арское. Рассказ и стихи Ильи Таранова дополняют авторские фотографии.

В декабре исполнилось сто лет со дня рождения ульяновского поэта Николая Рябинина.

Этому событию были посвящены мероприятия в Тетюшской школе, тематический литературный вечер провели во Дворце книги ульяновские писатели.

Читайте публикацию «Горжусь своей долей...», посвященную поэту.

В предновогодние дни публикуем рассказ Татьяны Эйхман «Дезеон» и стихи для детей, посвященные этому зимнему празднику.

В рубрике «Молодые голоса» читайте подборку стихов участников Форума молодых писателей, проходившего в Ульяновске в сентябре 2018 года.

«Приходит в мир иное вещество

И слог его, и музыка его...» (Василий Нацентов)

И мы должны расслышать голоса молодых, обретающих творческую силу.

Завершает номер «Юбилейный календарь», подготовленный поэтом и краеведом Николаем Маряниным.

Анализируя творчество Аполлона Коринфского, Маргарита Кузьмина пишет:

«В стихах для детей Коринфский изображает мир в его первозданной красоте и свежести... Главное в идиллической традиции – это утверждение связи между старым и новым, поэтизация обыденного, поиск самого существенного в человеческой жизни...».

Многим современным авторам близко это мироощущение. Традиции продолжают.

Елена КУВШИННИКОВА

НАСЛЕДИЕ А.А. КОРИНФСКОГО И СОВРЕМЕННОСТЬ

1 ноября 2018 года во Дворце книги состоялась межрегиональная научная конференция «НАСЛЕДИЕ А.А. КОРИНФСКОГО И СОВРЕМЕННОСТЬ», посвященная 150-летию со дня рождения этнографа и фольклориста, поэта, переводчика, журналиста Аполлона Аполлоновича Коринфского (1868 – 1937).

Организаторы конференции – ОГБУК «Дворец книги-Ульяновская областная научная библиотека имени В.И. Ленина», ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова».

Открыла конференцию учёный секретарь Дворца книги О.Н. Даранова. Она приветствовала участников и прочитала стихотворения Аполлона Коринфского «Поздно! Цветы облетают...» и «Из осенних набросков».

Участников приветствовала директор Дворца книги-Ульяновской областной научной библиотеки имени В.И. Ленина Светлана Валентиновна Нагаткина.

О связях Коринфского с белорусской землёй

рассказала О.Г. Шейпак, писатель, член Союза писателей России. Она прочитала стихотворение Янки Купалы на белорусском языке и в переводе Коринфского.

Романсы на стихи Коринфского и Плещеева исполнила Елена Пономарёва. Ей аккомпанировали Анастасия Фёдорова и Марина Москалёва (областная детская школа искусств).

Александр Михайлович Бойников, доцент кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью Тверского государственного университета, кандидат филологических наук. Александр Михайлович дал развёрнутую характеристику жизни и творчества Аполлона Коринфского и остановился на основных ипостасях его творчества.

«Мне не нравится, что отмечают его якобы поэтическую всеядность. На мой взгляд, главная черта творчества Коринфского – желание постичь жизнь во всех её проявлениях <...> Вопреки вынужденному забвению, поэзия Коринфского остаётся самобытным звеном русской литературы. Его стихи философичны, потому что обращены к проблеме взаимоотношения человека и мира», – заметил, в частности, А.М. Бойников.

Творчество Коринфского А.М. Бойников предлагает рассматривать как одно из проявлений предсимволизма, которому характерно стремление к сближению противоположностей, желание сгладить антагонизм жизни. Это ностальгия рубежа века. Претворяя в своей лирике философские идеи Владимира Соловьёва, русского философа и мыслителя, проповедовавшего синтез философии, науки и религии по принципу «всеединства», Коринфский, однако, разрабатывает своего героя.

А.М. Бойников призвал к дальнейшему изучению литературно-общественных связей Коринфского, его дружбы и переписки с известными литераторами своего времени: А. Толстым, А. Фетом, А. Майковым и многими другими. «Сегодня Коринфский практически неизвестен, поэтому необходимо включить стихи Коринфского в школьные хрестоматии и программы», – отметил А.М. Бойников.

Тему продолжил М.Г. Матлин, научный сотрудник отдела организации научно-исследовательской работы и патентно-лицензионного обеспечения Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова, кандидат филологических наук, доцент. Его доклад назывался «Книга А.А. Коринфского «Народная Русь» как один из опытов культурологического осмысления русской народной культуры в XIX веке». Главный вывод из его выступления – «Народная Русь» – это книга, созданная прежде всего ПОЭТОМ: «Это скорее культурологический труд, нежели этнографический.

Книга не рассчитана на учёных даже в своё время, в XIX веке. Она создаёт художественный образ русского крестьянства и скорее рассчитана на некоего молодого человека, которому автор преподносит свою модель жизни простого народа». М.Г. Матлин отметил ряд источников, на которые опирался Аполлон Коринфский и использовал их при написании своего труда. Среди русских исследователей, фольклористов, этнографов он назвал И. Сахарова, А. Афанасьева, М. Забылина, А. Терещенко, П. Шейна. По мнению учёного, эту работу нужно рекомендовать определённой аудитории и в определённом контексте.

Елена Константиновна Беспалова, заведующая научно-исследовательским отделом музея-заповедника «Родина В.И. Ленина», председатель Ульяновского регионального отделения Российского исторического общества продолжила тему, затронув биографическую составляющую поэта. Её доклад назывался «Деяния архитектора М.П. Коринфского в Симбирске».

«Мы ничего не знаем об общественной жизни архитектора Михаила Петровича Коринфского, деда Аполлона Коринфского. А между тем есть интересные свидетельства о тесной связи М.П. Коринфского и М.П. Баратаева. Князь Баратаев являлся попечителем Общества христианского милосердия (Дома трудолюбия, впоследствии Елизаветинского училища и далее Мариинской гимназии), находящегося под высочайшим покровительством императриц Елизаветы Алексеевны и Александры Фёдоровны. Баратаев поручил М.П. Коринфскому принять участие в перестройке и усовершенствовании заведения.

Ирина Фёдоровна Макеева, заведующая музеем «Симбирская классическая гимназия», внесла коррективы в вопрос о происхождении поэта Аполлона Коринфского и годе его рождения. «Коринфский» – не псевдоним, а его подлинная фамилия. Дед поэта, Михаил Петрович Коринфский, из мещан, обучался в Императорской академии художеств, за проект Свято-Троицкого собора удостоен звания академика. Отец Аполлона – Аполлон Михайлович, дворянин, окончил естественное отделение физико-математического факультета Императорского Казанского университета, был мировым судьёй и посредником, а затем поселился в своём имении Ртищево-Каменка Симбирского уезда. Там прошло детство будущего поэта.

В метрическом свидетельстве, выданном Троицкой церковью города Симбирска, годом рождения поэта значится 1868 год. Разночтения в годе рождения Коринфского связаны с его трагической судьбой. В документах Следственного комитета города Твери и на памятнике на его могиле (до сего времени не сохранилась) значится 1867 год. В научном архиве музея «Симбирская классическая гимназия» имеется бесспорное доказательство, что год рождения Аполлона Аполлоновича всё же 1868.

Гимназические годы Коринфского были весьма короткими, но очень значимыми. Как отметила И.Ф. Макеева, «...загадка Коринфского – даже его поступление в первый класс». В гимназии будущий поэт увлекается стихами, театром, редактирует гимназический рукописный журнал «Плоды досуга». Гимназию не окончил, увлёкся литературой, в 1889 году покинул Симбирск.

Елена Анатольевна Миронова, доцент кафедры романо-германских языков, литературы и прикладной журналистики УлГПУ имени И.Н. Ульянова, кандидат филологических наук рассказала о переводческой деятельности Коринфского и о переводе его стихотворения «Русалочья заводь» болгарским переводчиком Казимиром Георгиевым, издателем из Софии.

Елена Викторовна Кувшинникова, главный редактор журнала «Симбирскъ», подробно рассказала о публикациях о Коринфском в журнале «Симбирскъ». Большая подборка материалов о поэте имеется в 2015 году, когда на страницах журнала был представлен проект «12 симбирских литературных апостолов». В другие годы в журнале опубликованы материалы Александра Бойникова, Ольги Шейпак, Владимира Кузьмина, Ирины Макеевой, Михаила Матлина.

Владимир Фёдорович Шевченко, главный редактор издательства «Лабиринт» (Москва) представил доклад «Коринфский как историк литературы». «Коринфского никогда не считали историком литературы, но он внёс свой вклад в изучении литературного

процесса. Он откликнулся на него как поэт. У него очень много литературных очерков, посвящённых Случевскому, Майкову, Засодимскому, Фету, Мордовцеву, Брюсову, Соллогубу, Лохвицкой, Златоврацкому, Спиридону Дрожжину и другим русским поэтам рубежа XIX–XX веков. У Коринфского был замысел создать «Словарь биографий современных писателей».

Маргарита Юрьевна Кузьмина, доцент кафедры русского языка, литературы и прикладной журналистики УлГПУ имени И.Н. Ульянова в своём докладе «А.А. Коринфский как детский писатель» отметила, что «...на рубеже XIX–XX веков Коринфского считали одним из самых продуктивных детских писателей. Его стихи можно найти в сборниках «Русские поэты – детям» и «Четыре века русской поэзии». Память детства, сказочные мотивы – это те коды, по которым Коринфский находит путь к де-

тям. Ребёнок для поэта Коринфского – центр мира, идиллические картины мира детства символизируют добро и вечные ценности.

Сергей Борисович Петров, доцент кафедры философии, социологии и политологии Ульяновского государственного университета, кандидат философских наук выступил с докладом «Творчество Коринфского и музыка».

Лариса Матвеевна Брюхович, библиограф, краевед, сотрудник Дворца книги, рассказала об изданиях А.А. Коринфского в фондах Ульяновской областной научной библиотеки. В библиотеке хранится 36 книг поэта-симбирянина Аполло-

на Коринфского: 31 экземпляр прижизненных изданий и 5 экземпляров, изданных после 1993 года. Как отметила Лариса Матвеевна, «...эти весточки из прошлого восстанавливают связь времён и не дают ей оборваться».

Подводя итоги конференции, её участники высказали ряд пожеланий. Среди них: необходимость издания сборника материалов конференции (в любом случае электронный вариант должен быть на сайте Дворца книги), возможно, изыскать средства на издание сборника сказок Аполлона Коринфского (по образцу недавно изданного сборника сказок Н.М. Карамзина), широкое распространение информации о поэте посредством СМИ, публикаций в региональных и российских изданиях, привлечение к изучению творчества Коринфского молодёжи (курсовые, дипломные работы).

Н.А. Барсукова и О.Н. Даранова отметили, что выступления участников позволили создать достаточно полный, многогранный и интересный образ нашего земляка, поэта, переводчика, этнографа, фольклориста Аполлона Коринфского и подвигли на дальнейшее изучение его творчества. В конференции приняли участие специалисты вузов, средних образовательных учреждений, библиотек, музеев, архивов, издательств, общественных организаций, студенты.

В ходе обсуждения итогов конференции были высказаны предложения издать сборник материалов конференции, опубликовать статьи в СМИ и журнале «Симбирскъ», подготовить к изданию сборник избранных произведений А. Коринфского для широкого круга читателей с научным комментарием, а также издать его произведения для детей и сборник романсов на стихи А. Коринфского.

Маргарита КУЗЬМИНА, кандидат филологических наук

АПОЛЛОН КОРИНФСКИЙ – ДЕТЯМ

Творчество Аполлона Аполлоновича Коринфского (1868 – 1937), заметного литератора Серебряного века, спустя десятилетия, вновь возвращается к читателям. Современники Коринфского знали его как популяризатора народного творчества, журналиста, критика, переводчика, поэта. До революции вышло более тридцати книг писателя, среди них: сборники стихов «Песни сердца», «Чёрные розы», «Гимн красоте», «Бывальщины», «Картины Поволжья», уникальный труд по этнографии и фольклору «Народная Русь» и др. Критики оценивали поэтическое творчество Коринфского неоднозначно: одни называли его «блестящим» поэтом (С.А. Венгеров), другие – «посредственным» (А. Вольтский). Однако при жизни за Коринфским прочно закрепилось имя «певца русской природы и старины»; стихи его имели читательский успех, переводились на иностранные языки, перелажались на музыку известными композиторами.

Заметный вклад внёс Аполлон Коринфский и в детскую литературу. Как отмечает исследователь детской литературы Е.О. Путилова, он «активно печатался почти во всех дореволюционных детских журналах». (Стоит сказать, что было их в то время несколько десятков!) Для детей Коринфский писал стихи, сказки, прозу о природе, нравоучительные зарисовки, произведения на исторические темы. С 1896 по 1911 гг. выпустил три книги стихов для детей: «На ранней зорьке», «В детском мире», «В родном краю».

В последние годы появились публикации некоторых стихотворений из этих сборников в антологиях «Русские поэты детям» в 2 т. (1998), «Четыре века русской поэзии детям» в 3 т. (2013), а также на страницах интернет-ресурсов. Радует и то, что изучению творчества Коринфского для детей положено начало. Т.В. Ковалева в статье «Концепция поэтической книги для детей в творчестве А.А. Коринфского» называет поэта «уникальным автором» и отмечает, что он создал «собственную концепцию детской книги, перенеся на неё свои основные художественные принципы, заключающиеся в реконструкции основ национального художественного творчества»¹.

В основе поэтической концепции Коринфского взгляд на детство как на особый, сказочный, чудесный мир, который противопоставлен миру взрослых. Сборник «На ранней зорьке» открывается программным стихотворением:

Мир детей – страна фантазий,
Сердце – ключ воды живой,
Чуть заметный меж цветами
И травую-муравой...

Сила тайная сокрыта
В каждой капельке воды.
Но к ручью тому не всякий
Знает торные ходы...
От пучины многоводной
Бурной жизненной реки
Ухожу к нему порою
Я в тяжелый миг тоски...
Мне лесов родимых эльфы,
Хороводы вольных фей
Указали путь-дорожку
К сердцу маленьких людей.

«Память детства», уважение личности ребенка, сказочные мотивы, национальный колорит образов становятся теми «ходами», которые прокладывает автор к чистым и чутким детским сердцам.

Тематика стихов Коринфского, обращенных к детям, разнообразна. Жизнь маленьких детей, их окружение, игры, заботы показаны в стихах «Детские годы – счастья пора», «Солнце и мама», «Прощайте, птички», «Одеяльце», «Зимние забавы», «В школу» и др. Большое место в сборниках отводится стихам о природе: «Песня ветра», «На реке», «Под ветлами», «На отлете», «Осенью», «Сад зимою» и др. Среди пейзажных зарисовок выделяются стихи с религиозными мотивами: «Христос воскрес!», «Святая весть», «Зелёный праздник» (о Троице), «Христос-Младенец», «Христославы». Есть в сборниках сюжетные стихотворения со сказочным началом: «Белый дед», «Бал в июльскую ночь» (в духе фейных сказок Бальмонта), «Песня-сказка», «Месяца в внучка» и др. Предлагаются детям и стихи на социально-философские темы: «Малолетка», «Грезы детства», «Мать-земля», «Труд и отдых» и др.

В стихах для детей Коринфский, как и большинство дореволюционных детских поэтов, изображает мир в его первозданной красоте и свежести. Картины природы в её вечном движении от весны к зиме поэт представляет как основу жизни, а мироощущение лирического героя наполняет светом и радостью. Такое мироощущение можно назвать сентиментально-идиллическим. Главное в идиллической традиции – это утверждение связи между старым и новым, поэтизация обыденного, поиск самого существенного в человеческой жизни. Идиллическое обращается к вечным ценностям, которые были, есть и будут – до рождения человека и после его смерти. Полна значения смена дня и ночи. Таинство бытия – и в восходе солнца, и в выпавшем утром снеге, и в пролившемся дожде. Вековечная жизнь осуществляет себя в муравье, карабкающемся по тропинке, в журчании ручья, в божьей коровке, улетевшей «на небо». Драгоценно всё, что сопровождает человека

¹ Ковалева Т.В. Концепция поэтической книги для детей в творчестве А.А. Коринфского // Известия Самарского научного центра Российской академии наук: «Актуальные проблемы гуманитарных наук». 2006. №2. С.45.

на протяжении жизни. Центральное место в этом мире занимает ребёнок.

В ряде стихотворений Коринфского («Прощайте, птички!», «Летней ночью», «Белый дед» и др.) центральное место ребенка обозначено образом колыбели, который традиционно является одним из символов детства. Вокруг колыбели сосредоточен весь мир: природные стихии и первые детские грезы, сон и явь, сказка и реальность, отдых и забота. Спящий в колыбели ребенок открыт миру и в то же время надёжно защищён.

Спит дитя, закрывши глазки, –
Усыпили няни ласки, –
И во сне героев сказки
Видит пред собой...
Занавески колышет,
Над кроваткою порхает,
Грёзы счастья навевает
Ветерок ночной...

Аполлон КОРИНФСКИЙ

ЗИМНИЕ ЗАБАВЫ

Зима... И вам, салазки,
Работа настанет, –
Чуть выпадет пороша,
Чуть станет крепнуть лед!

Зима для деток строит
Ряды алмазных гор,
Зима рисует деткам
На стеклах свой узор...

Зима с детьми играет
И тешится – «в снежки»,
Коньки катает детям
По зеркалу реки...

Зима так любит деток,
Что к ним с собой ведёт
И Рождество, и Святки,
И даже Новый год!

ОДЕЯЛЬЦЕ

– Отчего, родная, снег зимой идёт?
– Из него природа одеяльце ткёт!
– Одеяльце, мама? А зачем оно?!
– Без него в земле бы стало холодно!

Изредка в этот безмятежный мир проникают грустные мотивы: сиротство («Малолетка»), смерть ребёнка («Месяцева внучка»), гибель мужиков в лесу («Пир») и др. Но и эти мотивы не разрушают общей направленности авторской мысли: всё в земном мире определено высшими законами природы. Возвращение к детским радостям для лирического героя Коринфского означает не просто уход от реальности, но следование библейским канонам, согласно которым именно детям открыты сокровенные тайны бытия.

Коринфский считал, что «мир природы ближе и доступнее неиспорченной детской душе» и вводит ребёнка в этот «вечно живой, ни на миг не смолкающий, полный неподдельной красоты мир» – одна из первых задач писателя, а тем более поэта.

Следуя задаче автора, предлагаем читателям журнала подборку стихотворений Коринфского о зиме. Надеемся, что они будут интересны как детям младшего возраста, так и подросткам и взрослым.

– А кому, родная, в ней тепла искать?!
– Тем, кому придётся зиму зимовать:
Семенам-малюткам, зёрнышкам хлебов,
Корешкам былинки, злаков и цветов.

БЕЛЫЙ ДЕД

На дворе метелица бушует,
Крутит снег и ставнями стучит...
Но в своей кроватке безмятежно
Тихим сном кудрявый мальчик спит,

Крепко спит и видит сон чудесный:
Видит он – склоняется над ним
Старый дед в одежде серебристой,
С костылем тяжёлым ледяным...

Ясный месяц – шапкою у деда;
Борода седая у него –
До колен; глаза его сверкают
Даже ярче солнца самого...

Дед поёт, и тихо льётся песня:
«Спи-усни, любимое дитя!
Ясный день пошлю тебе я завтра, –
Солнце выйдет на небо, блестя;

Из окна увидишь ты повсюду
Терема, палаты и дворцы,
Перед садом – горы снеговые,
На деревьях белые венцы...

Это мы с метелью-внучкой за ночь
До утра настроим для детей,
Чтоб они резвились и смеялись
День-деньской от дедовых затей!..

Встанешь ты, оденешься теплее
И на санках с горки снеговой
Будешь завтра целый день кататься,
Только ночь пошлёт тебя домой!..»

Мальчик спит... А за окном работа
У мороза с вьюгою кипит –
Мечет вьюга снежные сугробы,
Белый дед сугробы леденит...

Ночь прошла... С полей небесных солнце
Щедро сыплет золото лучей
На простор серебряного луга,
На ряды серебряных аллей...

Старый сад стоит, не шелохнётся,
На деревьях – белые венцы;
Перед садом – горы ледяные,
За горами – снежные дворцы...

Мальчик встал, взглянул в окно и няне
Шепчет тихо: «Няня, посмотри:
Это всё мне белый дед настроил, –
Он стоял у нас здесь до зари...

Обещал он горы ледяные
Детям сделать... Только я заснул –
Добрый дед принялся за работу
И меня, смотри, не обманул...

Так иди, скажи скорее маме:
Ване нужно саночки купить,
Ваня нынче целый день не будет
Ни шуметь, ни плакать, ни шалить!..»

Мы идём, с каждым шагом всё тише и тише, –
Так и рвётся в широкое поле душа!
Вот околица... Белая, белая даль...
Широко-далеко ты раскинулось, поле!
Есть где вьюге лихой разгуляться на воле;
Есть, где русскому сердцу размыкать печаль!..
Пролетела дорогой большой мимо нас
С бубенцами почтовая тройка;
Что-то крикнул ямщик, вызывающе-бойко.
Миг один, и – пропала кибитка из глаз...
А вдали тот же блеск, та же ровная степь;
Тот же вольный простор пред глазами,
Так же солнце слепит, так же прямо над нами
Держит путь облачков серебристая цепь...

ХРИСТОСЛАВЫ

Под покровом ночи звёздной
Дремлет русское село;
Всю дорогу, все тропинки
Белым снегом замело...
Кое-где огни по окнам,
Словно звёздочки, горят;
На огонь бежит сугробом
«Со звездой» толпа ребят...
Под оконцами стучатся,
«Рождество Твоё» поют.
– Христославы, Христославы!
– Раздаётся там и тут...
И в нестройном детском хоре
Так таинственно чиста,
Так отрадна весть святая
О рождении Христа, –
Словно сам Новорождённый
Входит с ней под каждый кров
Хмурых пасынков отчизны –
Горемычных бедняков...

В ДЕРЕВНЕ

Зимний день, ясный день; все сверкает кругом...
Небеса, как весной голубые;
Снег одел горностаем сосны седые;
Дремлет, старой старушкой, в сугробах наш дом.

Мы усадьбу прошли; мы идём, не спеша,
Мимо хат, заметённых до крыши;

ЗВЕЗДА ВИФЛЕЕМА

И вот свечерело...
И ночь голубая
Раскинула плащ над снегами...
И вспыхнуло небо от края до края,
И вспыхнуло небо звездами.
Алмазы – не звёзды! Но в россыпи звёздной
Одна всех ясней, всех заметней,
Зажглась, как светильник над тёмною бездной,
И светит теплей и приветней.
Во мраке веков над далеким Востоком
Она в первый раз засияла,
Царям и рабам, и вождям, и пророкам
Дорогу к любви указала.
Всё тленно, всё временно в суетном мире:
Погибнет и мудрость седая,
Погибнет богатство в кичливой порфире,
И сила погибнет живая.
Одно лишь, одно не изменится вечно,
Одно не погибнет на свете –
Любовь, та любовь, что, как Бог, бесконечна.
Что знают и старцы, и дети...
Она родилась в Вифлеемской пещере,
Зажглась, как звезда золотая,
Весь мир укрепляет в надежде и вере,
Зажглась и не меркнет, сияя...
Без этой любви жизнь могилы темнее,
А светит она между нами.
И радость, и счастье рождаются с нею,
Над жизнью мерцаая звездами.

Иван ИНОЗЕМЦЕВ

*Продолжение. Начало читайте в №11-2018
В тексте сохранены стиль и орфография автора.*

«КАК МЫ ЖИЛИ РАНЬШЕ...»

отрывки из дневников

На Волге

Летом мы, ульяновские ребята, часто ходили на Волгу ловить рыбу.

Как-то раз собрались впятером: я с братиком, Борис Антонов, Анатолий Макаров и взяли с собой Борьку Шмелькова, он был помоложе. Закинули закидные удочки и наловили полведра рыбы. Были подлещики, стерлядки и даже сомёнок. Сварили хорошую уху и заварили крепкий сладкий чай. Уселись кружком на берегу и стали есть уху. И только хлебнули по две ложки, как у Бори из носа потекло. Он страдал хроническим насморком. Боря сморкнулся – его ладонь была полна соплей. Хотел он швырнуть из ладони в сторону, но всё полетело в котёл с ухой. Тут ребята поднялись, схватили Борю и бросили его в Волгу, а уху есть не стали. Ели зелёный лук с хлебом, запивая крепким сладким чаем. Мы с братиком вынули из котла по стерлядке, промыли их в воде и съели. Уху есть не стали и Борю уже больше с собой не брали.

Волга против г. Симбирска. Издание магазина «Семья и Школа», Симбирск

Китайцы в России

В 1927 году наша семья жила в Ульяновске на Никольском спуске, около Нового Венца. И мы с братиком всё лето бегали по этому бульвару с рогатками. На Венце были красивые аллеи, клумбы с цветами, и цвели липы! К вечеру там собиралось много гуляющей публики. Здесь открывались пивные киоски, играл духовой оркестр, и американцы заводили свои игральные рулетки¹. А однажды появился сибиряк с медведем и гармошкой. Под гармошку медведь топал и кружился. Публика бросала около медведя копейки.

И вдруг на Венце появились китайцы. Рослые грязные китайцы с босыми ногами. Они устраивали представления, глотая ржавые шпаги. Красивые китаянки в разноцветных шёлковых халатах мелкими шагами на деревянных колодках ходили по Венцу и продавали свистульки, жужжалки и красивые бумажные веера. Грязные китайчата бегали по Венцу, выпрашивали копеечку и на ломанном русском языке распевали похабные частушки. За это их жестоко избивали.

Мы с братиком накупили у китаянок свистулек и жужжалок и свистели несколько дней. А потом подняли такой свист в квартире, что у матери заболела голова.

В 1928 году китайцев в Ульяновске уже не было. Их выгнали якобы за шпионаж!

Бандитский дом

Бандит Белов убил кассира патронного завода в Ульяновске в 1927 году и утащил сумку с крупной суммой, а потом купил дом в Новом переулке². Через несколько месяцев бандита поймали, и, чтобы взять деньги у жены бандита, уголовный розыск придумал приём. Подговорили соседку, чтобы она сказала жене: «*Ваш муж арестован, бегите, за вами придут!*». Жена разрезала на входной двери клеёнку, переложила в сумку пачек двадцать червонцев и побежала по тропинке, а там её ждала милиция.

Большой дом бандита был конфискован. Отец купил этот дом с торгов. Моя мать не знала, чей это дом, а соседка ей сказала: «*Зачем вы купили бандитский дом?*» Мама очень испугалась. Она жила в этом доме четыре года и все время дрожала.

Беспроегрышная лотерея

В один из праздничных дней 1927 года для развития авиации в СССР, которой у нас тогда почти не было, в Ульяновске организовали лотерею. Она была на Новом Венце. На эстраду навезли разного барахла, старинные граммофоны и книги. Подвезли и большой грузовой автомобиль. А рядом на скамейках организовали торговлю новой обувью, одеждой и посудой. Играл духовой оркестр.

Собралось много народа. У всех было праздничное настроение. На Волге, около старой пристани³, летал гидросамолёт⁴ и поднимал в воздух желающих на два круга. Стояли очереди и в кассу, и на посадку. Всем хотелось выиграть автомобиль или старинный граммофон. Но выигрывали или книжку, или красивый носовой платок. А билет стоил дорого – 25 копеек. На эти деньги можно было хорошо пообедать два раза. И вот наконец учительница вы-

играла автомобиль. Её предупредили, что у автомобиля нет какой-то детали, и он не заправлен бензином. Все стали поздравлять счастливую женщину и рассматривать автомобиль. Оказалось, что у автомобиля не было мотора. Его прикатили лошадка.

Учительница тут же продала автомобиль за три рубля и на эти деньги купила у скамейки простые новые туфли.

А граммофоны долго крутили старинные пластинки. Они вообще не разыгрывались в лотерею – служили приманкой.

Гидросамолёт быстро прекратил полёты. И все-таки праздник прошёл очень весело.

Как убежал преступник

Здание казначейства. В 1927 г. здесь размещался губернский суд

Это было в 1927 году. Губернский суд находился на Новом Венце⁵. К зданию суда арестанта подвели без наручников два конвоира. Не доходя до здания, преступник попросился в уборную – она была рядом. Толкнули первую дверь уборной, а она была заперта. Открыли вторую дверь, и преступник закрылся. Через минуту из первой двери вышел генерал. Конвоиры ему отдали честь. Преступник долго не открывал. Взломали крючок, а там никого и не было. Оказалось, что ему приготовили генеральскую форму, сломали перегородку и положили её в первое отделение. Преступник в генеральской форме сел на ожидавшего его извозчика-лихача и укатил, а конвоиры остались с носом!

«Искусственный человек»

В 1928 году мы с братиком всё лето лазили через забор во Владимирский сад (парк Свердлова)⁶ смотреть представления на эстраде. Пристраивались на скамеечку к женщинам и смотрели, затаив дыхание. Милиция, с плётками, звеня шпорами⁷, ходила вдоль забора и выискивала мальчишек-хулиганов. На эстраде выступали певцы, юмористы и фокусники. Показали тогда фокус с якобы искусственным человеком. Из-за кулис вытащили на эстраду искусственного человека, изобретённого московским инженером за один рубль. Человек был голый, в одних трусах и раскрашен в ярко-красный цвет. На обклеенном бумагой лице были нарисованы большие глаза и рот до ушей с оскаленными зубами. Он качался, и его с трудом установили.

Владимирский общественный сад. 1907 г.

Человек по команде поднимал руки и поворачивал голову. Зрители с удивлением смотрели. Потом пригласили на эстраду двух молодых женщин ближе рассмотреть и ощупать «искусственного человека». Женщины стали ощупывать, а «изобретённый человек» подпрыгнул и закричал: «А быр-быр!» Женщины отскочили и обмочились. Побежали за эстраду в туалет. А человек снял маску и поклонился публике. Потом убежал за кулисы.

Артель «ПромКоопЧас»

На старой фотографии часовых дел мастера артели «ПромКоопЧас» города Ульяновска. В 1928 году в артели было 14 мастеров, заведующий Липа Самойлович Ривин⁸, мой отец и женщина-бухгалтер. В городе было ещё одно объединение с тремя мастерами – «Точное время». Необъединённых мастеров в Ульяновске было только шесть.

Артель «ПромКоопЧас». 1928 г.

Мастерская артели «ПромКоопЧас» тогда находилась на улице Гончарова, между улицами Бебеля и Энгельса, на углу первого этажа бывшего магазина ювелира и часового мастера Кшиновлогера⁹. Дом у него отобрали, конфисковали магазин, и он работал рядом в деревянной будке. Работы у всех мастеров в объединениях и в частных мастерских было много – часы в ремонт везли даже из деревень. Все хорошие мастера зарабатывали тогда по двести рублей. А мясо высшего сорта на рынке стоило один рубль за килограмм. Налог платили всего 10 процентов.

Плохие мастера были только в артели «ПромКоопЧас». Они не имели даже надлежащего инструмента. Мало зарабатывали, нищенствовали и портили часы.

С 1932 года все резко изменилось.

Новая экономическая политика была отменена. Начались раскулачивания, полный запрет на частное, ссылка на каторгу в Сибирь и конфискация золота у населения. Вводился коммунистический строй. В стране начался развал и голод. Налоги на мастеров увеличились до 75 процентов. Хорошие мастера разбежались по городам, где налог был 50 процентов. Мой отец уехал во Владивосток. Работал в мастерской «Военторга» и платил налог 50 процентов.

Большой налог с мастеров сохранился до сих пор и составляет 60 процентов!¹⁰

Думаю, что положение часовых мастеров не улучшится. Их становится всё меньше, а квалификация падает.

Обжорный ряд¹¹

Это было в Ульяновске в 1928 году. Ходили мы тогда всем классом на Северный выгон, где теперь тракт Нариманова¹², собирать цветочки. Ушли далеко, почти до леса, а там, в траве, лежали покрытые рогожей расстрелянные кулаки, протестовавшие против раскулачивания. Мы устали, сильно проголодались и, возвращаясь, пошли по улице Карла Маркса¹³. Дошли до рынка, где сейчас завод «Контактор». А там, у стены большого торгового дома расположились бабы с примусами¹⁴ и варили ароматные щи с обрезами¹⁵ и кишками. Клали в миску кусок мяса. Всё это – за три копейки. А на копейку давали кусок хлеба. Мы с учителем соблазнились и наелись. У меня тогда оказалась мелочь. Съел и пирожок с мясом за две копейки. Объялся и отяжелел. Пришёл домой и свалился в постель. Проспал дотемна. Вот так тогда можно было пообедать. А в столовой обед стоил двадцать копеек из двух блюд с компотом. Обычно я питался дома. Мать часто варила куриный суп. Курица стоила 30 копеек, а колот кур обычно я.

Пиротехника напугала

В Ульяновске мы жили около Нового Венца и с братиком в 1928 году все лето ходили в кино на американские фильмы (наших тогда ещё не было). Лазили через забор во Владимирский сад (ныне парк Свердлова). Там тогда работали фонтаны с красивыми бронзовыми фигурами, играл духовой оркестр, на эстраде выступали факиры из Индии, наши фокусники и сатирики. Было очень интересно. И вдруг в воскресенье объявили, что впервые в саду будет фейерверк. Мы с братиком залезли в сад смотреть.

Когда закончилась эстрада, из сада взвилась в небо ракета и разорвалась разноцветными огнями. Затем закрутилось колесо с разноцветными огнями и поднялась стрельба огненных хлопучек, как из пулемётов. Так пиротехника работала с полчаса. Наша мать услышала стрельбу и подумала, что это началась война. Залезла в подвал. Её сильно волновало, что дома не было ребят. Когда мы пришли

поздно вечером домой, сказали, что был фейерверк в саду. Мать обрадовалась и прослезилась. Многих тогда напугал фейерверк.

Сухой закон

В 1928 году в Мелекесе у соседки погиб муж, арендовавший мельницу на пруду. У неё осталось трое детей. Но хозяйка не растерялась. Открыла швейное производство на дому, стала держать поросят и гнать самогонку. Задолго до этого Ленин ввёл сухой закон¹⁶. Ограничили даже производство пива.

Вскоре милиция накрыла соседку с самогонкой и поставила на учёт. А что толку? Каждую неделю милиция навещала соседку и вела «контроль». Соседка накрывала стол и угощала самогонкой. Милиционеры пили, закусывали свининкой и еле выполняли из хаты.

Сын соседей был моим однокашником и товарищем, и я постоянно торчал у них.

Клетчатая кепочка подвела

В Ульяновске на улице Гончарова, против кино-театра «Художественный»¹⁷, в 1929 году был большой комиссионный магазин¹⁸. Там продавалось много золотых вещей, а также соболиные меха, ковры и много другого разного барахла.

В обеденный перерыв магазин закрывалась дочь комиссионера приносила отцу обед.

Однажды в обеденный перерыв в магазин постучался молодой человек. Он сказал, что ему срочно нужно купить золотую вещь. Комиссионер впустил его, а он выстрелил из револьвера, убил его и накрыл ковром. Забрал золотые вещи, соболиные меха положен в сумку и стал выходить. В это время подошла дочь комиссионера с обедом для отца. Грабитель отпер ей дверь, сел на лихача и укатил в неизвестном направлении.

Когда дочь нашла убитого отца, заявила в милицию и в качестве одной из примет преступника назвала клетчатую кепочку на нём.

Милиция стала искать молодого человека в клетчатой кепочке по всем вокзалам и пристаням. Уже вечером по этой примете нашли молодого человека на пристани в Сенгилее. В сумке у него обнаружили золотые вещи и меха. Об этом случае рассказал моему отцу начальник гормилиции Тимофеев¹⁹.

Школьный учитель

Наш школьный учитель²⁰ по химии почти до сорока лет был холостым. Он был высокого роста, с худым горбоносым лицом и имел длинные усы. Своим видом он напоминал Мефистофеля из оперы Гуно «Фауст». Был строгим и хорошо преподавал химию. И однажды он встретил красивую женщину, брюнетку лет 30. У неё было трое детей, а муж – горький пьяница. И наш учитель, Владимир Андреевич Попов, с первого взгляда влюбился в эту женщину Галю и предложил ей руку и сердце. Она развелась с мужем и вышла замуж за нашего учителя. Вскоре родила дочь Зину. Жили бедно. Учитель не имел зимнего пальто и шапки. Через год у Гали на щеке появился фурункул. Она стала выдавливать

гною. От гнойной инфекции она умерла. Наш учитель овдовел.

В то время в Ульяновске действовала террористическая группа. Она отравила рабочих патронного завода стрихнином. Эту группу поймали, и в ходе следствия выяснилось, что стрихнин им дал наш учитель. Учителя арестовали и отправили на Колыму вместе с террористами. На Колыме собрали около трёхсот преступников, посадили их на ледокол и в Ледовитом океане открыли трюм. Все арестанты утонули. Дочь учителя Зина росла в детском доме, окончила фельдшерскую школу и работала у нас в больнице.

Учителя посмертно реабилитировали. Он оказался невиновным²¹.

Бесхозяйственность

С 1930 года ловить рыбу в Волге разрешалось только одной удочкой. Сетями ловили рыбу только рыбсовхозы²². Каждый год в местной газете сообщалось, что на дне Волги, особенно весной, лежат метровые пласты отравленной рыбы на протяжении нескольких километров. Рыба травилась ядохимикатами, которые колхозники сбрасывали в овраг, а с талой водой яды стекали в Волгу. Кроме того, все заводы из гальванических цехов очень ядовитый цианистый калий выливали в Волгу. Очистные сооружения были скудными и не работали. Рыбы в Волге было много, но она лежала дохлая метровыми слоями на дне.

Ребята в Троицком соборе

Троицкий кафедральный собор перед разрушением. 1930-е гг.

В начале 1930-х годов в Ульяновске сломали 25 церквей и три собора. Всё золото и колокола увезли в Москву. Оставался только разорённый Троицкий собор²³. В него свезли все церковные книги и разную мелкую церковную утварь. Ребята сломали заржавевшие решётки с полуподвала на южной стороне собора и через окошечко залезли внутрь. Там они курили и сжигали церковные книги, а в полуподвале нашли два ящика сусального золота²⁴ килограммов по десять. Всё золото они распылили

по Венцу. Оно было в тонких нежных пластиночках, обёрнутых в папиросную бумагу, и при дутье на них золото разлеталось красивыми блёстками.

Ребята принесли немного золота домой. Мой братик принёс 20 листочков, и только отец опреде-

лил, что это чистое сусальное золото. Ребята распылили по Венцу золото на крупную сумму, на которую можно было купить почти весь собор.

В 1934 году обгоревший собор снесли²⁵, а на его месте установили после войны памятник Ленину²⁶.

¹ «На Венце американцы открыли ресторанички, казино, где с помощью рулетки обчищали деревенских лопухов». Источ.: Иноземцев И. Было и в Симбирске время золотое: НЭП... / Зап. И. Ерёмина // Симбирские губернские ведомости. – 1994. – 3 февр. – С. 2.

² Новый переулок (с 1917 г. по настоящее время) – переулок (ныне тупик), проходящий от Спуска Степана Разина до обелиска Славы.

³ Старая пристань в Ульяновске находилась на правом берегу р. Волги, примерно напротив Смоленского съезда (ныне склон (спуск) без названия с садовыми участками от ул. Рылеева к р. Волге) и южнее, вплоть до Пролетарского спуска (ныне садовый спуск от б-ра Пластова к р. Волге).

⁴ Гидросамолёт (или гидроплан, или гидроаэроплан) – самолёт, приспособленный для взлёта с водной поверхности и посадки на воду.

⁵ Ульяновский губернский суд находился в бывшем здании губернских присутственных мест. Ныне учебно-административный корпус Ульяновского государственного аграрного университета им. П. А. Столыпина.

⁶ Владимирский сад – третий общественный сад г. Симбирска – был разведён в 1873 г. В советское время Владимирский сад был переименован в парк им. Я.М. Свердлова. Ныне (с 2010 г.) центральный городской парк отдыха «Владимирский сад».

⁷ «В 20-х годах милиция была конной. Милиционеры носили чёрные шинели со светлыми пуговицами, каракулевые шапки с красным верхом. Имели при себе револьверы, шашки, плётки». Источ.: Дягилева Л. Милиция карала и воспитывала // Симбирский курьер. – 1998. – 26 февр. – С. 6.

⁸ Лица Самойлович Ривин (1903-1945) погиб 2 марта 1945 г. Первичное место захоронения: Восточная Пруссия, Кенигсбергский окр., д. Гайло, южнее, 1 км, северная опушка леса.

⁹ Магазин часов, золотых, бриллиантовых и серебряных вещей Моисея Л. Кшиновлогера (?-?), а затем часовая и оптическая мастерские его сына С. М. Кшиновлогера (?-?), располагались по адресу: г. Ульяновск, ул. Карла Маркса (ныне ул. Гончарова), 27-29 (совр. адрес: г. Ульяновск, ул. Гончарова, 13а/15).

¹⁰ Запись датируется сентябрём 2005 г.

¹¹ Обжорный ряд (или харчевный ряд; устар., разг.) – часть рынка, где торговали «готовым кушаньем для простонародья» (имеется в виду простая горячая варёная и печёная еда).

¹² Ныне (с 1960-х гг.) пр-т Нариманова.

¹³ В 1918-1940 гг. – ул. Лассалья, с 1 января 1941 г. – ул. Карла Маркса.

¹⁴ Примус (от лат. Primus – первый) – бесфитильный нагревательный прибор с насосом, подающим горючее к горелке. Работает на жидком топливе (керосине или бензине), действует на принципе сжигания паров горючего в смеси с воздухом. В быту применялся для нагревания воды, приготовления пищи и т. п.

¹⁵ Обрезь (мясная) – мякотный пищевой субпродукт в виде срезов мышечной, жировой, соединительной ткани, получаемых при обработке (зачистке) туш (или полутуш), а также мяса голов и срезов мяса с языков животного.

¹⁶ Имеется в виду Постановление от 19.12.1919 СНК РСФСР (за подписью председателя Совета народных комиссаров В. Ульянова (Ленина)) «О воспрещении на территории Р.С.Ф.С.Р. изготовления и продажи спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ», предусматривающее строгие

меры наказания: не менее пяти лет тюремного заключения с конфискацией имущества.

¹⁷ Совр. адрес: г. Ульяновск, ул. Гончарова, 24.

¹⁸ Совр. адрес: г. Ульяновск, ул. Гончарова, 13.

¹⁹ Василий Тимофеев (?-?).

²⁰ Из «Записок-воспоминаний» Андрея Борисовича Шидловского (1915-2007): «Энтузиастом своего дела был и преподаватель химии Владимир Андреевич Попов. Кабинет химии с аудиторией, помещавшейся в подвальном помещении школы, был очень хорошо оснащён. Все уроки широко иллюстрировались опытами и проходили очень интересно. Учебника химии не было, и уроки Владимира Андреевича по своей структуре были ближе к лекциям. Курс был чётко отработан. Учащиеся могли записать его основное содержание. Владимир Андреевич был очень требователен, но справедлив... Химию нельзя было не знать. В моей памяти до сих пор с уроков Владимира Андреевича сохранились элементы основ неорганической химии. Так что через очень много лет я мог помогать, в некоторой степени, при обучении химии своим детям и внукам. После войны, к моему глубокому сожалению, я узнал, что в 1937 – 1938 годы Владимир Андреевич Попов был незаконно репрессирован и расстрелян. Говорили (не знаю, насколько этому можно верить), что в обвинительном заключении ему приписывали то, что он стрелял в Чапаева, когда тот переплывал реку и погиб. Но это смешно. Владимир Андреевич действительно был в белой армии, но служил в ней ветеринарным фельдшером» (источ.: Фрагменты из «Записок-воспоминаний» А.Б. Шидловского. – URL : <http://7iskusstv.com/2013/Number5/Shidlovsky1.php> (дата обращения: 07.04.2018)).

²¹ «Попов Владимир Андреевич, 1888 г. р., уроженец г. Казани, житель г. Ульяновска, учитель, имел 1 ребёнка, 18.07.31 Коллегией ОГПУ по ст. 58-10 УК РСФСР незаконно расстрелян. Посмертно полностью реабилитирован 25.04.89». Источ.: Книга Памяти жертв политических репрессий: Рос. Федерация, Ульян. обл. / Под общ. ред. Ю.М. Золотова. Т. 1. – Ульяновск: Дом печати, 1996. – С. 102.

²² Рыбсовхоз – сокр.отРыболовецкое советское хозяйство.

²³ Троицкий кафедральный собор был построен на Соборной площади (ныне (с 1940 г.) площадь им. В.И. Ленина) по инициативе симбирского дворянства в честь победы русской армии в Отечественной войне 1812 г. Он был заложен в 6 часов утра в воскресенье 7 [19] сентября 1824 г. в присутствии государя императора Александра I (1777 – 1825). Однако его возведение началось лишь в 1827 г., а завершение строительства и торжественное освящение архиепископом Анатолием состоялось в понедельник 15 [27] сентября 1841 г.

²⁴ Сусальное золото – очень тонкие (толщиной в доли микрон) золотые листы, которые идут на золочение различных изделий и украшений. Производилось как из чистого золота, так и из различных сплавов: золота и серебра, золота и меди.

²⁵ По некоторым данным, пожар в Троицком кафедральном соборе, «служившим» на то время архивохранилищем, случился 24 мая 1933 г. Но встречаются и другие даты пожара. Как ни странно, точную и достоверную дату этого трагического события не удалось установить до сих пор.

²⁶ Памятник В. И. Ленину (скульпт.Матвей Генрихович Манизер (1891 – 1966), архит. Владимир Александрович Витман (1889 – 1961)) был торжественно открыт 22 апреля 1940 г.

Евгений ШЕУЛОВ, Новоспасское. Член Союза журналистов России

ШЕСТИДЕСЯТЫЕ

Из цикла «Спасо-Преображенские хроники»

В последнее время по газетно-журнальной периодике, а также по каналам телевидения, подобно волне, прокатились публикации и передачи, посвящённые «славному периоду шестидесятых», или, как ещё часто называют эти годы, – «оттепели». Вряд ли причина такого внимания только лишь в ностальгии по навсегда ушедшей и молодости целого поколения россиян. Прежде всего, это – показатель огромного значения, которое имели 60-е годы в новой истории, с их идеями и взглядами на жизнь, на формирование личностей тогдашних молодых людей. Как человек, чья юность пришлась на шестидесятые, я хотел бы на примере своей семьи, а также на примерах своих друзей и знакомых показать, как интереснейшая эпоха ярко проявила себя не только в стенах столичного Политехнического музея, где звучали голоса Евтушенко, Вознесенского, Ахмадулиной, и не только на великих сибирских стройках и космодромах, но также в неприметных городах и всяях огромной страны.

Моя богоборческая юность

Седьмого октября 1962 года мне исполнилось 14 лет. Спустя три недели после этого события в нашей средней школе, как и повсеместно, отмечался День рождения комсомола. Накануне этого дня отличников учёбы, хорошистов, «ударников», школьных общественников принимали в комсомольские ряды. Я ожидал, что примут и меня тоже. Однако прошли предпраздничные и праздничные дни, а меня в комсомол не принимали. Я переживал и терялся в догадках, почему мне не оказали доверия. Вроде бы и учился нормально, и выполнял общественные поручения, выпускал стенгазету, даже стихи иногда писал. Стихи – это у меня с детства. Сегодня, с высоты своей взрослой жизни, я понимаю, что мои жалкие потуги трудно назвать стихами, но тогда я себя почти записал в поэты. Это было ещё в пятом классе, когда параллельный 5 «В» класс получил плохую оценку за своё поведение во время урока труда, и я разразился по этому поводу следующими виршами:

Пятый «В» идёт на труд,
Хором школьники ревут!

Все смеялись, потому что никто ничего более интересного придумать не мог.

Итак, стенгазету я выпускал, кроме того, ещё учился в музыкальной школе по классу баяна, что давало мне возможность и право выступать на школьных вечерах. Одним словом, всё шло к тому, чтобы мне стать комсомольцем, но никакого движения в сторону моего единения с Союзом молодёжи не просматривалось. Я начитался книг из серии «Тебе в дорогу, романтик». В этом спи-

Евгений Шеулов

ске были и «Как закалялась сталь», и «Сердце Бони-вура», и «Старая крепость», и много чего другого. К комсомолу я относился не просто положительно, а восторженно.

И вот 31 октября мне сообщили, что меня вызывает школьный комитет комсомола. Я догадался, что будут принимать в ряды ВЛКСМ. Ради этого события следовало бы приодеться или хотя бы надеть белую рубашку, но последним уроком была физкультура, уже выпал снег, и наш преподаватель Дутов Владимир Сидорович решил обновить первую в этом сезоне лыжню. Я был в лыжных штанах и куртке, так что никакого праздничного «прикида» не было.

После занятий, в половине второго, я зашёл в комитет комсомола. За столом сидели члены комитета, среди которых выделялся школьный красавец и отличник Вадим Буров. Но даже он, при всей своей яркой внешности (синий костюм, бордовый галстук, белая рубашка), уступал сидевшему в центре первому секретарю райкома комсомола Юсифу Рябченко. Его весёлое, готовое в любую минуту рассмеяться смуглое лицо под шапкой густых кудрявых волос и кожаная тужурка сразу обращали на себя внимание, напоминая о легендарных комиссарах Гражданской войны.

Рябченко знал моих родителей, меня же не знал вовсе. Но знакомство с моими родителями давало ему право считать меня чуть ли не своим парнем.

– Ну, здравствуй, Евгений! – поздоровался Рябченко. – Вот ты какой! Знаешь, зачем тебя пригласили?

– Он знает, знает! – затараторил Вадим Буров, хотя сам мне о готовящемся приёме ничего не говорил.

Тут мне необходимо

коротко охарактеризовать Иосифа Рябченко. Это был человек, самым своим рождением обречённый защищать и отстаивать советские принципы и идеалы. Моя мама рассказывала, как в 1937 году новорожденного, из многодетной крестьянской семьи Рябченко подвергли новому советскому обряду, который назывался не крестины, как раньше, а «октябрины». Говорили, что у таких-то ребёночка «октябрили», а не крестили. Младенца в присутствии родственников и сотрудников ЗАГСа заворачивали в кумачовую материю и давали имя. Будущему комсомольскому вожаку дали имя «вождя всех народов», так что его дальнейшая жизнь во многом была predetermined.

– Ну, уставом мы его мучить не будем. Человек он грамотный, стенгазету не каждому поручают, – говорил, сверля меня своими смеющимися глазами, Иосиф Васильевич. – Мы сразу возьмём быка за рога и поговорим об убеждениях будущего комсомольца. Скажи-ка мне, Евгений, ты в Бога веришь?

– Я? – вырвалось у меня. Неизвестно, чего было больше в этом моём возгласе: удивления или возмущения.

Сам себя я считал великим безбожником и почему-то был уверен, что об этом знает если не весь земной шар, то уж каждый человек в нашей школе.

Спohватившись, я ответил:

– Не верю я ни в какого Бога.

– В этом никто не сомневается, – согласился со мной Иосиф Васильевич. – Но если ты хочешь быть не на бумаге, а по-настоящему воинствующим атеистом, то просто обязан переубеждать тех, кто пока не освободился от религиозного дурмана.

Я сразу вспомнил рисунок из популярного журнала «Пионер», где на одной из страниц был изображён школьник, простирающий руку в сторону старика, отбивающего поклоны перед иконами. Внизу – хлёсткая стихотворная подпись:

Эй, старик, не засти свет!

Не обманешь, Бога нет!

Среди окружающих меня людей не было таких, кто находился под влиянием религиозного дурмана. Отец, мать, сестра – все члены нашей семьи – верующими себя не считали. Я так и сказал.

– А как насчёт старших членов семьи, бабушек, дедушек? – послышался голос первого секретаря. – Они у тебя живы?

Бабушка со стороны отца и дедушка по мате-

ринской линии были живы, но я затруднился с ответом, считают они себя верующими или нет.

Ни разу я не видел, чтобы бабушка моя крестилась, не говоря уже о деде, который, судя по всему, был к вопросам религии совершенно безразличен.

Своими мыслями я поделился с Рябченко. Вроде бы всё было понятно, и внутренне я успокоился. Но, как выяснилось, преждевременно.

– А иконы? – весело спросил Иосиф Васильевич. – Иконы у них в доме есть?

Иконы в домах дедушки и бабушки были. Старые, потемневшие от времени, с давно погасшими лампадами, в которых, судя по всему, уже давно высохло

масло. Это были просто семейные реликвии, которые передавались из поколения в поколение как память о родителях, дедах и прадедах. Именно так я всё объяснил своим строгим экзаменаторам (думаю, что данное определение верно, ведь я держал самый настоящий экзамен).

После моего объяснения в комнате установилась тишина. Вадим Буров украдкой подмигнул мне, мол, всё в порядке, считай, что тебя приняли. Я снова внутренне успокоился, но вскоре опять выяснилось, что преждевременно.

– И что же, Евгений, ты считаешь, что вопрос исчерпан? – снова заговорил первый секретарь. – А не пробовал ты со своими дедушкой и бабушкой поговорить по душам. Может быть, они всё-таки верят в Бога?

Тут мне уж совсем нечего было сказать: на данную тему я ни с кем из стариков никогда не разговаривал.

– Обязательно поговори! – видя моё недоумение, твёрдо сказал Иосиф Васильевич. – И перевоспитай, если что. В этом ты должен видеть свою задачу.

В общем, в комсомол меня приняли, но с условием, что я буду не просто атеистом, а воинствующим атеистом, что пред-

полагало нетерпимое отношение к религии. Впрочем, напоминать мне об этом необходимости не было. За свои материалистические убеждения я готов был биться не на жизнь, а на смерть – конечно, в переносном смысле. Всё, что напоминало о Боге и церкви, вызывало у меня активное неприятие.

Помню, как однажды летом 1964 года, когда наша семья возвращалась из туристической поездки в Ленинград, на одной из станций в наше купе села пожилая женщина. Судя по произношению, она была нижегородка, и вскоре наши догадки подтвердились, потому что в Горьком (так тогда на-

звался Нижний) бабушка сошла. А до этого развлекала попутчиков рассказами о жизни в своей семье. По словам старушки выходило, что её внуки только и думали, как бы ей угодить, прежде всего, в плане потакания её религиозным потребностям. Оба внука (одному из них было 17 лет и он учился уже в 10-м классе, а второй был шестиклассником) никогда не забывали поздравить бабушку с Рождеством, Пасхой и другими «божественными» днями. Особенно поразило меня, что в канун Пасхи оба внука, судя по бабушкиным рассказам, под её руководством красили яйца. Ни я, ни мои школьные приятели ни за что бы не стали этим заниматься. Вот тут я вспомнил советы нашего комсомольского секретаря и уже готов был сказать попутчице что-нибудь ехидное, но тут на мою руку, готовую сжаться в непримиримый кулак, легла тёплая и нежная рука моей матушки.

Она погасила возможную вспышку, а бабушка-попутчица, словно испытывая моё терпение, стала рассказывать, как в её родной деревне в 30-е годы коммунисты взорвали церковь и как главный распорядитель жестокого мероприятия по ликвидации церкви (ею была симпатичная партфункционерка в пресловутой кожаной куртке) была впоследствии наказана высшими силами. Наутро у неё перекосило лицо – так после совершения богопротивного деяния женщина потеряла право носить образ Божий.

Тут уж я совсем распался и был близок к тому, чтобы грубо оборвать сторонницу религии, но опять мамина рука остановила уже готовые сорваться с моих уст грубые слова. Мои глаза, горящие гневом, встретились с умоляющими маминими, и стычка опять была предотвращена.

Таковыми мы были атеистами. Да и могло ли быть иначе, когда идеологией огромного государства управлял главный безбожник Никита Сергеевич Хрущёв? Как известно, именно в его правление началась новая волна закрытия храмов, которая по своим масштабам мало уступала гонениям на церковь в 30-е годы. Никита Сергеевич при всяком удобном случае старался «лягнуть» религию и церковь.

Известно, что на одном из предновогодних приёмов, где присутствовали и представители духовенства во главе с патриархом Алексием, он не удержался и весело спросил первосвященника:

– Ну что, поп, долго ты ещё будешь дурачить советских людей?

А в декабре 1962 года, отвечая на вопрос американского журналиста Д. Сульцбергера, верит ли он в Бога, главный «кукурузник» страны сказал следующее:

– Не верю, как и все нормальные люди. О какой вере сегодня можно говорить, если наши космонавты облетали уже всё небо и никого там не встретили: ни Бога, ни ангелов, ни святых?!

Не все, разумеется, были столь прямолинейны.

Один молодой учёный выразился следующим образом:

– Конечно, мы вправе сказать сегодня, как в своё время высказался французский астроном Лаплас: когда Наполеон спросил его, что он думает о существовании Бога, Лаплас ответил, что в этой теории он не нуждается.

Наша страна была в шестидесятые годы огромной строительной площадкой. Строились гидроэлектростанции, поднимались в тайге новые города. Каждый молодой человек мог получить образование, интересную работу, жильё. Жизнь народа постепенно улучшалась. Человек сам становился кузнецом своего счастья, так что ни Бог, ни церковь ему были не нужны. Но так казалось только на первый взгляд. Бывали моменты, когда человек оказывался один. Смерть в самом счастливом обществе отменить невозможно, и вот тут-то

и наступало самое серьёзное испытание. В момент кончины, даже если у смертного одра собирались десятки родственников, человек оказывался один на один со смертью. И тогда ему нужна была духовная поддержка. Точно так же в тягостные минуты похорон становился необходимым ритуал, без которого пусто. А ритуал – это обряды, связанные с религиозным культом. Так что в этом мире всему есть место. И как тут не вспомнить древнюю мудрость: Богу – богово, а кесарю – кесарево.

Железные принципы моей матушки

Моя мать Анастасия Ивановна Шелгунова была учительницей русского языка и литературы средней школы. Сегодня много говорится о несходстве советских учителей и современных. И главное отличие многие находят в той искренней любви к преподаваемым дисциплинам, которая была свойственна советским педагогам. Они не были урокодателями, а жили тем, что преподавали.

Помню, как мне, ученику начальных классов, мама пересказывала содержание пушкинского романа в стихах «Евгений Онегин» (по возрасту мне читать его было рановато). Она так жалела Ленского, убитого на дуэли! Этот человек едва достиг совершеннолетия!

А ещё запомнился мамин рассказ о детстве Горького. Мама переживала за Алёшу Пешкова так, как будто это был один из моих приятелей, парнишка с соседней улицы. Его мать, красавица Варвара Васильевна Каширина, оставила своего сына на попечение бабушки и дедушки, сама же отправилась на поиски нового спутника жизни. Мне запомнилось, как мама, рассказывая мне всё это, утирала слёзы. Её поразило, что ради призрачного личного счастья женщина фактически бросила своё дитя! Сама бы она никогда такое не сделала.

Мама была человеком чести. Она никогда не состояла ни в партии, ни в комсомоле, ни даже в пионерской организации. Это не значило, что она плохо училась или не заслуживала быть в пионерских и комсомольских рядах. Просто мать её, будучи женщиной очень набожной, не советовала своей дочери записываться в организации, где поносят Бога. Бабушка Вера была человеком очень болезненным и умерла в военном 1943 году. Незадолго до смерти она взяла со своей дочери слово не вступать в комсомол и в партию, и мама не нарушила данное слово. Хотя по своему кругозору и нравственным качествам она как никто другой заслуживала быть в первых рядах строителей новой жизни.

Я очень любил свою мать и всегда с ней делился своими мыслями и сомнениями, даже когда был уверен в её неодобрительном отзыве.

Мне с трудом давалась математика, и однажды мы с одноклассником, тоже «плавающим» по этому предмету, решили вечером проникнуть в математический кабинет и исправить свои неправильные ответы в письменной работе по итогам четверти. Сделать это оказалось нетрудно. После занятий техничка мыла полы и открыла учительскую. Дождавшись, когда она начнёт убирать коридор, мы проникли в кабинет математики и быстро сделали необходимые исправления. Вернувшись домой, я испытывал противоречивые чувства. С одной стороны, я был рад, что внёс необходимую правку и теперь двойка за четверть мне не грозит, но укоренившееся во мне матушкино воспитание не давало спокойно почитать на лаврах в ожидании пусть и незаслуженной, но желанной положительной оценки. Совесть мучила меня и неутомимо подталкивала признаться матери. И я сделал это.

Как и следовало ожидать, мама потребовала немедленно признаться в содеянном учительнице Анне Михайловне. Как ни пытался я доказать всю нелепость своего положения и моральных мук, которые мне неизбежно придётся испытать, делая такое признание, мать оставалась непреклонной. Она считала, что лишь таким позором можно испугать совершенную подлость. Она так и говорила: подлость. И не было, по её понятиям, более омерзительного человеческого порока.

Выхода не было, я признался Анне Михайловне в своём грехе. И был великодушно прощён. О своём друге я, понятное дело, не сказал. Вероятно, мой благородный поступок стал причиной того, что работа моя была оценена на удовлетворительно. Что касается моего приятеля, который никаких сомне-

ний за содеянное не испытывал, то ему поставили четвёрку, ведь ответ был аккуратнейшим образом списан со шпаргалки.

Возможно, Анна Михайловна поставила бы моему другу пятёрку, но, во-первых, в течение четверти он успехами не блистал, а, во-вторых, моё признание в какой-то мере бросало тень и на моего приятеля. Анна Михайловна с явным подозрением отнеслась к его работе.

Такую непреклонную принципиальность мать проявляла во всём. В то время наша семья: мама, отец, я и младшая сестра – часто посещали семью маминного младшего брата дяди Коли, проживавшую в городе Новокуйбышевске. Нам с сестрой очень нравились такие поездки, особенно по Волге. Если стояло лето, мы садились на теплоход в речном порту города Сызрани и ехали до Самары (тогда – Куйбышев). Там мы садились на электричку или брали такси и отправлялись в город-спутник Новокуйбышевск. Мы с сестрой с большим интересом смотрели в окна электрички, провожая глазами станции и полустанки. Помню, как потрясла меня остановка «Соцгород»:

прямо над станционным строением возвышалось многоэтажное, ярко освещённое здание. Не знаю, что это было, но в моём представлении именно это здание было витриной социализма – того самого, о котором тогда столько говорилось и писалось. Верилось и ожидалось, что будущее будет ещё прекраснее.

Помню, как во время одного из наших приездов в Новокуйбышевск (было это, если я не ошибаюсь, осенью 1961 года) мы с восторгом слушали выступление Хрущёва, закрывавшего XXI съезд КПСС:

– Партия торжественно провозглашает: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!

Мои двоюродные сестрицы (в семье дяди Коли их было три) захопавали в ладоши и закричали: «Ура!» У взрослых настроение тоже было приподнятое, но, как мне показалось, они пока не знали, верить им в коммунизм или не спешить.

И всё же очень хотелось верить в хорошее, светлое. Дядя и тётя весело чокнулись с моими родителями стаканами с вином. А возможно, это было и шампанское, которое дядя Коля купил, встречая нашу семью на вокзале.

Семья моего дяди была небогатой. Дядя Коля (Николай Иванович Захаров) был учителем физики и математики. К описываемому периоду он уже занимал должность директора одной из городских школ. Его жена тётя Ира (Ираида Тимофеевна), как

и моя мама, преподавала литературу. Обе наши семьи жили скромно. Правда, у дяди Коли была радиолка, о которой мы могли только мечтать. Мы с удовольствием слушали песни в исполнении Майи Кристалинской, Рашида Бейбутова, а также (сегодня уже подзабытого) певца, Николая Шукина. Припоминается в его исполнении мексиканская песня «Вернись».

Вернись, я вновь и вновь зову, вернись,
Одно твоё лишь слово
Вернёт нам снова
Любовь и жизнь!

Слова эти заставляли по-хорошему грустить и пробуждали в душе какое-то неясное, томительно-сладкое чувство, которое можно назвать предчувствием любви.

Так вот, семья дяди Коли была небогатой, как и наша, но у тётки Иры были сёстры, одна из которых, тётка Рая, работала буфетчицей на вокзале и была замужем за шеф-поваром самого престижного в городе ресторана.

Шеф-повар, его звали Иван Тимофеевич, был мужчиной с колоритной внешностью. Он всегда выделялся в толпе мужчин сложением, имел высокий рост, широкие плечи и при этом очень маленькую голову. Это был неиссякаемый источник анекдотов и неутомимый говорун. Своим положением в ресторане он чрезвычайно гордился. Видимо, сознание своей материальной обеспеченности давало ему ощущение преимущества над скромной учительской братией. Дядя Ваня, как его называли мои сестрёнки, непрерывно острил, осыпал комплиментами дам, причём довольно бесцеремонно. И, как я заметил, он охотно рассуждал на темы, к его профессии совершенно не относящиеся. Например, однажды он ввязался в спор о Маяковском и стал говорить совершенно чудовищные вещи о «неприличной болезни» великого поэта. Моей маме и тётке Ире это так не понравилось, что они даже пытались выпроводить нас с сестрой из комнаты. К счастью, вскоре дядя Ваня перешёл на другую тему.

Свою жену он громогласно называл «моя девочка», что никак не вязалось с её отяжелевшей фигурой. У нас с сестрой он вызывал любопытство. Отец сначала поддерживал с ним разговор, но потерял к нему всякий интерес, когда узнал, что этот «ресторанщик», несмотря на уже солидный возраст, не был на фронте. Такие люди у отца вызывали чувство некоторого презрения. Остальные родственники о дяде Ване отзывались если не с восхищением, то с уважением и даже некоторой завистью. Человек не знал материальных трудностей, а это в те нелёгкие времена имело большое преимущество, особенно в глазах женщин.

Я заметил, что тётке Рае многие женщины откровенно завидовали, особенно это было заметно в тот памятный новогодний праздник, когда моя матушка в очередной раз, и притом публично, продемонстрировала свои «железобетонные» принципы.

Наша семья была приглашена дядей Колей встречать новый 1963 год. Родители сначала не хотели, но родня оказалась настойчивой и получила согласие. Впервые, наверное, за свою жизнь родители согласились отметить Новый год вне дома. Мы с сестрой, конечно, были в восторге, предвкушая

удовольствие от прогулок по празднично украшенному городу и прослушивания любимых пластинок под радиолу. Я был уже взрослым парнем (точнее, хотел таковым казаться), и меня эстрадная музыка очень привлекала. Вспоминаю, как на прошедшие ноябрьские праздники во время очередного нашего визита в Новокуйбышевск, оставшись наедине, мои двоюродные сёстры затеяли танцы. Мы с сестрой тоже оказались в той компании. Там было несколько девочек, на вид совсем взрослых. Как выяснилось потом, это были соседки, которых пригласили мои двоюродные сёстры. Одна из них, высокая, с уже наметившейся грудью, всё время гладела на меня. В её насмешливом взоре я прочитал, что отношения между полами уже не являются для неё тайной. Когда была поставлена очередная пластинка и зазвучала призывная мелодия фокстрота «Цветущий май», высокая девица вдруг объявила дамский танец и пригласила меня. Я обнял её за талию одной рукой, другую положил на узкое плечо. Лица (так звали мою партнёршу) стала рассказывать мне о себе, своих увлечениях. Ей уже исполнилось пятнадцать лет. Я этого возраста должен был достигнуть только предстоящей осенью. Мы перетаптывались с ноги на ногу, словно пьяные и от музыки, и от собственной близости. Ликина ладонь легла в мою руку. Кажется, никогда мне не было так хорошо. Хотелось, чтобы танец продолжался вечно. Мы говорили о школе, о друзьях, но всё это было несущественно – мы как будто даже не вникали в смысл разговора, ведь главным было ощущение нашей близости.

После того памятного танца я ещё больше полюбил радиолу и грампластинки. Однако вернёмся в новогодний вечер 1963 года. За столом было много народа: родственники, приехавшие из Куйбышева, коллеги тётки Иры и дяди Коли. Дядя Ваня с тёткой Раей тоже были приглашены. Иван Тимофеевич, как всегда, царствовал за столом, рассказывал анекдоты, в том числе политические, персонажами которых были Хрущёв, Кеннеди, Фидель Кастро. Как всегда, он говорил и о литературе, стараясь показать свою осведомлённость. Потом неожиданно перешёл на тему благосостояния. Красной нитью этого рассказа была далеко не новая, но всегда вызывавшая внутреннее согласие слушателей мысль о том, что жить надо уметь. Хозяину дома, дяде Коле, Иван Тимофеевич как бы между делом заявил, что ему с тремя невестами (так он шуточно называл его дочерей) следовало бы по нынешним временам и при нынешнем дефиците зарабатывать раза в два больше, чем он получал за своё директорство. После этого Иван Тимофеевич многозначительно заявил, что мог бы при своих связях устроить моего дядюшку туда, где он не будет испытывать недостатка в средствах, а ответственность будет гораздо меньше. Все ненадолго замолчали, словно пережаривая сказанное Иваном Тимофеевичем. Потом разговоры пошли на разные темы, а дядя Коля погружился в думы. Я так понял, что ему предложение шеф-повара запало в душу.

В конце новогоднего вечера, когда уже прозвучали кремлёвские куранты и гости начали расходиться, Иван Тимофеевич вдруг пригласил всю честную компанию назавтра к себе домой, чтобы, как он заявил, показать новую обстановку. Помню,

что мои родители не хотели оставаться и объясняли, что их ждут дела дома, но новокуйбышевские родственники были очень настойчивы. Я так понял, что этого очень хотелось тётке Рае, чувствовавшей в лице моих родителей скрытую оппозицию к идее достижения материального достатка любой ценой. И вот на другой день состоялись смотрины новой мебели. Мебельный гарнитур представлял собой стол, стулья, кресла и шкафы для одежды и посуды. Всё это было обложено в соответствующие чехлы. В присутствии гостей чехлы были сняты,

дабы все увидели мебельное великолепие. Но когда гости сели за стол, чехлы на стулья были одеты снова. Все почувствовали себя неловко, но почему-то промолчали. Я посмотрел на свою мать. В её глазах было видно нескрываемое презрение. К вещам у неё всегда было отношения спокойное. Как учитель, она сталкивалась с сотнями разных людей, но чтобы вот так явно чуть ли не обожествлять мебель, назначение которой – делать жизнь человека удобнее... Кто-то из сатириков, помню, в те годы острил: «Не сотвори себе кумира из табуретки». Но люди всё-таки мечтали и о табуретках, и о столах, и о многом другом, чего далеко не всегда в магазине можно было купить.

Потом гости угощались лично приготовленным дядей Ваней заливным. Благодарили, восхищались вкусом, а в ответ слышали довольное: «Фирма веников не вяжет». Хозяин дома чувствовал себя героем дня. У него прекрасная квартира, отличная мебель, и все эти «добродетели» вызвали законное уважение и восхищение окружающих. Так он думал.

Потом с самым благодушным видом он стал пожимать руки гостям. Но блаженная улыбка на лоснящемся лице Ивана Тимофеевича сменилась выражением полной растерянности, когда пришла очередь прощаться с нашей семьёй. Отец равнодушно пожал протянутую руку, мы с сестрой сказали дежурное до свидания, мама же пожать протянутую руку отказалась и демонстративно отвернулась. Такое отношения не осталось незамеченным. Тётя Ира, и особенно тётя Рая, почувствовали себя очень неловко. Отец смутился и, выйдя в прихожую, спросил мать, почему она, прощаясь, не пожала руку хозяину. Ответ мамы потряс меня и всех, кто находился в прихожей:

– Много чести для какого-то жулика.

Эти слова были услышаны кем-то из гостей, и вскоре, я в этом совершенно уверен, о них узнали тётя Ира и дядя Коля. Мои родители после того инцидента долго не приезжали в Новокуйбышевск. А когда семья дяди Коли следующим летом сама приехала к нам в гости, мы узнали, что Иван Тимофеевич арестован и сидит в тюрьме. Так что оценка, данная

ему моей матерью, оказалась на удивление верной.

Мама была человеком, сформировавшимся в годы сталинского самовластья, и это, конечно, наложило на неё отпечаток. Сталин даже после развенчания культа личности на XX съезде оставался для неё идеалом правителя и человека. Хрущёва она выносила с трудом, в отличие от отца, который первое время восхищён был его простотой и демократизмом.

Когда летом 1963 года мы приехали на экскурсию в Москву (инициатива этой поездки принадлежала маме – она любила путешествовать), в Музее революции произошла сцена, которая была ярким свидетельством маминой преданности идеалам юности. Заканчивая осмотр экспозиции, молоденькая экскурсовод в духе тогдашнего времени сказала что-то язвительное по поводу Сталина и его эпохи.

По её словам выходило, что это был крошечный ад и ничего светлого в те годы не происходило. Мама не сдержалась и высказала экскурсоводу:

– Если бы было так, как вы говорите, мы бы ничего не построили и не выиграли войну.

Экскурсовод начала спорить, говорить о репрессиях, сломанных судьбах людей, но убедить маму не смогла.

Интересно, что в толпе экскурсантов многие были на маминой стороне. Они, судя по всему, понимали необходимость перемен, которые проходили в стране, но Сталин оставался для них символом того трудного и счастливого времени, в котором прошла их молодость. Там были и война, и трудовой фронт, и первая любовь.

Мамино участие в трудовом фронте было отмечено медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Она не была комсомолкой, её отец, мой дед, был репрессирован и выслан на поселение в Уссурийский край. Мать надорвалась, ведя одно хозяйство, без поддержки, и умерла в молодом ещё возрасте в годы войны. Но мама моя не озлобилась и трудилась, работая под девизом: «Всё для фронта, всё для Победы». Сталин же был символом этой борьбы. Иногда мне кажется, что для миллионов людей он был тем же, кем являлся японский император для народа своей страны. Мало кто его

видел, мало кто знал о его жизни, но это японцам было и не нужно. Он представлялся им как живой знак их древней страны, их государства, которому они служили.

При всей приверженности идеалам юности моя мать очень легко и охотно принимала новые веяния и идеи. Можно даже сказать, что они очень привлекали её. Вспоминаю, как восторженно она восприняла повесть Василия Аксёнова «Коллеги» и одноимённый фильм. Будучи старшеклассником, я часто ходил с мамой в кино и хорошо запомнил её слова, сказанные по поводу «Коллег»:

– Не важно, какой ширины носит человек брюки и как стрижёт волосы. Важно, чтобы он имел в руках профессию и хорошо делал своё дело.

Это относилось к осуждениям стиляг, любителей рок-н-ролла, твиста и других западных танцев. В фильме как раз провозглашалась допустимость и модных танцев, и броской экстравагантной одежды, и вообще любого образа жизни, но при одном обязательном условии: человек должен состояться как профессионал, как личность и гражданин.

Великое кино 60-х не могло не волновать и не привлекать такого человека, как моя мать. Когда в нашем кинотеатре демонстрировался знаменитый фильм Григория Козинцева «Гамлет», у меня были какие-то проблемы с математикой, которые надо было срочно решать. В другое время мать не позволила бы мне идти в кино, но демонстрировался «Гамлет», и мама сняла всякие ограничения.

Помню, как мы были очарованы музыкой Шостаковича, игрой знаменитых артистов и, прежде всего, игрой Иннокентия Смоктуновского. Каково же было наше разочарование, когда, спустя некоторое время, мы увидели великого артиста, игравшего принца Датского в спектакле самодеятельного театра! Я имею в виду фильм Эльдара Рязанова «Берегись автомобиля». Сегодня мы всё понимаем правильно, но я нисколько не преувеличиваю, утверждая, что тогда многие зрители, с восторгом принимавшие Гамлета, были разочарованы метаморфозой, произошедшей со Смоктуновским, сыгравшим после роли в великой шекспировской пьесе странного чудика, этакого современного Робин Гуда или Дон Кихота.

Продолжая дальше рассказ о своей матушке, берусь утверждать, что она не просто одобряла новую, открытую разным влияниям и веяниям эпоху, а буквально купалась в ней. Это было связано, вероятно, и с тем, что в описываемое время ей было всего сорок лет. Её интересовали и привлекали все тогдашние музыкальные новинки. Например, очень нравился вокальный цикл Аркадия Островского «У нас во дворе», нравились хиты тогдашней зарубежной эстрады, в частности популярная итальянская песня «Марина». Когда одиннадцатиклассники, «классной мамой» которых она была, затягива-

ли эту песню, она с удовольствием слушала.

Этот 11-й класс был её любимым. Она вела его с пятого класса. В 1962 году ребята окончили школу. Маме в ту пору было только 39 лет. Ученики маму не только уважали, но и любили как своего близкого человека, всецело доверяя ей и ничего от неё не скрывая. Сегодня такое в школе уже не встретишь.

Мама всегда поддерживала все их инициативы и начинания. В последний учебный год у кого-то из 11-классников возникла идея самим заработать средства на проведение выпускного вечера. В то время действовало правительственное постановление «О связи школы с жизнью», предусматривавшее в старших классах наряду с изучением основ наук освоение ещё и рабочих профессий, поэтому всё, что было связано с трудом, стремлением заработать что-то своими руками, в тогдашнем обществе было необыкновенно популярно.

Ребята подрались пилить и колоть дрова для своей школы. Все ученики маминого класса с энтузиазмом включились в это не совсем привычное дело (до сего времени выпускные вечера проводились исключительно за счёт родителей учеников). Работа проходила весело, о чём напоминает фотоальбом. В результате были заработаны средства не только на проведение выпускного вечера и организацию банкета, но и на праздничные платья для девушек.

Мама, несмотря на занятость, постоянно бывала на месте субботников и нередко сама принимала участие в делах своих подопечных.

После того как 11 «А» окончил школу, мама очень переживала. Ей не хватало ребят, ставших такими близкими. Те же самые чувства испытывали и выпускники. После школы они не прерывали связи со своей классной руководительницей, постоянно навещали её, писали письма из самых разных концов Советского Союза. Каждое такое письмо – живой документ, который не может оставить равнодушной даже самую заскорузлую душу. Вместе с тем это яркие свидетельства ушедшей эпохи, того времени, когда школа была не только местом получения знаний, а целым миром, жившим по законам добра, справедливости и доверия.

Прошло много лет. Перевалили за семидесятилетний рубеж бывшие любимые мамы ученики, но скромная её могила на местном кладбище постоянно посещается всеми, кого она готовила когда-то к большой жизни. И это говорит о том, что её собственная жизнь прожита не зря.

Футбол 1966 года

Многие мои ровесники, кто любит футбол, конечно же, запомнили чемпионат мира, проходивший в Англии летом 1966 года. На нашей памяти было немало и других чемпионатов, но надолго запомнился именно этот. Я часто спрашиваю себя по-

чему. И прихожу к выводу, что именно на этом чемпионате стало ясно, как зависим спорт от политики. Футболисты стремились играть в футбол ради самой этой замечательной игры, но суровая действительность вновь заставила погрузиться в атмосферу недоверия и вражды.

Все мы знаем, как наш народ относился к футболу и спорту до войны и в первые послевоенные десятилетия.

Эй, вратарь, готовься к бою,
Часовым ты поставлен у ворот.
Ты представь, что за тобою
Полоса пограничная идёт!

Это слова популярного спортивного марша довоенных лет. А после войны все любители спорта долго находились под впечатлением серии матчей, блестяще проведённых советскими футболистами с английскими и шотландскими клубами поздней осенью 1945 года. «И к британцам, и к шотландцам прямо в сетку из Москвы залетали мячи!» – с таким ликованием рассказывает о победах советских спортсменов другой, не менее известный марш.

Советские футболисты совершили настоящий подвиг (другое слово подобрать здесь трудно), когда выступили на равных с мастерами родины футбола. Наверное, наши ребята хорошо владели мячом, и прошлые навыки и умения, которые не были потеряны за трудные военные годы, пришлись кстати. Но, бесспорно, поддерживало дух и другое: после Великой Победы, одержанной над фашизмом, упасть в грязь лицом было недопустимо. Плохо играть нельзя было, иначе было бы утрачено доверие миллионов болельщиков огромной страны, а главное, потеряно уважение к самим себе.

Прошло потрясение после доклада Н.С. Хрущёва на XX съезде о культе личности, а дальше произошло неслыханное: осенью 1961 года тело Сталина было вынесено из Мавзолея и предано земле. Жить стало не только веселее, выражаясь известными словами низвергнутого вождя, но и значительно свободнее. Многие вещи и явления обрели свой изначальный, первоначальный смысл. Если уж пишется песня, она преследует только одну цель – быть приятной для исполнителей и слушателей, и зачем искать в ней подспудные смыслы. Если происходят футбольные и хоккейные матчи, то это просто спорт, захватывающее и красивое зрелище, а не сведение счётов с идеологическими противниками. Так думалось и об этом мечталось.

1966 год. Оттепель. Наши люди живо интересуются международными событиями, спортивными в том числе. Интерес этот вполне бескорыстный, в нём нет никакой идейной подоплёки. Хотелось быть свидетелями игры лучших футболистов Старого и Нового Света и самим участвовать в борьбе за чемпионский титул. Мы стремились быть открытыми и от других ожидали того же. Не тут-то было! Отношение к нашей стране на Западе изменилось мало. И это хорошо показал чемпионат мира по футболу 1966 года.

Самая яркая футбольная встреча, подтверждающая это, – матч команд ФРГ и СССР за выход в полуфинал. Помню, какой к нему был интерес. Рискну утверждать, что даже люди, совершенно равнодушные к футболу, не были равнодушны. В нашем по-

сёлке вся мужская половина жила этим матчем.

Встреча происходила 25 июля. По сельскому календарю это разгар полевых работ. Но встреча советских и немецких спортсменов выходила на первый план, непривычно отодвинув повседневные заботы. Советская команда на чемпионате выступала уверенно, последовательно проходя ступени, ведущие к ожидаемой победе и желанному первому месту. И вот ответственный матч за выход в полуфинал.

В те времена в сельской местности далеко не у всех были телевизоры. Не было его и у нашей семьи. Зато телевизор имелся в Клубе железнодорожников. Это было небольшое типовое здание, в котором собирались рабочие-путейцы, чтобы отдохнуть, почитать газеты, «забить козла» и посмотреть чёрно-белый телевизор.

И вот в воскресенье, 25 июля, в клубе собрались мужчины со всех улиц посёлка Спасо-Преображенск, чтобы стать свидетелями события, которое должно было разыграться на стадионе «Гудисон парк» английского города Ливерпуля. Мы пришли вместе с отцом. В те времена люди не были пресыщены такими зрелищами, как телетрансляция международного матча – больше привыкли к радиотрансляциям, голосам Вадима Синявского, Котэ Махарадзе и других властителей футбольного эфира. А тут всё-таки телевизор, дающий более точное ощущение присутствия на месте событий.

Мы расположились на обшарпанных стульях в предвкушении остросюжетного развития матча. Наши футболисты с первых минут активно атаковали, и в воздухе явно пахло голом. Но западногерманские футболисты тоже были парни напористые и не давали нашим спортсменам развить успех до конца, а точнее, пробить по воротам, которые защищал вратарь по фамилии Тилковски.

После одной из атак немцев их усилия увенчались успехом: на 42-й минуте матча наши ворота «распечатал» один из лучших нападающих – рыжеволосый Хельмут Халлер.

Мы с отцом и другими болельщиками не успели подавить возглас разочарования и тревоги, как ситуацию попытался изменить Игорь Численко. Этот ловкий и подвижный игрок вызывал большие симпатии и надежды у зрителей. Игорь Леонидович был очень темпераментным и техничным футболистом. Чем-то он напоминал латиноамериканских героев кожаного мяча. И если бы на дворе стояли другие времена, он, наверное, мог бы стать игроком какого-нибудь клуба вроде «Реала» или «Порту». И вот на 44-й минуте матча Численко поражает ловким и точным ударом ворота западногерманского голкипера Тилковски. «Сухой» счёт был разбавлен. Однако итальянский судья Кончетто Ло Белло этот гол почему-то не засчитал. Я уже не помню сейчас мотива, по которому гол не был засчитан, но, скорее всего, это было несправедливо: руководство ФИФА крайне негативно относилось к спортсменам социалистических стран и, конечно, никоим образом не было заинтересовано в том, чтобы они успешно выступили.

У наших болельщиков поступок судьи вызвал взрыв возмущения. Оно перешло в привычное политическое русло.

– Известно, макаронник поддерживает фашистов! – гневно говорил взъерошенный седовласый болельщик. – В войну-то они ведь заодно были!

– Мало мы их мочили! – отозвался другой.

Наши футболисты во втором тайме продолжали атаковать. Но тут западные немцы неожиданно начали грубить, делая нашим ребятам чуть ли не подножки. Это было отмечено даже нашим всевидящим комментатором Николаем Озеровым:

– Ай-яй-яй, такой футбол нам не нужен! – отозвался он из своей комментаторской кабины.

И опять судья Кончетто поддержал западных немцев: сделал вид, что никаких нарушений нет. А дальше ситуация ещё больше обострилась. Почувствовав безнаказанность, немцы продолжали грубить на поле. И нервы Численко не выдержали – он ударил Халлера, за что был немедленно удалён с поля. Вероятно, если бы этого не произошло, наши ребята забili бы гол, и сделал бы это, скорее всего, сам Численко. Но его удалили, и на 67-й минуте матча Франц Беккенбауэр забил гол в ворота советской команды.

Счёт 2:0. Можете себе представить подавленность наших болельщиков? Неужели всё кончено, и наши на этот гол ничем не ответят?

Напряжение достигло предела. И вот за две минуты до конца встречи, на 88-й минуте, ворота западногерманской сборной поражает Валерий Поркуян. Счёт становится 2:1. Звучит финальный свисток. Матч заканчивается победой сборной ФРГ. Наш выход в высший футбольный свет заканчивается неудачей. В полуфинал мы не попали. И дело не только в том, что удача улыбнулась немецким спортсменам: Западу очень не хотелось нашей победы!

Невольно вспоминаются недавние страсти на зимней Олимпиаде в Южной Корее, где наших спортсменов обвинили в использовании допинга, и многие из них даже лишены были возможности выступать.

Идея «чистого спорта», свободного от политики, по-прежнему ещё далека от своей реализации. И это не может не удручать.

Куба – любовь моя!

Вряд ли будет преувеличением утверждение, что шестидесятые годы прошли в нашей стране под знаком увлечения всем, что связано с Кубой. Этот феномен до сих пор живёт в памяти людей, чья юность пришлась на то незабываемое время.

До 1959 года, когда победила кубинская революция, большая часть жителей Советского Союза вообще не подозревала о существовании далёкой карибской страны. И только очень немногие знали, что народ этой страны ведёт борьбу за подлинную независимость и свободу. Среди этих немногих были я, тогда ещё ученик Спасо-преображенской средней школы, и мой отец. Я живо интересовался политикой и до сих пор как будто вижу перед собой газету «Правда» – главный тогда источник международной информации с почти обязательной для каждого номера карикатурой Кукрыникова.

Вспоминаю, как ещё в 1957 – 1958 годах в одном из номеров газеты была опубликована статья,

рассказывающая о борьбе кубинских патриотов в горах Сьерра-Маэстры против войск проамериканского режима Батисты. Эту статью мы прочитали вместе с отцом. Она была без иллюстраций, как было принято в то время, но моё детское воображение нарисовало образы кубинских революционеров. Как выяснилось впоследствии, они мало чем отличались от подлинных героических «барбудос»: растиражированные их фотографии вскоре стали печататься повсеместно.

Я помню, как поделился с отцом своими соображениями по поводу возможной победы кубинских борцов за свободу.

– Это вряд ли, – усомнился мой родитель. – Что может горстка плохо вооружённых людей против армии, вооружённой американцами?

Это был тот редкий случай, когда отец в своих прогнозах ошибся. Первого января 1959 года радио сообщило, что повстанцы под командованием Фиделя Кастро вступили в Гавану.

Думаю, именно это стало началом настоящей кубинomanии в нашей стране. Увлечение Кубой вызвало к жизни множество литературных и музыкальных произведений. Почти ежедневно в эфире звучало:

Куба – любовь моя!

Остров зари багровой!

Песня летит над планетой, звеня.

Куба – любовь моя!

И это не единственная песня такого рода. Уже в самом начале 60-х на экраны вышли советские фильмы, рассказывающие о буднях далёкой революционной страны. Особый интерес вызвал кинофильм «Я – Куба», поставленный Михаилом Калатозовым в 1964 году и состоящий из четырёх новелл. То была весьма удачная попытка рассказать о прошлом и настоящем далёкой латиноамериканской страны.

На сцене Московского театра оперетты с большим успехом шла музыкальная комедия азербайджанского композитора Рауфа Гаджиева «Куба – любовь моя», про которую посол Республики Куба Энрике Креспи выразился, что она является кубинской не только по духу, но и по мелодике и ритмам. И это при том, что в оперетте нет ни одной подлинно латиноамериканской мелодии – вся музыка сочинена нашим композитором. Конечно, наши поэты-шестидесятники Андрей Вознесенский, Роберт Рождественский, Евгений Евтушенко посвящали свои стихи Кубе. До сих пор помню ныне мало кому известное стихотворение «Кубинская мать», которое прочитал на одном из вечеров в нашей школе признанный чтец и декламатор Валерий Карпов.

У Плайя-Хирон есть палатка походная.

А в этой палатке крестьянка живёт.

И каждую ночь, на виденье похожая,

Выходит и медленно к морю идёт.

«Отчего вы не спите, сеньора Амелия?»

Карибское море мгла облегла.

«Отчего вы смотрите туда, где Америка,
Сквозь наплывающие облака?»

Она отвечала: «Его звали Пабло.

Когда я ещё молодая была,

Люльку повесив на ветку пальмы,

Я рядом кофе в ступе толкла.
 Мой Пабло рос, как тростник в долине.
 И за него в одну из атак
 Мой муж погиб под Пинар-дель-Рио,
 С ветхим ружьишком идя на танк.
 А Пабло рос, и когда ему в марте
 Семнадцать стукнуло, наконец,
 Он мне сказал: «Ты пойми меня, мадре,
 Я должен солдатом стать, как отец».
 Я поняла, и, не плача, не споря, –
 Так чувствуют всех матерей сердца.
 И люди оттуда, прибывшие, с моря,
 Убили, убили его, как отца!»

Заканчивалось стихотворение гневным вопросом-обращением: «Счастливые матери американские, вы видите эту кубинскую мать?»

Карпов читал превосходно. Умение говорить проникновенно, выразительно он унаследовал от своего отца, первого секретаря райкома партии.

Кубой восхищалась молодёжь. Наши ребята даже завидовали своим сверстникам с далёкого острова, какая у них интересная романтическая жизнь. «Это не то, что у нас, где скучные комсомольские собрания чередуются сбором металлолома и макулатуры!» Правда, вскоре выяснилось, что живут наши далёкие сверстники не одной только революционной романтикой. Короткое и звучное слово «сафра» говорило о том, что революции нужны не только митинги, но и упорный труд. Целыми семьями кубинцы выходили на уборку сахарного тростника, главной сельскохозяйственной культуры. Из городов на помощь крестьянами приезжали люди самых разных профессий.

Естественно, жгучий интерес вызывали кубинские лидеры. Они так не походили на наших, «забронзовевших», успевших изрядно обюрокротиться руководителей.

Во время своего первого приезда в Советский Союз весной 1963 года Фидель Кастро сразу завоевал расположение простых людей. Постоянный переводчик кубинского лидера Николай Леонов вспоминает: «Бородатый, в боевом оливковом френче, всегда выступавший по памяти, а не по бумажке, в короткий срок Фидель влюбил в себя практически весь Советский Союз. Это был тот неведомый новому поколению советских людей настоящий революционер, живой, страстный, открыто презиравший бюрократию и чопорность, убеждённый боец за справедливость, как наши отважные командиры времён Гражданской войны, словно сошедший со страниц романа Николая Островского, этакий кубинский Павка Корчагин. Уже тогда он выделялся на фоне советских лидеров своей открытостью, демократизмом, а самое главное, неистовой уверенностью в правоте своего дела, обострённым чувством независимости.

«В Кремле ему была выделена одна из комнат, – вспоминает Леонов. – И вот однажды вечером около 11 часов он говорит мне:

– Пойдём просто погуляем по Москве.

Я в шоке, отвечаю:

– Фидель, мы же без охраны.

Он упёрся:

– Я хочу прогуляться по Москве.

Успеваю предупредить дежурного офицера. Тот в неменьшем шоке. А Фидель уже готов к прогулке. Выходим втроём через Боровицкие ворота, 12-й час ночи. Проходим первую троллейбусную остановку. Народ в изумлении, не верит, что перед ним тот самый живой и уже ставший легендой Фидель. Спустя минуту на улице раздаются радостные возгласы, метр за метром – нас окружает всё больше людей. На подходе к Манежной площади – их уже сотни, толпа напирает всё возбуждённое и радостней. Для всех советских людей было настоящим откровением, как под боком США, без всякой помощи извне могла победить социалистическая революция? Всех интересует одно: как долго продержится кубинская революция?

– Продержимся и будем жить! – уверяет Фидель.

На подходе к гостинице «Москва» людей уже тысячи, они всё бегут и бегут. Офицер охраны в ужасе. Кажется, что от счастья публика готова разорвать Фиделя на части. Офицер через окно влезает в гостиницу, успевает по телефону вызвать подкрепление. Фиделя вот-вот разорвут на сувениры. Нам с трудом удаётся прорваться в гостиницу и на время укрыться от возбуждённой счастливой толпы».

Мы жили далеко от Москвы, но газеты, журналы, кинофильмы, радиопередачи делали своё дело, и мы получали всю необходимую информацию о Кубе, её народе, лидерах. Любили их так же, как те, кто с ними встречался непосредственно.

Уже спустя несколько лет, будучи студентом Ульяновского пединститута, я продолжил знакомство с Кубой и её людьми – на сей раз очно.

Че Гевара

В Школе высшей лётной подготовки проходили стажировку кубинские лётчики. Мы, студенты, нередко встречались с ними во время танцевальных вечеров в Доме офицеров. И вот тогда, в октябре 1967 года, от своего нового знакомого, кубинского пилота Хосе Антонио Хименеса я узнал о гибели в боливийской сельве верного соратника Фиделя – Эрнесто Че Гевары. Ощущение было такое, что я потерял близкого человека. Команданте Че погиб, сражаясь за свободу боливийского народа, для чего оставил вполне благополучную должность в Гаване. Это было близко нашей молодёжи, воспитанной на примерах истории нашей страны, героев советской литературы. Сегодня я думаю, что всё, связанное с героической Кубой, работало и у нас на воспитание настоящего человека, не давая нашим людям скатиться в болото мещанства и бездумного потребительства. Революция на Кубе не только духовно распрямила свой народ, но и оказалась необходимой и даже спасительной для нашей страны, наших людей, заставив их вспомнить о справедливости, свободе, равенстве и братстве, начертанных на знаменах всех великих социальных движений.

СТРАНА ПОЭЗИЯ

*Светлана ЗАЗИМКО, (Димитровград), член Союза писателей России,
руководитель клуба любителей поэзии «Эхо»*

«ЛЕТИТ ДУША...»

ПРАЗДНОСТЬ

*«Ты знаешь, друг, что праздность – горе,
Коль не с кем нам её делить».
Ф. Тютчев.*

Я войду в опустевший мой сад,
Постою на остывшей дорожке.
На скамейке прилудная кошка
Грустно смотрит на ранний закат.
Позабытой, куда ей теперь? –
Нет хозяев покинутой дачи:
До весны не придут – не иначе, –
Не откроют знакомую дверь...

Я «сама по себе», как она,
Праздно дни провожу свои тоже
И в свой сад, как случайный прохожий,
Заглянула сегодня одна.
Здесь недавно под летний рассвет
Соловиные песни звучали,
И казалось: не будет печали,
И конца счастью летнему нет!
Но «не вечно ничто под луной» –
Вот и осень уже на исходе,
Повинуясь всевластной Природе,
Снова зиму ведёт за собой.

ПОЗДНИЕ ЦВЕТЫ

Хризантемы, хризантемы,
Одиночества цветы...
Нет в стихах больнее темы,
Чем «в разлуке я и ты».

Под дождем цветы промокли,
И просвета в небе нет...
Ты представить разве мог ли,
Что на мне сойдется свет,

Что осеннее ненастье
Выдаст встречи нам с тобой, –
И безудержное счастье
Вдруг взметнется над судьбой?

Только все же, друг сердечный,
Знаю я, и знаешь ты,
Что оно недолговечно,
Как и поздние цветы...

ПРОСТИ МНЕ ПРОШЛЫЙ ДЕНЬ

Прости мне прошлый день,
Как горький день Помпеи,
Где вместо пепла снег
И долго нет весны, –
Я ждать ее одна
Устала. Не умею
Быть в яви без тебя.
А ты приходишь... в сны.

Что было и прошло,
То равносильно смерти.
И вот уж нету сил
Добраться до утра...
Но солнце вновь взошло, –
И три кита под твердью,
И светится любовь
На кончике пера.

СТРАННАЯ ЗИМА

Вновь над городом висит ночная тишь.
Лунный свет едва скользит по скатам крыш.
Белым пологом укутана земля,
И в сугробах греют ноги тополя.

Мысли кружатся,
как снег у фонаря:
Все, что было,
затевалось, видно, зря! –
Как дожить,
дождаться утренней зари...
Ты – молчи!
Ты ничего не говори!

Лучше я в ночи додумаюсь сама:
Может, просто нынче странная зима,
Что не спится,
и не в силах ты помочь...
А из города уже уходит ночь.
Но и утром,
с возрождением бытия,
Как нам быть, не знаем оба – ты и я...

ФЕВРАЛЬ

Белые метели,
щедрые снега.
Как невесты – ели;
копны – как стога.
Ветер хороводный –
все вокруг бело,
Белопенным кружевом
окна замело,
Замело – завьюжило,
затемнило свет.
На тропинке узенькой
затерялся след...

ДОРОЖНОЕ

*(Памяти моей матери Валентины Спиридоновны,
1914 – 2014 гг.)*

Тусклые сумерки,
снежно – равнинные,
Быстрых колес перестук.
Мысли тяжелые,
длинные – длинные,
Горечь нелегких разлук...
Сколько б родных и друзей
ни утратили,
Неисправим человек:
Все-то нам кажется –
вечной быть матери,
Пусть за спиной ее век!

Знаем, издревле умы напрозорчили:
«В вечности – вечного нет!»
Уж никогда мне не быть в ранге дочери...
Стонут колеса в ответ;

Тянутся рельсами думы дорожные, –
Ночь за окошком черна, –
неутолимые,
горькие,
сложные,
Выпили сердце до дна...

ОДИНОКО...

Засыпает мои следы.
Утопают в сугробах ели.
Отголоском былой беды
Мчатся рядом со мной метели.

Они бьют лобовое стекло,
Заметают мне путь-дорогу.
Всё что было, уже прошло,
Только сердце щемит немного.

Только редкий привет – сигнал
Огоньками машины встречной.
Мой таежный, седой Урал,
Я прощаюсь с тобой навечно.

Ты теперь уж не станешь звать
Ежегодно приехать в гости:
Здесь уже и отец, и мать
Упокоились на погосте...

Я сквозь снег, что в глаза летит,
Пробиваюсь в мой дом далекий.
Только сердце сильней болит.
Одиноко мне,
Одиноко...

ОДНА

Иду-бреду под снегопадом
В молочно-тусклой белизне.

Мне непременно срочно надо
С собой побыть наедине...

Как ветер хлещется в дубленку,
И все лицо мое в снегу!

С святой наивностью ребенка
Никак расстаться не могу...

И вьюга разгулялась тоже,
Деревья, крыши теребя.

А все прохожие похожи,
Как две снежинки, на Тебя...

У ОЗЕРА

Здесь все дороги в прошлое ведут.
Здесь все мои пути исповедимы.
Здесь все тропинки, все травинки ждут
И берегут твои следы, любимый.
И старая скамейка та жива,
И у кострища валуны застыли.
Лишь птичий след ложится в кружева,
Да зайцы свои тропы проложили.
И я сюда свою лыжню торю
И приношу свои воспоминанья.
Я здесь с тобою молча говорю...
И возвращаюсь, словно со свиданья.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Так волшебно,
так красиво
За окном летит снежок,
Он неспешно и лениво
За стежком кладет стежок.

Что же вышьет этот вечер?
Но, что будет, то и пусть:
То ль разлука – то ли встреча,
То ли радость – то ли грусть, –
Все, что есть, душой приемлю,
Рада зимам и весне, –
Лишь бы свет сходил на Землю,
Да ты думал обо мне...

ЛЕТИТ ДУША...

Страданием очистится душа,
Омоется горячими слезами
И в новый день отправится, кружа
Опять между землей и небесами.

За землю мы цепляемся, за твердь,
Стоим на ней уверенно и прочно,
А грезим высотой, хотим лететь –
И в снах своих опять летаем ночью.

А где упасть – ах, нам не все ль равно:
Все будет так, как повелит Всевышний.
Как Он решит, так будет суждено, –
Мы не вольны ни в смерти и ни в жизни.

Не станет тела – тлен свое возьмет, –
Лишь над холмом ему послужит стела.
Но непрерывен в Вечности полет
Души, что над землей летать хотела...

ВЗЯТЬ ПАУЗУ...

Взять паузу и дух перевести:
От всех невзгод стараться отстраниться,
Укрыться, словно в кокон, отрешиться
От горьких дум – и тем себя спасти.

Когда душа в изломе и тоске,
Боль не щадит измученное сердце,
Нуждаешься в протянутой руке,
Чтоб на нее в надежде опереться.

А может быть, сказать всему «прости»,
Отправиться в далекую дорогу, –
Немало средств, но главное, ей-богу, –
Взять паузу и дух перевести...

КЛУБ «ЭХО» ОТМЕТИЛ ЮБИЛЕЙ

27 ноября 2018 года во Дворце книги города Димитровграда прошло торжественное заседание Клуба любителей поэзии «Эхо», посвященное 45-летию объединения.

Руководитель клуба – поэт Светлана Витальевна Зазимко принимала поздравления. На литературный вечер прибыли гости – ульяновские писатели: Илья Таранов, Александр Лайков, Александр Тимаков. Звучали стихи и песни. В праздничной программе приняли участие музыканты – ансамбль школы искусств №2.

«Эхо» – уникальное читательское объединение, его участники по-настоящему любят и ценят поэзию.

Валерий КУЗНЕЦОВ, член Союза писателей России, доктор исторических наук, автор книги стихов «Лира Орфея»

ПОЛНОЙ МЕРОЙ

* * *

Здесь севера холодная вода.
Ещё немного, когда льда слюда
Её укроет под собой надолго,
А ведь зима пока что не близка.
Вода темна, небыстра, нелегка,
От холода её ладоням колко.

А сверху небо, хоть рукой достать,
И серый цвет безрадостный – под стать
Тому, что здесь сейчас передо мною.
Чистилище должно быть таково:
Лишь серый цвет и торжество его,
Как здесь всё полно серостью одною.

Нет ни следа от золотой поры,
Тем более от лета, чьи дары
Сейчас воспринимаются как сказка,
И, кажется, возврата больше нет,
И скудный свет, и этот серый цвет –
Вполне закономерная развязка.

Нет. Всё не так. Финал совсем не в том,
И это вовсе не последний том
Развёртывающейся эпопеи.
Но не на тех страницах мы сейчас,
И счастье будет, хоть не в этот раз,
Ну так иди сквозь осень, не робей.

* * *

Рябь на воде. Красиво.
Переливается дно.
Самая кромка залива.
В мир красоты окно.

Линии длятся и длятся,
Смотрю и смотрю на них
И десять минут и двадцать.
Мир весь из них одних.

Ни смысла нет и не цели,
И вовсе ни для кого.
Так может всё, в самом деле,
Не стоило ничего?

И мы все напрасно жили,
Даже не жили – так,
Всё напрочь забыли, или
Просто не сделали шаг.

Потому что мир есть – мерцанье,
Настоящий мир – тот, не наш,
Куда, будто бы в наказание,
Не пускает нас некий страж.

* * *

Сделай лучше!
Чтоб грозой не грозили бы тучи,
Чтобы солнце не жгло беспощадно,
Ладно?

Будет так. Всё же,
Что тебя, о, творец, тревожит?
И ты губы сжимаешь ту же
Почему же?

Дни творенья –
Сплошное ошибок сцепленье?
Но назад не воротишь. Значит –
Кто-то плачет.

Дует ветер
И жить неуютно на свете.
Так и будет. Я словно плясун на канате.
Хватит!

* * *

Она ушла, и он ушёл,
А что осталось?
Мир, словно нерв, стал обнажён.
И боль, и жалость!

Мир словно молнией сожжён,
До сердцевины.
Она ушла, ушёл и он,
А где причины?

Да вот холодный ветер был,
И было плохо,
И для любви не стало сил
Им в их эпоху.

Их нет, как будто бы они
Едва ли были.
И вот идут они одни
В другие были.

* * *

За несколько стихов хороших
Он полной мерой заплатил,
А так – как все, он жизнь бы прожил
Насколько бы хватило сил.

Он видел всё бы по-другому,
Он затерялся б среди других,
Не стал, как на помост влекомый,
Посмешищем для всех для них.

Осознавал ли он всё это?
Нет, да и жить он так лишь мог,
Ненужный, как в лучах рассвета,
Хранимый ночью у голёк.

И не стучал ни в чьи он двери
И не взывал он ни к кому.
В свои стихи он только верил,
...Не помогли они ему.

Б. ГОРШЕЧНИК

Ночной горшок вчера мне заказали снова.
Их сколько сделал я, но, видно, в них нужда.
Гончарный круг, крутись. Ну что же, всё готово.
Осталось лишь обжечь, ну впрочем, как всегда.

Заплатят мне чуть-чуть, но хорошо хоть это,
Я должен пекарю уже и мяснику.
Пора и спать идти, на небе мало света,
А завтра мне опять работать, старику.

Но снова перед сном я попрошу у Бога,
Что б милостью своей меня не обделил,
Чтоб после смерти мне открылась бы дорога
К нему, туда, где рай, чтоб мне хватило сил.

Я стар, но не хочу я умирать, о, боже,
И верю я в одно: не можешь ты не быть,
Иначе жуткий страх, до крика и до дрожи,
Иначе как же жить, скажи мне, как же жить?

* * *

Словно где-то за светом, за бредом,
Словно где-то, неведомо где,
Словно понял, что мир был неведом,
Словно шёл от беды иль к беде.

Словно солнце светило над нами,
Словно утром блестела роса,
И закат пламенел полосами,
И шумели ветров голоса.

Словно мир этот был в самом деле,
Словно в нём я когда-нибудь жил,
Словно разница: эти ли, те ли
Проходил я тогда рубежи.

Как всегда на Крещение морозы.
Я стою за святою водой,
И от счастья, от холода ль слёзы
Нитью стынут на мне ледяной.

* * *

Теперь поэзия. Она
Не может многим нравиться,
Вот часто и идёт одна
По улице красавица.

И мало кто посмотрит вслед
Или замрёт в волнении,
И длится так все сотни лет
Со дня её рождения.

Но это значит лишь одно,
Что плохо с человечеством,
Если с поэзией оно
В путь не пошло доверчиво.

А непонявшим красоту
О чём бы здесь жалеть ещё?
Из хаоса да в пустоту,
Да и сказать-то нечего.

ПОЛЁТ

Мне снова приснилось – летаю во сне,
Да лет-то мне сколько – немало,
Но снова пришло это чудо ко мне,
Лишь только заснул я устало.

Понятно, что сон, что реальность не в том,
Что всё и бессмысленно тоже,
Но вот отчего ж тот полёт, тот фантом
Реальности всей мне дороже?

ПРОШЛОЕ

Там, где воют ветры-ураганы,
Где стоят из камня истуканы,
Больше уже нечего делить.
Там из трёх времён – осталось только
Прошлое, что навсегда так горько,
Прошлое, что нам не изменить.
По нему мы бродим, словно тени
В бесприютном дантовском аду,
И надежды так же, как прощенья,
В нём, я это знаю, не найду.
Страшный мир, где только слово – «было»,
Где другие звуки и цвета,
Это место, где бессильна сила,
Мир, где бесполезна красота.
Я кричу, но крик никто не слышит,
Только ветер всё траву колышет,
Да глядит куда-то истукан.
Вот оно, такое наказание –
Всё плутать по своему сознанию,
В этой бесприютнейшей из стран.

23 СЕНТЯБРЯ 2018

Маленький кусочек лета,
Маленький кусочек счастья.
Я земли коснусь – нагрета,
Вверх взгляну я – нет ненастья.

Средь осенней непогоды,
Это чудо, просто чудо.
Ты несчастлив? Что ты, что ты!
Будешь счастлив? Буду, буду!

* * *

Мы скоро будем фотографии,
Но мы пока что не они.
Ты рюмку подними за здоровье
И на меня сейчас взгляни.

Слова ещё из звуков сложены,
И плоть пока имеет вес.
Мы будем на себя похожими,
На тех, спустившихся с небес.

Ещё немного ветра, осени,
Ещё немного нас самих.
И запах новогодний, сосенный
Уже не наш, еще не их.

ДОРОГА К ХРАМУ

В октябре в Ульяновске состоялись значимые события, связанные с именем прославленного адмирала Фёдора Ушакова. Во Дворце книги была организована выставка «Непобедимый адмирал святой праведный воин Фёдор Ушаков». А позже в парке Победы состоялось открытие памятника Фёдору Ушакову.

НЕБЕСНЫЙ ВОИН-ЗАСТУПНИК

24 октября в Ульяновске на Аллее Славы в парке Победы состоялась торжественная церемония открытия памятника адмиралу российского флота, святому праведному воину Фёдору Ушакову.

На мероприятии присутствовали создатель обелиска, член Союза художников России Игорь Смиркин, а также студентка Ульяновского государственного университета Мария Гусарова, которая выиграла грант на его установку.

Церемонию открытия посетили духовенство и верующие Симбирской епархии, представители Законодательного собрания Ульяновской области, сотрудники администрации города Ульяновска, представители общественных организаций, военные моряки и ветераны ВМФ, члены Симбирского отделения Императорского православного палестинского общества (ИППО).

Мероприятие началось с молебного пения. Молебен совершил митрополит Симбирский и Новоспаский Анастасий.

Владыка окропил памятник святой водой и обратился к собравшимся с архипастырским словом: «Дорогие братья и сёстры! Сегодня Земля Симбирская приносит скромный дар человеку, который является верным чадом матери церкви и настоящим

о. Сергей и моряки

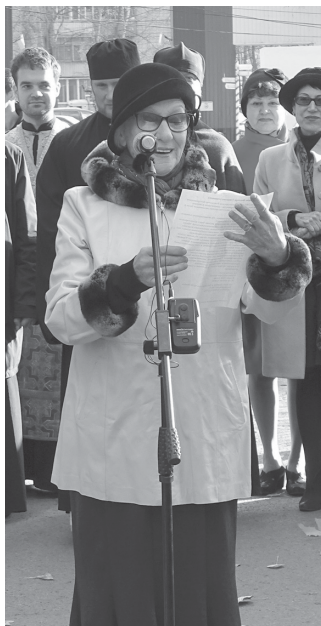
патриотом нашего Отечества. Сейчас очень много говорят о патриотизме, о том, каким должен быть человек. Человек должен усваивать уроки истории. В разные исторические эпохи Господь посылал нам людей, которые стояли на защите наших рубежей. Святой праведный Феодор Ушаков очень многое сделал для нашей страны. Он очень любил наш народ и уважительно относился к воинам, которые вместе с ним сохраняли мощь державы Российской. Фёдор Ушаков сделал всё, чтобы не только одержать победу в боях, но сберечь как можно больше воинов, которые были в его подчинении. Он так любил народ Божий, так любил каждого человека, что душу свою положил за ближних своих. Жизнь свою Фёдор Ушаков посвятил служению людям и служению Богу.

Нам известно, что он принял монашеский постриг и земную жизнь свою закончил в Санаксарском монастыре, где после праведной кончины и был погребён. По сей день в эту обитель приезжают тысячи людей, чтобы поклониться этому великому человеку, попросить его молитвенной помощи.

Сейчас, когда нашу страну осаждают внешние и внутренние неприятели, мы должны прибегать к помощи наших небесных воинов и заступников. Такие люди, как святой Феодор Ушаков появляются

в истории не так уж и часто. Молитвами таких людей Господь сохраняет мир в нашей стране. Будем верить, что наша страна будет непоколебимой и сможет выстоять под натиском всех негативных явлений, которые на нас обрушиваются. Поздравляю вас с появлением этого обелиска в парке Победы. Надеюсь, что люди, приходящие сюда, будут изучать свою историю и поминать людей, которым мы обязаны миром и благополучием».

На открытии памятника выступила народная артистка России Кларина Ивановна Шадько.

Кларина Шадько

Владыка Анастасий

Наталья Гудень

Приветственные слова также произнесли: первый заместитель главы города Ульяновска Вадим Андреев, председатель комитета по социальной политике, государственному строительству, местному самоуправлению и развитию гражданского общества Сергей Шерстнёв, депутат Ульяновской городской думы Владимир Черничко, председатель Союза моряков-подводников города Ульяновска Николай Власов и руководитель Симбирского регионального отделения ИППО Наталья Гудень.

ПОД СОСНАМИ РЯЗАНОВО

Под соснами села Рязаново 31 октября 2018 года димитровградцы простились со своим земляком, писателем Александром Фёдоровичем Никоновым.

Ушёл из жизни хороший человек, обладавший уникальным литературным почерком, создавший много интересных произведений. Он только что отметил своё 70-летие. Похоронили писателя в тихий, ясный морозный день под дубками и березками в селе Рязаново, рядом с его мамой и другими родственниками. Грустно и светло звучали стихи, посвященные в этот печальный день его уходу. На прощальной церемонии было сказано много добрых слов об Александре Фёдоровиче собратями по перу.

Валентин Николаевич Манухин, член Союза писателей России и димитровградской писательской организации «Слово».

«Сегодня мы провожаем в последний путь, – сказал Валентин Николаевич, – нашего товарища, талантливого писателя, прозаика. Сколько он написал повестей, рассказов, сказок! Замечательный друг был... Он радовался жизни, у него были большие планы, остались черновики будущих произведений. Ушёл он совершенно неожиданно. Светлая память о нём навсегда сохранится в наших сердцах.

Есть в жизни продолжение твоей
И в книгах, что написаны тобой,
В душе, в сердцах твоих друзей.
Талант не засыпается землёй!»

Александр Степанович Осипов, член Союза писателей России и писательской организации «Слово».

«Александр Никонов был писателем российского масштаба. Меня всегда поражали в нём трудолюбие и талант. Талант – один, без трудолюбия, мало что значит. Этот человек каждый божий день трудился, трудился упорно, верил в литературу, оставался верным литературе. Я думаю, люди ещё долго-долго будут читать его книги».

Александра Георгиевна Белова, член Союза писателей России и писательской организации «Слово» произнесла проникновенное прощальное слово. В частности, сказала: «Всю правду и горечь чеченской войны я познала из книг Александра Никонова. Горжусь, что я жила с ним в одном городе – в Димитровграде!»

Приходили строки соболезнования от тех, кто не смог присутствовать на прощании. Тронуло письмо поэта из Карсуна **Татьяны Александровны Эйхман**:

«Дорогие жители Димитровграда, передайте искренние соболезнования семье Александра Никонова. Мы знаем его по многим произведениям, но запомнили по повести «Что ты вьёшься, вороночек?» Эта повесть о путешествии Пушкина, визите его в Языково... Мы обсуждали каждый отрывок, опубликованный в журнале «Симбирск», вели переписку с автором, планировали авторскую встречу в музее «Усадьба Языковых». Увы! Жизнь повернула иначе... Пусть память о нём сохранится на долгие годы. Повесть, книги А. Никонова остались людям. Всё его творчество требует внимания и признания. Нам остаётся молиться о Царствии небесном. Вечная память!».

Александр Дмитриевич Лайков, член Союза писателей России: «Я считаю, что Александр Никонов был одним из самых ярких и талантливых писателей Поволжья. Мы дружески общались. Он называл меня «Санёк» или «Тёзка», присылал свои произведения, которые я предлагал для публикации в журнале «Симбирск». Особенно большое впечатление на меня произвели роман «Что ты вьёшься, вороночек? Или Две дороженьки» и повесть «Женечка», отрывок из которой был переведён на венгерский язык и опубликован в журнале «Зов» (Будапешт).

Илья Александрович Таранов, руководитель Ульяновского отделения Союза писателей России подчеркнул:

«Мы считаем, что разговор Александра Никонова с читателями не прервался. Этот разговор будет продолжаться. Его книги, повести, рассказы будут читать не только наши современники, но и будущее поколение».

После состоявшегося прощания, после сердечной встречи с димитровградцами, Илья Александрович написал собратям по перу: «Наверное, это то главное, что должно нас объединять: чувство сопричастности с радостью и болью каждого, с чувством гордости за единство наших устремлений, да просто за то, что мы можем общаться, поддерживать друг друга и хранить память о тех, кто покинул этот прекрасный мир».

А. Лайков предложил увековечить память Александра Никонова и разместить памятную доску на доме, где жил писатель. Это предложение поддержали литераторы Ульяновска и Димитровграда, представители администрации города.

Пусть будет долгой и светлой память об Александре Федоровиче Никонове! Пусть его книги всегда будут находить своего читателя.

Публикацию подготовили Раиса Кашикирова, Александр Лайков

Наша справка:

Александр Фёдорович Никонов

(27.04.1948, с. Александровка Мелекесского района Ульяновской области — 28.10.2018, г. Димитровград Ульяновской области), писатель, член Союза писателей России (1998).

Родился в с. Александровка Мелекесского района, детство и юность прошли в с. Рязаново того же района. Окончив восьмилетнюю школу, поступил в Рязановский сельскохозяйственный техникум, получил специальность техника-электрика. После окончания техникума несколько месяцев проработал по направлению в совхозе «Логоновский» в Свердловской области. Затем был призван в ряды Советской армии, служил на Дальнем Востоке. Живя в Ульяновске, трудился на Ульяновском радиоламповом заводе, на заводе «Гидроаппарат», на Ульяновском автомобильном заводе. Литературным творчеством начал заниматься с конца 1960-х гг. Первая литературная публикация появилась в 1970 г. в многотиражной газете Ульяновского радиолампового завода «Сигнал». В качестве рабочего корреспондента сотрудничал с редакциями газет «За коммунистический труд» (Ульяновский автозавод), «Ульяновский комсомолец», «Ульяновская правда». В 1976 г. окончил Казанский государственный университет по специальности «журналистика». После переезда в Мелекесский район работал литературным сотрудником районной газеты «Знамя труда», а затем редактором многотиражной газеты «Строитель», печатном органе Димитровградского управления строительства. Продолжал публиковаться в областных периодических изданиях, где были напечатаны десятки заметок, статей, очерков и литературных произведений. Участвуя в областном конкурсе очеркистов, в 1975 г. за очерки «Счастливая судьба», «Русский

колос» и «Хлебный звон» был удостоен первой областной премии. В 1989 г. принял участие во Всероссийском семинаре молодых прозаиков в г. Дубулты (Латвийская ССР), который проходил под руководством главного редактора журнала «Новый мир» С.П. Залыгина. После участия в семинаре литераторов Поволжья в сборнике «Воложка» (Куйбышев, 1990) был опубликован рассказ «Колодезники», получивший одобрение критиков и читателей. Затем последовали публикации в коллективных сборниках «Теремок сказок» (Саратов, 1992), «Беседка муз» (Ульяновск, 2001), «Золотое зеркало» (Ульяновск, 2007), в антологии «С любовью трепетной» (Ульяновск, 2005), «Ульяновская словесность: начало XXI века» (Ульяновск, 2015).

Романы, повести и рассказы писателя печатались на страницах литературных журналов «Карамзинский сад», «Литературный Ульяновск», «Симбирскъ», «Черемшан», «Радуга Причеремшанья», «Большой Черемшан», в патриотическом литературно-публицистическом альманахе «Совершенно НЕ секретно» Димитровградского писательского отделения Союза писателей России, издаваемого Ульяновским региональным благотворительным общественным фондом поддержки ветеранов и офицеров запаса КГБ, ФСБ, МВД «Эгида».

Первая книга автора, сказки «Пахомова неделя» (1997), вышла в Димитровграде. Издание двух книг А.Ф. Никонова – «Я с тобой, Вэрк!» (Ульяновск, 2007) и «Побег» (Ульяновск, 2008) осуществлено при поддержке губернатора и правительства Ульяновской области. Роман «Я с тобой, Вэрк!» по итогам областной выставки-конкурса «Симбирская книга-2007» удостоен диплома «Лучшее художественное произведение. Проза». В 2010 г. при спонсорской поддержке в Димитровграде вышли три книги писателя: сборник повестей «Цветок на диком камне» и «Пепел родного очага» из цикла произведений «Кавказский разлом», а также фантастический роман «Амурский ангел».

В 2014 г. А.Ф. Никонов был удостоен звания «Лауреат Всероссийского литературного журнала «Русское Эхо» (Самара) за повесть «Последний лопатинец». Впоследствии повесть была опубликована в юбилейном, 100-м номере этого журнала – «500 золотых страниц».

Александр Фёдорович Никонов скончался 28 октября 2018 г.

Александр НИКОНОВ

У КАЖДОГО СВОЯ ТЕНЬ

Антон Кириллович Рязановский не торопился доживать свой век. Куда спешить? Туда? Да и зачем, когда жизнь не так плоха: пенсии, слава богу, как говаривала его покойная бабушка, «на прожито» хватает, да и на счету кое-что имеется – поднакопил за последние шесть лет перед пенсией, кое-что на депозит положил в надёжный банк, как и советуют маститые экономисты. Последний хозяин, директор крупного завода, на которого работал Антон Кириллович, не пожадничал для главбуха, положил ему приличный оклад, да и премиями в конце отчётных периодов не обделял. Да и пусть бы попробовал обделить, он, Антон Кириллович, тогда ему такую бы бухгалтерию сотворил, что хозяин через год нищим бы стал. И дело не только в оффшорах и потайных заграничных счетах на хозяйских родственников, ближних и дальних, не только в особняке, который хозяин для себя выстроил за счёт средств, выделенных государством на профилакторий-санаторий для работников предприятия. Санаторий-профилакторий директор, конечно, построил за средства, выделенные для его строительства, отчитался честь по чести, только получился этот санаторий раза в три меньше хозяйской дачи, которую возвели гастарбайтеры на «сэкономленные» средства. Да и «поправляли» здоровье в этом, в общем-то непло-

хом, санатории не работяги, а руководство подразделений предприятия вместе со своими домочадцами и «нужные» чиновники с верхних этажей. Да и сам Антон Кириллович там бывал не однажды. С женой, Софьей Павловной, конечно, потому что не мог он один, и тем более с чужими бабами, как некоторые его друзья и сослуживцы, отдыхать. Он и в былые времена, ещё до новой России, никогда «на юга» или в Прибалтику один отдыхать не ездил. Потому что сильно любил свою Софочку и, если честно признаться, ревновал её. Грех, конечно, чего там, но грех житейский.

Антон Кириллович оторвался от своих воспоминаний и тяжело вздохнул, отчего-то посмотрел на куранты, которые ему подарил хозяин за отличный годовой отчёт на пятидесятипятiletие. Время двенадцать часов тридцать четыре минуты – уже за полночь, а спать не хочется. Математическим умом Рязановский отметил интересную комбинацию цифр: один, два, три, четыре. Один и два – это час, три и четыре – минуты.

И вот теперь, в свои шестьдесят два, он остался один, совсем один. Его милая Софушка заболела как-то неожиданно, ну совсем неожиданно. И не жаловалась никогда на свои болячки, а тут вдруг раз – и пришлось вызывать скорую помощь. Букваль-

но за две недели «сгорела» Софушка – рак. И вот он один, в этих кирпично-бетонных стенах, которые с каждым одиноким днём становились всё противнее и отвратительнее, похожими в его воображении на челюсти или жернова, готовые съесть его разум и мозг. Как всё-таки мудр народ, говоря об одиночестве, что человека «стены съедают». До сегодняшнего дня Антон Кириллович и не вникал никогда в смысл этого выражения, но именно сейчас, в эти минуты, почувствовал: съедают, точно съедают.

На пенсию Антон Кириллович ушёл случайно. Случайно, потому что не хотел добровольно отправляться на отдых, потому что очень любил свою работу, потому что он привык быть нужным кому-то, потому что... Таких «потому что» можно было набрать с десятков, если не больше. «Случайность» же заключалась в том, что прежний директор предприятия неожиданно слёг в больницу с серьёзной, почти неизлечимой болезнью, и вместо него хозяин прислал другого, с собственной «командой», в которую входил и новый главный бухгалтер: стройный, молодой, красивый и в мини-юбке.

Да, нужно, конечно, каким-то делом заняться, двигаться, как говорили пенсионеры со стажем, добавляя, что «движение – это жизнь», забывая, что в это выражение знаменитый философ вкладывал совсем иной, вселенский смысл. Одни пенсионеры книжки читают, в кинотеатры и на спектакли ходят, одним словом, разнообразят свой досуг. Ну не любил Антон Кириллович ходить в кинотеатры и на разные представления, ему после рабочего дня хотелось просто полежать на диване, посмотреть телик или почитать газету, поворковать с женой, заснуть, а потом снова идти на работу. Другие в земле на дачах ковыряются, в гаражах с машинами возятся, на рыбалку ездят. Но вот беда: не приспособлен Антон Кириллович ни к какому другому делу, как только к бухгалтерскому. Нет у него и охоты по-пустому сидеть с удочкой на берегу речки или озера, хоть заядлые рыбаки и утверждают, что боженька день, проведённый у реки, в жизненный стаж не засчитывает, а просто прибавляет.

К технике и земле Антон Кириллович тоже равнодушен. Не лежала душа у него к технике, не понимал он в ней ничего, хотя покойная Софочка не раз ему намекала, что хорошо бы купить машину, научиться водить, чтобы ездить на садовый участок. А уж поездки на дачу, за город, с тяжеленным рюкзаком за плечами, лопатами и граблями были для него и вовсе настоящей пыткой. Делал он это опять же для любимой Софочки, которая была без ума от крестьянской идиллии, любила ковыряться в земле с утра до вечера, с улыбкой ворковать с любимыми цветами, пропалывать грядки, закатывать банки с компотами, лечо, «горлодёрками», помидорами и огурцами. Можно, конечно, читать книжки, которых у них накопилось два огромных книжных шкафа. В шестидесятых, семидесятых и восьмидесятых годах мода такая появилась в Советском Союзе: собирать хрусталь, фарфор или книги. Доставалось всё это по благу, по распределению через профсоюзные и партийные органы на предприятиях и учреждениях или по подписке. На хрусталь и фарфор у молодой семьи Рязановских средств не хватало, а вот книги были им по карману. Вот и накопили два шкафа прекрасной классической литературы всех

времен, народов и стран. Но не будешь же с утра до ночи каждый день читать книжки, хотя он и любил их иногда почитать. Наслаждался переводами Стендаля, Скотта, Мериме, Сервантеса, Верна, лорда Байрона, Твена, Драйзера. Сколько в них мыслей, чувств, светского лоска и даже иезуитства в каждой фразе и в каждом предложении. А русская классика! Даже если не брать в расчёт великого Александра Сергеевича: Пушкин – это вообще что-то святое для русской души. Гоголь, Тургенев, Гончаров, Толстой, Чехов – это мировые величины.

Одиноким, в полном смысле этого слова, Рязановский себя не чувствовал. Ну какой же он одинокий, если у него двое детей, «золотых» детей: мальчик и девочка. Да и какие они дети, когда одному, Серафиму, названному в честь деда Рязановского, уже тридцать девять, а дочери Анне, названной в честь погибшей на фронте бабушки Софьи, известному на весь Советский Союз хирургу, недавно тридцать три исполнилось. Анна, Аннушка! Антон Кириллович чуть не всхлипнул, вспомнив свою обожаемую дочку, которую в последний раз видел на похоронах матери. Соловушка! Так он называл её за звонкий голос и переливчатый, с трелями, смех. Милая дочка, как ты там управляешься со своим, как говорила покойная Софушка, кагалом. Мало того, что она своих четверых детей, его, Антона Кирилловича, внуков, родила, так ещё семерых сирот из детского дома приютила. Впрочем, этих семерых Рязановский, да и Софушка тоже, за родных почитали. И откуда у Анны эти педагогические, воспитательные задатки взялись, Антон Кириллович понять не мог. Она сначала окончила училище, потом педагогический институт, замуж вышла – слава богу, за хорошего человека. Правда, живут далеко, на отшибе, в Калининградской области.

У Серафима растёт сын-балбес, которому скоро исполнится четырнадцать лет и который обещал приехать к деду самостоятельно, когда ему вручат паспорт. С каждым днём Антон Кириллович чувствовал, что его, жизнерадостного и довольно тучного человека, становится всё меньше и меньше. Не в смысле объёма тела или памяти – нет, на память он пока не жаловался. Меньше – в чём-то другом, неопределимом и таком тонком, что его и словом-то обозначить невозможно. Может, тоска? Или сплин, уныние? Или безразличие, грусть, скука? Хандра, одиночество? Нет-нет, всё не то!

Куранты пробили половину первого и ещё долго вибрировали корпусом, словно напоминая о прошедшем мгновении. А за этим мгновением следовали уже другие: тик-так, тик-так, тик-так. И чего «так»! Ничего не так, как должно быть, всё не так! Антон Кириллович повернулся на диване, уткнувшись глазами в розовый узор обшивки на спинке, и увидел свою бледную тень, падавшую от ночника. После смерти жены, когда Антон Кириллович остался один, он уже не мог спать без света. Оставлял включенной люстру, старый торшер или ночник. Почему, он и сам до конца не понимал, просто чувствовал, что так было надо. Почему надо? Наверное, потому, что при свете казалось, будто в квартире ещё кто-то находится. Как же выключать свет, если в квартире ещё не ложились спать. А может быть, из-за боязни? Да нет, темноты Антон Кириллович не боялся. Бывало, приходилось возвращаться за

полночь. Он бесшумно, чтобы не разбудить семью, раздевался в темноте, прокрадывался в спальню и ложился рядом с Софочкой.

Рязановский вздохнул. Сейчас главное – уснуть, обязательно уснуть, чтобы хоть на мгновение избавиться от навязчивых, липких, словно смола, мыслей. Он даже таблетку принял для верности, но мысли, словно удавка: душат, душат, душат.

Антон Кириллович закрыл глаза, пытаясь заснуть, но мерный ход курантов, словно нарочно стал ввинчиваться в уши, в сознание, в мозги. Тиканье с каждой секундой становилось всё громче и уже через несколько минут напоминало буханье молота по наковальне. Антон Кириллович прикинул правым ухом к подушке, к левому прижал крохотную подушечку, наволочку для которой вышивала цветами Софочка. Но звук курантов просачивался и сквозь неё, ввинчиваясь шурупом в перепонки.

Наконец, Рязановский не выдержал, сел и закричал:

– Чёрт возьми, скорее бы умереть, что ли!

А ему словно ответил кто-то:

– Зачем же умирать-то, Антон Кириллыч, жизнь прекрасна.

Рязановский замер. Что это? Ему показалось или на самом деле кто-то ему ответил? Уж не схожу ли я с ума – мелькнула в голове тревожная мысль. Долго прислушивался к ночной тишине, но ничего больше не услышал, кроме трели электронного замка входной двери подъезда, далёкого истошного плача ребёнка за стеной, гудков автомобилей на ночной улице. Странно – ещё секунду назад он не слышал этих звуков, они как будто и не существовали. А тут слух снова обострился, улавливая самые тихие шумы. Например, он слышал через стенку, как поворачивается на скрипучей кровати сосед, Иван Фомич, бывший начальник цеха, живший в соседнем подъезде, с которым Антон Кириллович познакомился лишь через тридцать четыре года, хотя они вместе въезжали в этот новый дом. А когда знакомиться, если в шесть утра уходишь на работу, а возвращаешься в пять, а то и за полночь, когда готовишь квартальные или годовые отчёты. А вот что-то скрипит на кухне. Рязановский прошёл на кухню, включил плафон и увидел, как открытая форточка слегка покачивается от сквозняка, скрипя проржавевшими петлями. Успокоился, проворчал:

– Чёрт те знает что!

Это было любимое выражение Антона Кирилловича, когда он был чем-то недоволен. Сейчас он и не знал, чем или кем недоволен. Самим собой? Смешно! Одиночеством своим? А кто в этом виноват – судьба, жизнь, соседи? Наивный ты, Антоша. Рязановский отхлебнул из бокала остывшего чая, повернулся, чтобы выключить свет, и неожиданно остановился. Когда он вечерами выходил из кухни, то всегда видел перед собой... Что же он видел? – долго соображал Антон Кириллович. Наклейки на стене, которые оставили приезжавшие в гости внуки, на месте, прилепленная к стеклу филёнчатой двери плёнка с самоваром и кренделями тоже на месте. Искривлённый плинтус, за которым иногда жила тараканья семья, пятно на стене от «пролива» соседей сверху тоже присутствовали. И всё же чего-то не хватало.

Антон Кириллович махнул рукой, пробурчал:

– Пора идти к психиатру, Антоша: глюки начались. – И выключил свет.

Когда вошёл в гостиную, то остолбенел снова. Он вдруг чётко понял, чего не хватало на кухне. То, чего не было там, на кухне, обнаружилось вдруг здесь, на спинке дивана, на котором он спал, чтобы лишний раз не разбирать и не застилать кровать в спальне. «Как это может быть, чтобы я был там, а ОНА здесь? – лихорадочно соображал Антон Кириллович. – Ведь Я и ОНА никак не можем существовать отдельно, это нонсенс!» «Нонсенс» – ещё одно любимое словечко Рязановского, которое он произносил, когда в упорядоченных бухгалтерских делах что-то не сходилось, потому что он чётко знал, что в математике там, где должен быть ноль, не могли стоять другие цифры. Ведь нонсенс – это то, что не воспринимается разумом. Сейчас, в эти секунды, он должен был признать, что такое может быть, и он видел это своими собственными, ещё не слепыми глазами, потому что там, где стоял он, ЕЁ не было. И это тоже был нонсенс. Зато на спинке дивана он чётко видел ЕЁ, расплывшуюся тёмно-серым пятном, и был уверен, что ОНА ЖИВАЯ, потому что колыхалась и двигалась. Вот ОНА повернула голову, подняла и опустила руку, наклонилась и снова выпрямилась.

Да-да, это была собственная тень самого Антона Кирилловича. Что-то надо делать, и Антон Кириллович, преодолевая страх, сел рядом с НЕЙ, словно боялся придавить ЕЁ своим грузным телом. Но ещё нужно было к такому привыкнуть, свыкнуться с этим, принять это. Поэтому он долго молчал, прежде чем что-то сказать.

– Ну, и чего же ты от меня хочешь? – спросил Рязановский.

Послышался тихий смешок, и по голосу было непонятно, кому он принадлежит – женщине, мужчине, ребёнку или вообще существу среднего пола.

– Мне? – удивилась Она. – Мне ничего не надо.

– Но... Но ведь для чего-то ты отделилась от меня.

– Ошибаетесь, Антон Кириллович, это вы отделились от меня, – возразила Тень и переложила ногу на ногу.

– По-моему, произошла какая-то ошибка независимо от моего желания. Ты что, хочешь сказать, что у меня произошло раздвоение личности? Что я свихнулся! – горячился Рязановский.

– Не кричите, Антон Кириллович, – начала успокаивать Она, – а то соседей разбудите.

– Ну вы тоже не шёпотом говорите!

– А вот и ошибаетесь, Антон Кириллович, – меня никто не слышит.

– Как не слышит! Я же слышу!

Рязановский встревожился, перешёл почти на шёпот:

– Выходит, я разговариваю сам с собой. Что же обо мне соседи подумают! Скажут: «Совсем свихнулся старик». Ещё в психушку упрячут.

– А вы сбавьте тон, Антон Кириллович. И вообще: почему вы мне тыкаете, а? Я же вам не «тыкаю». В конце концов мы с вами одно целое – вы и я. А вы «тыкаете». Обидно.

– Ну, извини... те.

– Вот так оно лучше, на равноправных условиях, при паритете, так сказать, и общаться легче.

Наступило тягостное, долгое молчание, тишина заволочла гостиную. Но что странно, в этой абсолютной тишине Антон Кириллович уже не слышал никаких посторонних шумов, даже тиканья курантов. Он смотрел на свою тень и не понимал, как она могла говорить, её плоскость, бестелесность и безобъёмность смущали его. И вообще, как она смеет двигаться, разговаривать без него!

– Скажите, а как к вам обращаться? – спросил Рязановский.

– Как? А так и обращайтесь – Тень, ведь мы с вами две половины единого целого. Ведь вы же бухгалтер, математик, Антон Кириллыч, должны это понимать.

– Тень. Но ты... Простите, вы можете существовать лишь тогда, когда есть свет, а если света нет, то...

– То и меня нет? – подхватила Тень. – Но вы же понимаете, что это нелепость. Просто, если нет света, то меня не видно – вот и всё. Например, если вы, Антон Кириллыч, находитесь в темноте, то вас тоже не видно, но это не означает, что вас нет. Ведь так?

– Так, – вынужден был согласиться Рязановский.

– Ну вот.

– Понимать-то я понимаю, но разумом никак не приму. Вот если разрезать что-то пополам, то я понимаю, что это две половинки, и если их соединить, то получится...

– Антон Кириллыч, ну нельзя же воспринимать всё буквально. Я имела в виду совсем другое.

– Что же?

– Поймите, половинки не всегда могут быть равными, даже наверняка не могут быть таковыми. Более того, они совершенно разные, можно сказать, антиподы.

– Как это? – удивился Антон Кириллович.

– Очень просто. У любой вещи, явления всегда есть противоположности. Ну, вы понимаете: чёрное-белое, плюс-минус, небо-земля, мало-много, достоинства-недостатки.

– Что это вы заговорили о достоинствах и недостатках? – желчно спросил Рязановский.

– Просто для примера. Ведь не считаете же вы, Антон Кириллыч, что состоите из одних положительных качеств!

– Ну, идеалов, конечно, не существует, разве что в мечтах, в воображении...

– Вот-вот! – со смешком ответила Тень. – Наконец-то вы начинаете воспринимать мир реально.

– Чего «вот-вот»? – взорвался Антон Кириллович. – Не хотите ли вы, уважаемая, сказать, что я состою из одних пороков!

– Примерно наполовину.

– Наполовину! – Рязановский прикинул в уме и помахал пальцем. – Нет уж, дорогая собеседница, тут вы не правы. Конечно, я не идеал, мне и самому в самом себе кое-что не нравится, но наполовину! Это уж слишком. Шутить изволите. И вообще, вам-то откуда знать, сколько во мне хорошего и плохого. Вы никто, вы лишь моё отражение, вы ничего не представляете, шлёпаетесь за мной повсюду, как...

Антон Кириллович запнулся, а Тень продолжила его мысль:

– Как тень?

Рязановский вздрогнул, самодовольно поджал губы:

– Да, если хотите: как тень.

– А вы никогда не задумывались, Антон Кириллович, – вкрадчиво говорила Тень, – почему меня называют тенью?

– Откуда мне знать! Да и какая разница! Вон стул называют стулом, пол – полом, люстру – люстрой. Что от этого меняется? Да ничего! – горячился Рязановский.

– Вот и ошибаетесь, дорогой Антон Кириллыч. Во мне, если хотите, вся ваша суть, все ваши... – Тень неожиданно замолчала. Рязановский услышал, как она зевнула, увидел, как поднесла руку к невидимому рту. – И вообще, давайте оставим спор до завтра, меня что-то в сон клонит.

Антон Кириллович почувствовал, что и его наконец-то потянуло ко сну. Он тоже зевнул – широко, с хрустом в челюстях. Взглянул на то место, где только что находилась его собеседница, и с удивлением обнаружил, что её нет. Оглянулся и увидел её, как обычно, за своей спиной. Шевельнулся – тень тоже шевельнулась, поднял руку – тень повторила его движение. Поднялся с дивана – она тоже поднялась. Грешным делом подумалось, не привиделось ли ему, хотел, было спросить Тень о чём-нибудь, но раздумал. На этот раз выключил бра и сразу заснул.

Проснулся сразу, как в былые времена, когда надо было идти на работу. Правда, тревожило какое-то смутное беспокойство, но чем оно было вызвано, Антон Кириллович определить так и не смог. Так бывало не раз, когда он не мог вспомнить приснившийся сон. Приготовил кофе, пожарил яичницу, оделся и вдруг перед самой входной дверью понял, что спешить-то ему и некуда. Но солнце так заманчиво заглядывало в окна, что Антон Кириллович всё же решил выйти на улицу. С третьего этажа сбежал по-молодецки, поздоровался с молодой женщиной, поднимавшейся навстречу. Та тоже поздоровалась и с недоумением посмотрела ему вслед – этого мужчину она видела впервые. Вот сзади него щёлкнул магнитный клапан дверной створки. Широкий двор, поросший деревьями, распахнул ему объятия, ветерок ласково лизнул лицо, солнышко брызнуло в глаза, и Антон Кириллович зажмурился. Мимо пробегают школьники с ранцами, идут мамы с колясками, проезжают машины – все куда-то спешат: на занятия, в садики, на работу. Только ему никуда спешить не надо – красота! Антон Кириллович почувствовал себя ребёнком, пятилетним или шестилетним, когда он ещё не ходил в школу, а садика в их маленькой деревне так и вовсе не было. Ими, пятью детьми, всегда занималась бабушка, Дарья Сильвестровна, или тётка-монашка, проживавшая в пристройке их дома, где она постоянно молилась. Когда маленький Антошка спрашивал маму, почему тётка, старшая сестра его матери, ходит всегда в чёрном одеянии и постоянно молится, мама отвечала коротко: «Грехи она, сынок, замаливает». – «А что такое грехи?» – «Грехи – это то, что нельзя никогда вернуть, сыночек». – «А почему их нельзя вернуть?» – «Потому что они были в прошлом, а прошлое невозможно вернуть», – отвечала мама. Тогда Антошке грех представлялся чем-то вроде почерневшей иконы, которая висела в углу

их дома и у которой часто молилась бабушка, а он никак не понимал, почему её надо возвращать.

Уже позже, когда ему было лет двенадцать и тётка-монашка умерла, из отрывочных разговоров родственников он узнал, что его тётка в молодости была воинствующей атеисткой и в двадцатых годах ездила с комиссарами по волостям, разрушала церкви и вывозила из них драгоценности. А молодой её муж, из бывших офицеров, которого она безумно любила, бросил её и уехал из «безбожной России» в Литву. На прощание он оставил ей письмо со словами: «Будь ты проклята, комиссарша. Не ищи меня». Именно тогда тётка переехала в деревню к родителям, постриглась в монахини и жила при дедовом доме.

Все это вспомнилось сейчас Антону Кирилловичу в одно мгновение. Он вздохнул, потоптался на месте и, выйдя со двора, пошёл по улице. Пойти-то пошёл, но куда, он и сам не знал. Да и какая разница, ведь он свободен, совершенно свободен и может идти куда захочет. Люди толпятся около остановок автобусов, троллейбусов, трамваев, а ему спешить некуда. После смерти Софочки Антон Кириллович, пожалуй, впервые почувствовал себя расслабленным, вольным, словно, птица. Открываются магазины, гаснут огни реклам, сплошной поток автомобилей рычит, дымит, гудит на разные голоса и мчится куда-то.

Вот и родная троллейбусная остановка, с которой он много лет каждое утро уезжал на работу. Когда Антон Кириллович работал главбухом, ему выделили личный автомобиль с водителем, но он отказался, мотивируя тем, что не любит стоять в пробках. То ли дело троллейбус или автобус: вскочил на подножку, сел на место или встал в проходе, а со всех сторон слышатся приветствия: «Доброе утро, Антон Кириллыч! Здравствуйте, Антон Кириллыч! Как дела, Антон Кириллыч? Зарплату сегодня дадут, Антон Кириллыч?» А Рязановский только приветствует всех кивком и улыбается. А сейчас, сейчас куда ехать? Неожиданно под самым ухом он услышал:

– Здорово, Антон.

Обернулся, посмотрел на сторбленного старика в засаленной кепке, в поношенном френче и кедах на босу ногу. Старик ощерился, раскрыв рот с тремя зубами:

– Что, не узнаёшь? Да, Антон, годы уходят и, как в песне поётся, как птицы, летят. И никто их не вернёт.

Рязановский долго всматривался в старика, несколько отстранившись от него, чтобы лучше рассмотреть, но не узнавал. Но голос... Признал только по голосу, неуверенно спросил:

– Николай Дмитриевич?

– А, признал всё-таки. Ты чего тут топчешься?

Это бывший начальник штамповочного цеха Владимирцев, где Рязановский когда-то работал в бухгалтерии. Антон Кириллович протянул руку:

– Здравствуйте, Николай Дмитриевич.

Владимирцев пожал протянутую руку:

– Ты на работу?

– Нет, так.

– Значит, тоже на пенсию спровадили? Да, старики сейчас никому не нужны. У нас хоть и опыт большой, а условия совсем другие – капиталистичес-

кие. – Владимирцев хохотнул. – Да и техника уже на грани фантастики. Ты с компьютером умеешь справляться?

– Да, свободно.

– А я так и не научился. – Владимирцев pokrутил ладонями. – Пальцы не слушаются, память не та. Вроде запомнил, а на другой день в ней черно, словно её кто чернилами залил. Ну, ты куда?

Рязановский пожал плечами. Владимирцев предложил:

– Пойдём, пивка попьем. Тут хорошая кафешка есть. Покалякаем. Пойдём?

Антон Кириллович пива не употреблял и вообще в рот спиртного не брал, разве что на праздники, на юбилеи мог позволить себе рюмочку коньяка или фужер шампанского, чтобы не обижать гостей. А тут согласился:

– Хорошо, Николай Дмитрич, пойдём, посидим.

И в этот момент Рязановский почувствовал, что его кто-то будто за полу пиджака сзади тянет, словно остановившись хочет, оглянулся – никого. Подумал: показалось, наверно. Снова шаг сделал, чтобы за Владимирцевым пойти – и снова почувствовал натяжение, будто кто его на резинку привязал. Опять оглянулся и на этот раз увидел свою тень, которая подняла руку и погрозила ему пальцем. Сразу вспомнил прошлую ночь, разговор с ней, с ужасом подумал: «Значит, это был не сон? Выходит, и встреча и разговор с Тенью были на самом деле?» Правда, на этот раз голоса Тени он не слышал.

Владимирцев обернулся:

– Ну что, Антон, ты идёшь?

Антон Кириллович развёл руками, а язык сам, против его желания, выговорил:

– Извините, Николай Дмитрич, совсем забыл, что у меня сейчас срочное дело.

«Какое, к чёрту, дело! Что происходит? – возникла мысль. – Кто мне диктует такую чушь? Я что, уже и сам себе не принадлежу?»

А Владимирцев уже отвечал:

– А, ну ладно дела, так дела. А я пойду, хлебну кружечку.

И ушёл. Антон Кириллыч огляделся – рядом никого, зашептал:

– Ты что делаешь? Мне что, и шагу уже без тебя ступить нельзя, да?

– Ну ладно, – ответила Тень, – если уж ты перешёл на «ты», то и я тебе тем же отвечу: дурак ты, Антон Кириллыч, вот ты кто!

– Это что за оскорбления, кто тебе позволил распоряжаться мной, словно собственной вещью! – возмущился Рязановский.

В это время мимо проходила женщина средних лет, она остановилась, участливо посмотрела на него, спросила:

– Мужчина, может, вам помощь нужна?

Антон Кириллович хотел ответить грубостью, мол, не суйтесь не в своё дело, но вместо этого улыбнулся:

– Нет-нет, всё в порядке. Это я так, вспомнил кое-что вслух.

– А, – подозрительно глядя в лицо мужчины, протянула женщина. – Тогда ладно. Вам точно не нужна помощь? – снова спросила прохожая.

На этот раз внутри Рязановского проснулся вулкан, и он, еле сдерживаясь, оскалился:

– Со мной всё прекрасно.

Когда женщина ушла, Антон Кириллович услышал лёгкий смешок, сердито спросил:

– Чего скалишься? Из-за тебя меня могли запрятать в дурку, а тебе весело. И вообще, почему ты остановила меня?

– Во-первых, ты пива не пьёшь.

– Откуда ты знаешь?

– Кому же знать, как не мне, ведь я всегда рядом с тобой.

– А во-вторых?

– Во-вторых, ты мне ещё не раз спасибо скажешь, что я тебя удержала.

– Почему?

В этот момент за углом раздался сильный хлопок. «Машина, наверно», – подумал Антон Кириллович, развернулся и пошёл в парк, который городские власти наконец-то привели в порядок. Он ещё ни разу там не был, но об этом событии столько галдели по местному телевидению, что решил проверить сам, так ли это на самом деле. А позади что-то творилось: кто-то что-то кричал, были сирены.

Тень снова заговорила:

– Не хочешь узнать, что там происходит?

– А, – отмахнулся от своей собеседницы Антон Кириллович. – Тут каждую минуту что-то происходит – большой город. Наверно, скорая к кому-нибудь приехала.

– Да, может быть, – поддакнула Тень. – А, может, пожарные или эмчээсовцы.

Запущенный прежде парк, за многие десятилетия превратившийся в непроходимый лес, через который горожане и ходить-то боялись, теперь и на самом деле стал городским оазисом уюта и спокойствия. Сюда почти не долетали звуки уличных шумов, а сам парк выглядел почти Версалем: с прямыми асфальтированными дорожками, вдоль которых стояли узорные диваны с урнами для мусора, фонарные столбы освещения, стилизованные под старину. Дорожки радиусами сходились в центре площади с фонтаном, окружённой пышной толпой лип. Они ещё не зацвели, но от них уже исходил медвяный запах, в их кронах гудели шмели, городские осы и неизвестно откуда появившиеся пчелы.

В этот утренний час народу в парке немного: на диванах сидело несколько пожилых пар, на скамейке у фонтана миловались парень с девушкой, о чём-то иногда спорившие, вдоль урн бродил уборщик, складывая в полиэтиленовые мешки мусор. Антон Кириллович вспомнил, как лет тридцать назад они всей семьёй гуляли здесь, Софочка держала его под руку, и почему-то всегда с левой стороны, хотя он предпочитал, чтобы она шла справа. Софья всегда спорила и убеждала его, что с этой стороны ей удобней, а он несильно возражал. Фимка и Аннушка бегали вокруг фонтана и со смехом брызгались водой, куда-то убегали, а потом возвращались – чумазые, в тенётах и счастливые.

– Что, вспоминаешь? – раздался ворчливый голос.

– Да, вспоминаю. А что?

– Ничего. Наверно, счастливые мгновения вспоминаешь.

– А зачем о плохом помнить, человек счастьем живёт, о плохом старается забыть.

После долгого молчания Тень спросила:

– А ты помнишь ту девушку?

– Какую ещё ту девушку, ты о ком? – встrepенулся Антон Кириллович, наморщив лоб.

– Ну, ту, наивную, курносую, с голубыми бантиками, с зелёными глазами.

Рязановский проворчал:

– Что за чушь ты несёшь! Не помню я такую.

– Хорошо, не помнишь, так не помнишь. Память у тебя дырявая, Антон Кириллыч, как решето.

– Склероз ещё никого не миновал.

– А ты помнишь пятый курс института?

– Если откровенно, то слабо. Для меня что третий, что четвёртый, что пятый курс – все слились в одно пятно. Ты можешь поближе к теме?

– Изволь. Помнишь, вы всем курсом решили сделать вылазку на природу? – подсказывала Тень. – Приехали на турбазу, наняли лодки и катались по лесному озеру. Помнишь? Вы ещё тогда хорошо выпили и хорошо шалили, пытаясь раскачать лодки и утопить друг друга.

Антон Кириллович напрягся, его память вдруг словно осветило мощным прожектором. Да-да, он вспомнил тот случай. Группа его однокурсников плыла на лодке рядом и пыталась раскачать их лодку. Особенно старалась девушка по имени Лена по фамилии, кажется, Соловьёва. Нет-нет, Лена Щеглова, которая в тот день была особенно весёлой. Он, Антон, умолял Лену и её товарищей не раскачивать лодку, потому что был в костюме, да ещё со всеми документами в карманах. Но под дружный хохот лодка была всё же перевёрнута и они все оказались в воде. Плавал он хорошо и утонуть не боялся. Но тогда его разобрала такая злость, что чувство мщения затмевало разум. Он плохо помнил, как догнал лодку и раскачивал её, уже под крики обидчиков, до тех пор, пока она не опрокинулась. Его тоже умоляли не делать этого, потому что у многих были дорогие фотоаппараты, радиоприёмники и магнитофоны, которые, естественно, оказались на дне. Сам он, матерясь и ругая всех на свете, доплыл до противоположного берега, который оказался ближе. Выбравшись на заросший камышом берег, кое-как стянул с себя мокрую одежду, вытащил из карманов намокшие документы, деньги и разложил их на траве для просушки. Злость на однокурсников была так велика, что он ругался до тех пор, пока не услышал из-за спины тонкий, словно у Настеньки из сказочного фильма «Морозко», голос:

– Вас утопили, да?

Он не ожидал никого встретить на этом пустынном берегу и потому вздрогнул. Обернулся и увидел девушку с книгой в руках. Антон не назвал бы её красавицей: вздёрнутый носик с конопутками, маленькие уши, хрупкая, словно статуэтка, тонконогая, худая; правда, глаза притягательные, большие, насыщенного синего цвета. Она была в трусиках и тонком вязаном свитере тёмно-сиреневого цвета. Под свитером видны холмики груди, и было понятно, что на ней нет «бюзика». На голове яркими цветками выделялись два голубых банта. Чуть поодаль, за густой травой, лежало большое махровое полотенце, шлёпки, тёмные очки и джинсы.

– Вы кто? – спросил Антон.

– Я? Я Феша.

– Феша? Что за странное имя.

– Чего же в нём странного, обыкновенное

уменьшительное имя от старинного русского имени Ефимия. Но меня все зовут Феша.

– И что вы тут делаете, Феша-Ефимия?

– Я? Я отдыхаю, у меня сегодня выходной.

– Так вы работаете! Где?

– Я пионервожатая в лагере.

– Разве у вожатых бывают выходные? Там же ребяташки, за ними присматривать надо.

– А нас двое. Максим отпустил меня домой, а я сюда, почитать книгу. В лагере некогда.

– Как сюда добрались, на лодке?

– Нет, тут неглубокая протока есть, которая соединяет два озера – я по ней и прошла. Вы знаете, как называется это озеро? – И, не дожидаясь ответа, Феша ответила: – Ведьмины глаза. Правда, похоже на глаза: два круглых озера, а между ними протока, как переносица.

– А почему же ведьмины?

– Здешние старожилы рассказывают, что на этой стороне в старину какая-то ведунья жила. Вон там, у болот, её избушка стояла. – Феша показала пальцем в сторону. – К ней ворожить ходили. Она говорила, чтобы к ней проходили только через эту протоку, а иначе она будущее не видела. А если к ней на лодке кто приплывал, то они обязательно или умирали, или слепли.

– Страсть какая! – поёжился Антон.

– Вот и вы чуть не утонули, – продолжала Феша.

– Это ведьма озеро заколдовала.

Тогда, в семидесятые годы, Антон был стопроцентным атеистом, но он почему-то поверил рассказу Фешы. Да и сама девушка казалась ему не от мира сего, какой-то колдуньей вроде купринской Олеси, или сказочной феей.

Антон сел на траву, обняв руками колени. Феша присела рядом, и Антона почувствовал, что их будто обволакивает какая-то странная, загадочная дымка и отделяет от всего мира. Сейчас он не слышал призывы своих однокурсников, которые звали его на автобусную станцию, ни шумящего в камышах ветра – ничего. Он видел только лицо Фешы, её улыбочивые губы и сияющие теплом глаза. Он нежно, осторожно привлек девушку к себе и поцеловал, она была не против и ответила ему спокойно и в то же время страстно. У Антона были отношения с женщинами и до этого, но сейчас он впервые понял, что такое не просто секс, а любовь. И даже смог дать определение этим понятиям, хотя о сексе тогда никто и не говорил. Ведь секс – это не что иное, как удовлетворение животной страсти, а любовь – интимное соединение не только телами, но и сердцами, душами.

Они долго лежали рядом, совершенно обнажённые, и просто молчали. Они друг друга не спрашивали, как в глупых фильмах, хорошо ли им было вместе. Они оба сейчас просто летали от наслаждения, говорили о чём-то несущественном, но таком близком им обоим. Солнце постепенно спускалось к горизонту. Феша посмотрела на свои наручные часики, ойкнула и стала одеваться. Антон встревожился:

– Ты куда, Феша? Ты же говорила, что у тебя выходной.

– Да, выходной, но меня отпустили только до последнего автобуса, а он приходит в восемь. А сейчас уже семь двадцать. Кстати, тебе тоже пора, ина-

че тебе придётся ночевать здесь, на озере.

Антону никак не хотелось расставаться с этой загадочной, красивой девушкой, он всё ещё ласкал её, мешая одеваться, и спрашивал:

– Может, мне остаться? Мне найдётся место в палатке?

– Нет-нет, это никак невозможно, у нас строго. А ты что не одеваешься, твоя одежда уже высохла.

Антон посмотрел на свой помятый костюм и все ещё не верил, что девушка вот-вот исчезнет, а ему так не хотелось с ней расставаться.

– Может, ты всё-таки останешься со мной, а? – спрашивал он с надеждой в голосе.

– Всё, всё, мне пора! – ответила Феша.

Она уже уходила, когда он спросил вслед:

– Мы ещё встретимся с тобой, Феша?

– Хорошо.

– Когда?

– Давай завтра, после двух часов. У нас в лагере будет мёртвый час.

Когда она отошла на порядочное расстояние, он вдруг вспомнил, что не назвал ей свой имя, прокричал:

– Феша, меня Антоном зовут! Слышишь, Антоном!

Девушка услышала, повернулась, помахала ему рукой.

Он, пропустив лекции, приехал на следующий день, но Фешу так и не дождался – она не пришла. Он пытался разыскать её в многочисленных пионерских лагерях, спрашивал о девушке, но, когда его просили назвать её фамилию и название пионерского лагеря, он смущался и уходил от ворот прочь, чтобы не нарываться на насмешки. Антон приезжал к озеру ещё несколько раз до окончания семестра, но Фешу так и не встретил. Она словно утонула в этом Ведьмином озере, растаяла утренним туманом. Не была ли она сама той самой ведьмочкой, о которой рассказывала. Он ещё надеялся, что Феша разыскивает его, но потом вспомнил, что она не знает не только его фамилии, но и института, в котором учится.

К действительности Рязановского вернули щербет птиц в парке и въедливый голос Тени:

– Вот видишь – вспомнил.

Антон Кириллович недовольно ответил:

– Я-то – ладно. Это моё прошлое, моя жизнь, а ты почему вдруг об этом вспомнила.

– Потому что любое прошлое оставляет следы, – загадочно ответила Тень, помолчала, затем неожиданно спросила: – А хочешь знать, что потом случилось с Фешей?

Знать он хотел, но признаваться в этом никак не желал и грубо оборвал:

– Нет, не желаю, чего его бесполезно ворошить. Не сено чать.

– Хочешь, хочешь! Так слушай. Не пришла твоя Феша потому, что у неё неожиданно мама сильно заболела, она уехала ухаживать за ней.

– А что, ухаживать было некому?

– Представь себе – некому, вдвоём они жили, потому Феша и устраивалась на лето в пионерские лагеря, чтобы заработать и матери помочь. А сама в техникуме на раскройщицу училась. В общем, умерла у неё мама, а она забеременела. – Рязановский напрягся от этой весты. – Да-да, забеременела.

От тебя, между прочим. Родила сына, воспитывала его тоже одна. Кое-как окончила техникум и работала на дому. Хорошей, между прочим, портнихой была, к ней заказы поступали от самых верхов.

– Всё, прекрати! – заорал Антон Кириллович. – Я не желаю ничего больше знать! Это её жизнь, а моя – это моя.

Люди, сидящие в парке на диванах, повернули в его сторону головы, гуляющие озирались, пытаются найти источник крика. Даже дворник укоризненно посмотрел на него и покачал головой.

– Ну что же ты так кричишь-то, дорогой мой Антон Кириллыч, – упрекнула Тень. – От себя никуда не убежишь. А если не узнаешь конца своей истории, так и вовсе измучаешься. Ты слушай, слушай.

– Это не моя история, она меня не касается, – тихо пробормотал Рязановский.

– Как же не касается, ведь это твой сын был. – Тень прокашлялась. – В общем, крепись, Антон Кириллыч. Погиб твой сын, когда на Кавказе воевал. Так-то вот.

Тень надолго замолчала, а Рязановский вдруг почувствовал, что на глазах появляются слёзы. Он достал платочек, промокнул глаза, закашлялся, заворочался. А Тень с вздохом продолжала:

– Вот она, родная кровь-то что делает, от неё никуда не денешься. Да, так вот и осталась твоя Феша совсем одна. Да только и она недолго протянула. Сгорела от тоски и печали. А знаешь, как она умерла?

– 3-3-замолчи! – сквозь зубы процедил Антон Кириллович.

– Нет уж, – безжалостно продолжала Тень, – дослушай до конца. Я точно знаю, что Феша тебя тоже искала.

– Искала? – жалобно спросил Антон Кириллович.

– Искала, искала, Антон Кириллыч, да только найти не смогла, ведь в городе-то десятки вузов и техникумов было. А она ни фамилии твоей не знала, ни где ты жил. Фотографии даже твоей не было. Над ней все смеялись, как над блаженной, а она всё равно тебя искала. Вот ведь как бывает: ищут, ищут друг друга и никак найти не могут.

– Я домой хочу, – вдруг заявил Антон Кириллович.

– Иди, кто тебе мешает.

– Хоть бы отстала от меня, проклятая!

– А вот это никак невозможно: где ты, там и я, где я, там и ты. Ты дослушай, а потом домой пойдём. – В этот момент туча заслонила солнце, Тень исчезла, и Антон Кириллович надеялся, что она замолчит, но та неумолимо продолжала: – Феша сильно переживала после смерти своего сыночка, так сильно, что у неё разум стал мутиться. Врачи сказали, что у неё опухоль в голове появилась от переживаний. На операцию не согласилась, а поехала к озеру...

– К какому озеру? – спросил Антон Кириллович.

– К тому самому, которое называется Ведьмины глаза. Где вы встретились.

– И что?

– Утопилась, бедная, – вздохнула Тень. – Рыбаки её тело только осенью нашли. Кое-как опознали, похоронили.

Антон Кириллович резко встал с дивана и заявил:

– Всё, я хочу домой – нагулялся, понимаешь. Тебя наслушаешься, так в петлю хочется залезть.

– Да ты не обижайся на меня, Антон Кириллыч, я ведь не со зла тебе напоминаю, а чтоб по правде всё было.

– Иди ты знаешь куда!

Всю дорогу до дома, в квартире, пока Рязановский шарил по телевизионной помойке, как он называл кабельное телевидение с двумя сотнями каналов, Тень молчала. Молчал и он, но экран телевизора был лишь отстранённым фоном для его мыслей. Он постоянно думал о Феше, о её тяжелой и трагической судьбе, о том, как сложилась бы их жизнь, если бы они остались вместе. Неожиданно в ход его философских мыслей снова вмешалась ОНА:

– Слушай, Антон Кириллыч, а ты не хочешь знать, где она похоронена?

– Кто?

– Не притворяйся тупым, Феша, конечно, Ефимия Ивановна Соколова, если точнее.

Рязановский отчаянно затряс головой и замал руками:

– Нет, не хочу!

– И правильно.

– Почему?

– Потому что она сильно обижена на тебя была.

– Да я-то тут причём! Я ведь искал её!

– Но она этого не знала. Сильно она тебя любила, Антоша. А вот твоя Софочка...

– Не смей касаться светлой памяти моей жены! – закричал Антон Кириллович, вскочив с дивана и бросив пульт на стол, и закружился по комнате.

– Как она тебя ловко захомотала, – безжалостно продолжала Тень. – Ты думала, что она тебя любит, да?

– Замолчи! Конечно, она меня любила. И вообще, это не твоё дело.

– Как это – не моё. Ведь я твоя половинка, если не любят тебя, то и меня...

– Пусть так. Но откуда тебе знать, любила она меня – не любила.

– Ты хочешь это знать?

– Да, теперь я хочу знать, чёрт побери! Ты этого добивалась?

– Ну так слушай. Частенько, когда ты до полуночи сдавал свои годовые бухгалтерские отчёты, к твоей Софочке приходила её подруга, Наталья. Помнишь такую?

– Ну помню. И что? Подруга.

– Конечно, ничего особенного. Но без тебя они тут такое вспоминали – боже мой! Даже у меня уши вяли.

– У каждого свои секреты или, как говорил какой-то умник, свои скелеты в шкафу. – Неожиданно Антон Кириллович остановился. – Подожди, подожди, а ведь ты врешь!

– Почему вру?

– Если я был на работе, как же ты могла быть здесь, в квартире, а? Что-то у тебя не сходится, подружка! Сама говорила, что где я, там и ты. Выдумываешь ты всё, чтобы насолить мне. Вот и про Фешу всё придумала. Она наверняка сейчас живая, у неё детишек куча, муж непьющий. А ты – утонула! Может, объяснишь?

Антон Кириллович услышал тяжёлый вздох:

– Да всё просто: когда была пасмурная погода, я

иногда оставалась дома – чего зря с тобой шляться.

– Ага, вот ты и соврала! А то: я всегда с тобой! Мы с тобой две неразлучные половинки! – со смехом кривлялся Антон Кириллович.

– Ну, кто без греха, – призналась Тень. – Извини за ложь. А вот насчёт Соколовой Ефимии Ивановны – это чистая, как водичка в роднике, правда. Можешь проверить, если захочешь. Могилка её на старом городском кладбище, ряд 42, номер 19 от главного входа. Там ещё неподалёку церковь стоит Всех Святых.

Остыв, Антон Кириллович снова сел на диван, предложил:

– Ладно, сплетничай дальше.

– Так вот, я о твоей Софочке. Ты извини меня, я ни при чём, я просто пересказываю то, что видела и слышала.

– У тебя ещё и глаза есть! – подковырнул Рязановский.

– У меня есть все органы чувств, Антон Кириллыч. Не поверишь, я тоже чувствую боль, мне бывает страшно. Помнишь, ты в девяносто втором, летом, чуть под трамвай не угодил. Помнишь?

– Нет, – честно признался Рязановский.

– Мне тоже тогда очень страшно было, ведь если бы тебя тогда колёсами перерезало, то... Ладно, это и неважно. Так вот, Антон Кириллыч, лежу я на твоём диване, а тут эта Наталья в гости явилась. В общем, чаи пьют, бабскую трепотню разводят. И вдруг слышу, Наталья спрашивает: «Ну, как твой-то? Довольна ты им?» Софья тихохонько так: «Слава богу, мужик мне хороший попался: непьющий, внимательный, обходительный, с полочки все деньги мне отдаёт. Я очень довольна. Вот мальчик у нас родился». «Как ты его захомотала-то, подруга, ведь ты же на шесть лет старше его? До Антона тебе, откровенно сказать, на мужиков не везло, замуж никак не могла выйти. А ведь ты красивая, забрая, хозяйственная». – Это Наталья. А Софья: «Я уж и сама отчаялась, Наташа. Ведь мне тридцать, ещё немного – и перестарок. А тут случай. Пошла на одну вечеринку – кажется, Первомай или День Победы отмечали. А там – он, Антон. Его какой-то старый знакомый затащил. Ну, гуляем – танцы, выпивка, музыка, разговоры, веселимся, одним словом. Я на Антона и внимания-то не обращала, он на меня тоже. А тут ему плохо стало. Все кричат: «Софьюшка, ты врач, помоги мужику!» Оказывается, он и не пьёт вовсе, а тут глотнул пару рюмок не то водки, не то коньяка, да ещё с шампанским смешал. Заставила я его литра два воды выпить, он проблевался, повеселел и вдруг говорит: «Давай свалим отсюда». Куда? «На природу». Там, на природе, у нас и случилось. Потом ещё раза четыре встречались. Гляжу, запал он на меня, всё вздыхает, а сознаться боится. Я помогла ему: говорю, мол, я, кажется, беременна. Ты знаешь, как он обрадовался! Я думала, что он, как все мужики, побледнеет, а он с ходу мне предложение сделал».

– Ну и что тут такого, – хмыкнул Антон Кириллович. – Так оно и было.

– Так, да не совсем так. Тогда она беременной ещё не была.

– А как же... Ведь она Серафима родила в срок, кажется.

– Забеременела она от тебя только через неде-

лю, а неделя для девяти месяцев туда-сюда ничего не значит.

– Какая разница? Сын всё равно мой.

– Это так, только выходит, что твоя любимая Софочка тебя обманула. Если бы она тогда не сказала, что беременна, ты бы предложил ей замуж за тебя выйти? – желчно спросила Тень.

Антон Кириллович долго в раздумье молчал, ухватившись пальцами за небритый подбородок, и честно ответил:

– Не знаю.

– Вот то-то и оно.

Хотела Тень открыть ещё одну тайну Антону Кирилловичу, что Анна не его дочь, что бес в ребро толкает не только седых мужиков, но и баб; что понесла Софья от того самого мужчины, однажды случайно встретившегося ей на дороге во время медицинского семинара, которого она в юности очень сильно любила, но решила промолчать – с мужика и так хватит тем для раздумий до гробовой доски.

Антон Кириллович с усмешкой спросил:

– Ну, есть в твоём шкафу ещё хоть маленький скелетик?

– Устала я, не мешай. Тебе тоже отдохнуть следует.

– Так есть или нет? – настаивал Антон Кириллович. – А то выкладывай заодно уж.

– Да нет, нет, успокойся!

После этого разговора со своей тенью Антон Кириллович долго ходил сам не свой. Что бы ни делал, всё старался вспомнить что-то давно забытое из своей жизни, и получалось, что грешков он сотворил немало. Мелких, но всё же. И сейчас ему было так стыдно за себя, что хотелось просить прощения у тех людей, которым он причинил обиды, вольные или невольные, но многие из обиженных им ушли в мир иной, а о других Антон Кириллович давно ничего не слышал.

Телевизор Рязановский давно уже не смотрел – смотреть там нечего. С утра до ночи различные шоу, попса, криминал, ментовские сериалы. Включал телик трижды в день лишь для того, чтобы посмотреть новости: с утра, в обед, когда сидел за столом и ел, и вечером, перед сном. Все каналы с утра до ночи перепевали одни и те же новости и пережевывали одни и те же события. Антон Кириллович недоумевал: и зачем тогда столько каналов, если там показывают изо дня в день почти одно и то же. Вот и сегодня он с утра допивал чай, смотрел новости и вдруг услышал:

– Вчера утром в кафе на улице Парковой произошёл взрыв. Пожаром охватило всё помещение кафе. Пострадало восемь человек, трое с тяжёлыми травмами отправлены в больницу. К месту происшествия оперативно прибыли пожарные команды, подразделение МЧС и кареты скорой помощи. Специалисты выясняют причины взрыва. Погибших нет. В районе Центрального рынка... – продолжал ведущий, но Антон Кириллович его уже не слушал.

Он вдруг понял, что взрыв произошёл именно в том кафе, куда вчера звал его Николай Дмитриевич Владимирцев. Антон Кириллович вдруг почувствовал, как на его голове встают дыбом остатки волос: боже, а ведь он тоже мог находиться там! И вдруг услышал желчный голос:

– А, дошло, наконец-то, до тебя! Скажи мне спасибо!

– Так это ты меня вчера удерживала, что ли?

– А то кто же.

– Как же ты могла знать, что там произойдёт взрыв?

– Интуиция, – загадочно ответила Тень.

Рязановский долго молчал, переваривая информацию, затем спросил:

– А Владимирцев, Николай Дмитрич, что с ним? С ним всё в порядке?

– Ну, уж этого я не знаю – я не ясновидящая, не экстрасенс и не астролог.

– Но про меня ты знала, предчувствовала!

– Глупый ты, Антоша! Это о тебе я всё знаю, а что мне за дело до других – плевать мне на них.

– Какая же ты... – Антон Кириллович хотел обругать собеседницу, но сдержался.

– Хочешь сказать – бессердечная, бесчувственная? – догадалась Тень. – Это у вас, у людей, сердце да душа, а у меня разум и интуиция – ими я и руководствуюсь. Привыкли вы ахать да плакать по любому пустячному поводу. Ах, головка болит, ах, мне плохо! – ёрничала Тень. – И забываете, что если бы не боль, не страдания, то вы и жизни не чувствовали бы. А если про знакомого своего хочешь узнать, то вольми да позвони – узнай.

Однажды, когда шёл из магазина, встретил Ивана Фомича, который выгружал из своей старенькой «Нивы» какие-то коробки. Поздоровался, спросил:

– Чего это ты возишь, Иван Фомич, словно на Маланьину свадьбу?

– Да вот на рынок ездил, яиц купил. Жена запилила: съезди да съезди.

– Куда вам столько? Тут, наверно, сотня.

– Как же, Кириллыч, Пасха скоро. Вот накрасим, с родственниками и друзьями похристосуемся, к тому же в деревню съездим, в родительский день могилки навестим, своих помянём.

– Это надо, дело святое, – поддержал Рязановский. – Далеко вам ехать?

– Нет, мы местные, и жена, и я. Восемьдесят километров всего.

– Ну, будь здоров, Фомич.

– И ты не хворай, сосед.

Войдя в квартиру, Антон Кириллович долго сидел в раздумье на диване. Может, и ему съездить на Софочкину могилку, помянуть? Да лишь с полмесяца тому, как был, на её день рождения. Поплакался, погоревал. Надо тоже яйца купить, покрасить... Только как их красят, Антон Кириллович не знал. Софьюшка тоже ни разу этого не делала. После девятых, когда мода на религию пошла, покупала она на Крещение или на Пасху конфет или других сладостей, чтобы одаривать ими ребятшек, которые бегали по квартирам и славил Рождество или Воскресение Христа. Что поделаешь, так уж случилось, что и Софья, и он атеистами себя считали. Правда, чем ближе становилась старость, иногда возникали мысли: «А вдруг он есть, Бог-то этот?» Наверно, и Софочка так же думала, потому что после её смерти в её комодном ящике, который она всегда запирала на ключ, он нашёл несколько иконок: Божией Матери, Николая-угодника и Спаса. Они и сейчас лежали там же, вместе со шпульками ниток, спицами, иглами и ножницами.

И вдруг что-то словно подкинуло Антона Кирилловича с насиженного места, он закричал:

– Эй, подруга, ты здесь?

Долго никто не отвечал, затем раздался знакомый голос:

– Ты кого зовёшь, Антон Кириллыч?

– Тебя, кого же!

Тень сварливо проворчала:

– Мог бы и поуважительней ко мне обратиться, например, «Уважаемая моя Тень» или «Госпожа Тень». А то «эй!» Нехорошо, Антон Кириллыч.

– Надо же, какие мы нежные и капризные. Ну ладно, извини.

– То-то же! А то я могу и замолчать.

– Ну я же извинился. Чего тебе ещё надо?

– Например, поклонись мне или на колени встань, лбом в пол уткнись и попроси...

– Ну уж нет! Этого ты никогда не дождёшься! Не хватало ещё собственной тени кланяться.

Рязановский услышал смехок:

– Наивный ты, Антон Кириллыч. Ты, видать, и сам не замечаешь, что каждый день мне кланяешься.

– Когда это? Не было такого!

– А когда зарядку по утрам делаешь, нагибаешься.

– Заткнись!!! Я это не специально!

– Э! Э! Гонору-то в тебе сколько! – Неожиданно Тень смиловилась, прокашлялась. – Ладно, уймись. Это я так, для прочистки и тренировки головных связок. Ты что хотел-то?

– Ты вот про Фешу вспомнила, даже место назвала, где она похоронена. Правда, я уже забыл, какой ряд и какое место. Может, запишешь, а то меня что-то память подводить стала.

– Склероз.

– Чего?

– Склероз, говорю, у тебя и малоумие. Как же я тебе запишу, если я бестелесна.

– А, извини.

Антон Кириллович записал на листок бумаги адрес могилы Феши, спросил:

– А сын, сын наш где похоронен?

– А ты не догадываешься? – Рязановский молчал. – Рядом, рядом они похоронены. Она сама так захотела. Знала, чувствовала, что и ей недолго осталось. Она ведь до самого конца не верила, что он погиб.

– Как же так? Ведь гроб же...

– А что гроб – домовина, и всё. Привезли-то его в фанерном ящике, в этом ящике сам гроб, а в том гробу ещё один – цинковый. Прямо как в сказке про Кашея Бессмертного: в сундуке заяц, в зайце утка, в утке игла, а на конце её смерть. А в гробу даже окошечка нет, чтобы увидеть покойника. Как Феша умоляла офицеров открыть, чтобы посмотреть последний раз на родного сыночка – не позволили. А она ведь мать, сердце у неё разрывалось! Она до последнего мига своего так и не поверила, что сын-то её погиб. Оттого и заболела, оттого и утопилась.

– И откуда ты всё это знаешь?

– Ты что, совсем поглупел, Антон Кириллыч? Извини. Вот вы, люди, общаетесь? И мы, тени, тоже общаемся.

– Так выходит, ты с Фешиной тенью тоже разговаривала?

– А то!

– Чего же мне не сказала?

– А ты хотел? Тебе было наплевать на меня, ты меня даже не замечал. Это сейчас, когда ты совсем одиноким стал, ты что-то сильно разговорился. От тоски даже чуть ли не удавиться хотел. Что, или не так? Извини, что напоминаю об этом пренеприятнейшем мгновении в твоей жизни.

Надолго установилась тишина. Первой робко нарушила молчание Тень:

– Так чего же ты от меня узнать хотел, Антон Кириллыч?

– Как сына-то моего звали?

– А ты не догадываешься? Антоном, Антоном она его назвала. В твою честь, между прочим. И отчество у него тоже твоё было. Правда, фамилию ему она свою дала. Ведь твоей-то она не знала.

– Спасибо, – впервые поблагодарил Рязановский Тень, отчего та чуть не прослезилась – вот, впервые дождалась благодарности от своего плотского двойника.

На следующее утро он решил тоже покрасить яички к Пасхе, только не знал, как это делать. Можно было купить пасхальные яички уже готовые в магазине, но кто знает, что это за яйца, может, тухлые или столетней давности. Краска для крашения тоже была, но брать её поостерегся, услышав от пожилой покупательницы, что это не краска, а самый настоящий яд, химия. Купил несколько куличей, два десятка яиц и позвонил Ивану Фомичу, спросил, как красить яйца.

– А чего тут сложного-то? У тебя лук есть? Ну вот, сухую кожуру с него сдери, да побольше, залей водой, нагрей немножко, чтобы она краску отдала. Потом положи в кастрюлю яйца и вари. Вот они и выкрасятся. Только помни, что их цвет может быть разным. Если они немного в отваре полежат, то будут розовыми, если подольше – малиновыми или красными, а если ещё дольше – то бордовыми или коричневыми. Понял?

– Ага, – ответил Антон Кириллович.

– Вот и хорошо, что понял. Можно и в другие цвета окрашивать. Бабка моя для этого специально осенью листья от разных деревьев собирает, так у неё яйца-то разного цвета получаются: и жёлтыми, и золотистыми, и зелёными, и голубыми. Только в этих листьях даже я не понимаю. Будь здоров, Кириллыч.

Рязановский с раннего утра стал собирать свой старый рюкзак, с которым он ещё в юности ходил с друзьями в турпоходы или, проще, на пикники. Положил в него с десяток крашеных яиц, жаренную с вечера курицу, булку, бутылку с водой, несколько газет, две пустые банки, потом посмотрел в окно – пасмурно, засунул туда же резиновые сапоги. Сел, посмотрел на часы – пять двадцать, до отхода рейсового автобуса, на который он купил билет загодя, ещё было время. Тень насмешливо спросила:

– Мальбрук в поход собрался?

– Помолчи.

– Куда, если не секрет?

– Сама же знаешь, чего спрашиваешь.

– Не поздновато, друг мой ситный?

– Лучше поздно, чем никогда, – философски задумчиво ответил Рязановский. – И ещё попрошу тебя: не тревожь меня в дороге, мне целых пять часов туда трястись.

– Ладно уж, сдержусь, – пообещала Тень.

К полудню Рязановский был в городе, где он проучился пять лет. Боже мой, как он изменился! Это был совершенно другой, чужой город. Да, всё сверкало и сияло чистотой, огнями реклам и вывесок. Но где те старые красные здания двухвековой давности, где уютный скверик посреди площади, где булыжная мостовая, где кольцо трамвая, где пирожницы с лотками, которые продавали вкуснейшие сочные, горячие перемячи и беляши? На глаза Антона Кирилловича навернулись слёзы. Смахнув их рукавом, он вспомнил чьи-то мудрые слова: не возвращайтесь в своё прошлое, вас там ждёт великое разочарование.

Через полчаса Антон Кириллович был уже на старом кладбище, благо, что оно находилось почти в центре города. Здесь сегодня было многолюдно. Народ сновал через кованые узорчатые ворота в две стороны непрерывными нитями. У ворот сидели и стояли десятка два нищих и калек, которые, протягивая руки к каждому проходящему, канючили:

– Подайте, ради Христа! С великим вас праздником Христовым! Христос воскрес! Воистину воскрес!

Стоянка была забита машинами, здесь же толпился народ, целовался, просил друг у друга прощения. Антону Кирилловичу было стыдно пройти мимо нищих и калек, не бросив им хоть рублик. Он пошарил в кармане брюк – мелочи было мало. Неожиданно к нему подлетела женщина в длинной юбке и наглухо повязанном белом платке, поклонилась:

– Христос воскрес!

– Воистину воскрес, – ответил несколько смущённый Рязановский.

– Вам помочь?

– Да, наверно. У меня вот мелочи нет – подать.

– Это не беда, давайте я вам разменяю. У меня есть мелочь.

Только сейчас Антон Кириллович заметил висевший на плече женщины большой ридикюль. Она открыла его, спросила:

– Вам сколько разменять?

– Сотню.

– Хорошо. – Она быстро отсчитала мелочь рублями и двумярублевыми, схватила сотню и тут же спрятала её за пазуху, затем неожиданно склонилась к его уху и, скосив глаза вправо, прошептала: – Вон тому, в синей рубахе, патлатому, не подавайте.

– Почему? Он же с одной ногой.

– Он косит под нищего, у него машина есть, а сам пьянь подзаборная.

Женщина уже бежала к паре, которая ковырялась в своих кошельках. Антон Кириллович по привычке подсчитал деньги – не хватало десяти рублей. Ясно: комиссия – десять процентов. Он раздал деньги, по совету женщины не дав монету патлатому. Через несколько шагов услышал рык:

– Тонька, сука, это ты настропила не подавать мне, да? Ну подожди, подлюка, придёшь ещё ко мне, на титьках приползёшь! Гадина!

А Тонька-разменщица исходила в счастливом смехе и показывала ему язык.

Народу на кладбище очень много, почти у каждой могилы родственники убирали мусор, мыли и

красили памятники и оградки, не забывая помянуть усопших. Отыскав сорок второй ряд и пройдя по нему метров тридцать мимо старых, ухоженных могил, Антон Иванович нашёл низкую металлическую оградку с двумя дубовыми крестами, к которым были прибиты две овальные таблички с фотографиями и надписями. Прочитал: Соколова Ефимия Ивановна; 22.05.1962 – 13.11.2004; Соколов Антон Антонович, 14.01.1980 – 7.10.1999. Он взглядывался в лицо Феши, узнавал и не узнавал её одновременно. Феша при единственной их встрече была худенькой, с большими круглыми глазами, здесь же он видел взрослую женщину с внимательным мудрым взглядом матери, слегка насмешливым. Сын Антон был поразительно похож на самого Рязановского в молодости, но только в военной форме десантника.

Рязановский представлял найти запущенные, заросшие травой могилы, но земляные холмики были тщательно выполоты, мусор убран, а у основания крестов лежали два раскрашенных яичка с зелёной скорлупой. Значит, кто-то ухаживает за могилами, кто-то помнит о них, выходит, у Феши и их сына есть ещё родственники? Он долго стоял у могил, всматриваясь в забытые черты Феши и незнакомые черты сына, затем вздохнул и стал развязывать рюкзак. Вытащил банки, налил в них воду, воткнул в них купленные цветы и поставил у основания крестов. Одна банка чуть не опрокинулась – он едва успел подхватить её. Подровнял землю и снова поставил. На газетке положил куличики и по два яйца. Сначала хотел раскрошить их, зная, что на опустевшее кладбище делают набеги бомжи и другие сомнительные личности, собирая с могил всё, что здесь оставляли родственники, но потом передумал. Зачем? Ведь для того и оставляют, чтобы кто-то помянул усопших.

Неожиданно Антон Кириллович услышал лёгкие шажки, обернулся. Рядом стояла низенькая старуха лет восьмидесяти в длинной синей юбке, в тёмно-коричневой вязаной кофте и в синем платке, с таким сморщенным лицом, что на нём с трудом можно было различить губы, рот и нос. Из узеньких щёлок вместо глаз на него пристально смотрели два голубых, не замутнённых временем кристалла. Старушка, перекрестившись, поздоровалась:

– Здравствуйте. Христос воскрес.

– И вам здоровья, – отозвался он. – Воистину воскрес.

– Родственник? – попыталась старушка. Он лишь кивнул головой. – Это хорошо. А то одним-то им плохо, сынок.

– Сынок? Он, шестидесятидвухлетний пенсионер, сынок? Интересно, сколько же лет этой старухе? Ответил:

– Почему же плохо, ведь навещают. Вон и могилки убрали.

– Так это же мы убираемся тут, сынок. Кому же ещё-то?

– Кто «мы»?

– Да мы, прихожане церкви нашей. Вон церква-то стоит, видишь куполы-то?

Старушка показала рукой вправо и наложилась на себя три креста. Антон Кириллович подумал: «Наверно, надо поблагодарить старушку». Вытащил бумажник и стал вытаскивать тысячерублёвку, но

старуха, увидев это, замахала руками:

– Нет-нет, что ты, касатик, да рази мы ради денег? Нет-нет, грех это – за богоугодное дело деньги брать. Спрячь, спрячь!

Сначала Рязановский растерялся, но сразу нашёлся:

– Да я не за это вам, мать. Я хочу, чтобы вы ставили свечки за упокой Ефимии и Антона, поминали их. Сам-то я не могу часто навещать их. Я вам напишу их имена...

– А чего же сам-то?

– Да я... Да мне некогда. Мне ещё домой возвращаться надо, ехать долго.

– Ну хорошо, хорошо. А имена писать не надо, касатик, я их давно вызубрила, ведь каждый год здесь на родителей день убираемся. А поминать – помяну, не забуду.

Старушка взяла из рук Антона Кирилловича тысячерублёвку, аккуратно сложила её и положила куда-то под кофту, несколько раз оглядевшись. И Антон Кириллович в этот момент не сомневался, что старушка не проест и не пропьёт их, а обязательно употребит их на помин Феши и Антона.

– Издалека, видать? – спросила старушка.

– Издалека, мать.

– Ну, спаси тебя Христос, – с крестом сказала старушка и поковыляла по дорожке к церкви, бубня под нос: – А в церкву-то ходил бы. Все мы приходим к Богу, рано или поздно, крещёный и некрещёный, винный и безвинный, в начале или в конце.

Антон Кириллович тоже хотел пойти за ней, но затем раздумал. Что он там делать будет? Креститься не умеет, куда свечи ставить, тоже не знает – позор один. Нет уж, пусть это делают те, кто знает всё об этих церковных обрядах и хитростях. Эх, надо было хоть спросить имя у этой старушки! Хотя – зачем, ведь вряд ли больше встретятся. И в этот момент зазвонили колокола церкви. Сначала робко, однотонно, тягуче, а затем всё веселей и веселей. И звон этот радостью врывался в душу, заставляя её раскрыться, словно весенний первоцвет. Видно, весёлый и озорной звонарь выводил эти колокольные рулады. Мелодии колокольного звона резко менялись с минорного на мажорный, затем с мажорного на минорный.

Мимо Рязановского проходили три пожилые женщины в платках, которые, по всей видимости, тоже торопились в церковь на обедню. Антон Кириллович услышал их разговор:

– Мелешка, новый звонарь наш, на колокольне балуется, озорует, вон чего вытворяет, негодник.

– Может, пьяный.

– Говорили, что этот не пьёт.

– Ага, не пьёт – за шиворот льёт. Вот я уже ба-тюшке Сильвестру пожалуюсь на него.

– Да ладно тебе – жаловаться! Ведь сегодня такой светлый праздник. Поторопитесь, а то опоздаем.

На автовокзале была давка, билеты продавали аж на вечер, и Антон Кириллович не знал, что и делать. Таксисты закручивали такие цены, что пришлось бы отдавать месячную пенсию – не жирно ли за одну поездку? Да и денег таких у него с собой не было. Внутри здания нашёл расписание движения транспорта аэропорта, железной дороги, речного сообщения. Как говорится, узнай всё, не отходя

от кассы. В годы его молодости такого сервиса не было. Билеты тогда заказывали и покупали заранее. На учёбу и на каникулы с однокурсниками ездили и поездом, и теплоходами по Волге-матушке. Один раз даже самолётом летели. На комфортабельном старинном пароходе «Михаил Калинин» с плицами вместо винтов в отдельной каюте можно было доплыть всего за пять рублей. Но пароходы сейчас ходили очень редко, да и цены на них тоже кусались. Рязановский взял билет на проходящий поезд и помчался на железнодорожный вокзал.

Компания в купе собралась весёлая: пожилой мужчина примерно его возраста, может, чуть постарше, и пара средних лет. Когда Антон Кириллович вошёл, компания уже перезнакомилась и выкладывала на стол съестные припасы, водку, пластиковые стаканчики и одноразовую посуду. Поздоровавшись, Рязановский закинул рюкзак на верхнюю полку и сел рядом со сверстником. Тот сразу предложил стаканчик с водкой:

– Будете?

– Извините, нельзя. – Антон Кириллович знал, как отказываться, и показал рукой на сердце.

– Понимаю, – протянул пожилой. – Тогда закусите.

– Закуска у меня тоже есть, – ответил Рязановский и выложил на стол курицу, сыр, колбасу, булку.

– Далеко едете? – спросил мужчина.

– Нет, мне рядом – часов шесть.

Троица уже выпила по глоточку водки и стала закусывать. Антон Кириллович тоже сильно проголодался, оторвал от курицы окорок, остальное предложил попутчикам. Рязановский давно заметил одну странность, которую он называл дорожным голодом. Когда садился на транспорт, в поезд или на пароход, желудок тут же начинал требовать подпитки. Так происходило и с другими пассажирами.

Поезд тронулся и набрал ход. Рязановский думал о своём, мало вникая в разговор уже захмелевших спутников. Зашла проводница и предупредила, что если они будут сильно шуметь или тем более употреблять спиртное, то она вызовет полицейского. Пожилой вышел с ней в тамбур и через несколько минут вернулся, выставил перед собой ладони:

– Всё хорошо, полёт нормальный. Самое главное – приглушить двигатели.

И снова разговоры, рассказы, анекдоты, которые сыпались из пожилого, как из рога изобилия. Неожиданно он предложил:

– А хотите, Вера, Дима, я вам расскажу одну интересную историю. Это почище, чем анекдот. Ну, вы знаете, что я военный авиамеханик. Как-то давно, лет сорок назад, прилетели мы в этот город на приёму самолёта. Поселились в КЭЧ.

– А что это – КЭЧ? – спросила Вера.

– Это коммунально-эксплуатационная часть, ну, проще – гостиница для офицеров. Ну вот. Командировка подходила к концу, пропилился так, что денег почти не осталось. Крылышки-шассики – на дорогу не хватает! А мне домой позарез попасть на следующий день надо. Что делать? Я к товарищам, а те сами пустые.

– А разве военным не полагались бесплатные билеты? – спросил Дима.

– Полагались, конечно! Но мне надо было сместить железнодорожный билет на самолётный, а там

доплачивать надо было. Ну вот. Что делать? А в номере жили ещё студенты, которые с каникул приехали. Да какой там номер – целая казарма на восемь человек. Дай, думаю, у них в долг попрошу – может, дадут. А уже ночь. Я одного, другого, третьего трясу, объясняю в чём дело, а они, паразиты, не дают.

– Что, так и не дали? – снова спросила Вера.

– Один дал, – засмеялся авиатехник. – Молодец парень, вник, так сказать, в мою проблему.

– И много?

– Десять рублей. А десять рублей тогда были ого-го! На них можно было вечер в ресторане посидеть или полмесяца в студенческой столовке питаться. Я, конечно, клятвенно обещал ему выслать из дома эти деньги.

– И он поверил?

– А чего ж не поверить? – обидчиво заявил рассказчик. – Я ему и паспорт свой показал, и военный билет, и адрес свой ленинградский записал. А как прилетел, так и выслал.

– И что же странного в этой истории? – спросила Вера.

– Так вы же продолжения ещё не слышали.

Антон Кириллович невольно слушал эту историю и не верил ушам своим: неужели такое возможно! Когда совершенно незнакомые люди встречаются единственный раз – это обыденность, потому что встречаются где угодно: в дороге, на улице, в гостинице в конце концов. Когда встречаются во второй раз – это случайность, но если в третий раз... Он вспомнил, как какой-то мужик с великого похмелья разбудил его посреди ночи, дыша на него перегаром, долго объяснял, что ему от Антона надо. А нужно ему было занять десятку, чтобы срочно долететь до дому. В тот год студенты приехали на учёбу в институт, но в студенческой общаге, где они жили, не успели вовремя закончить ремонт, и им предложили с недельку пожить в другом месте. А где? У кого-то были родственники, кто-то устроился у знакомых, а Рязановский с тремя своими земляками решили перекантоваться в гостинице. Известно, студенты народ небогатый. Долго искали гостиницу подешевле, пока не наткнулись на эту самую КЭЧ, где за сутки брали всего пятьдесят копеек за койку.

Там-то Антон и дал в долг незнакомцу десятку, о чём потом долго жалел, потому что обещанного возврата долго не было. Он недели две бегал в почтовое отделение и спрашивал, нет ли на предьявителя почтового перевода. Перевода не было. И всё-таки перевод пришёл, да ещё с благодарностью: к десятке прилагался трояк, а в письме на переводном бланке адресат благодарил Антона за помощь и извинялся за задержку.

И вот сейчас Рязановский внимательно смотрел на рассказчика, назвавшегося Виктором, и вдруг прервал его рассказ:

– А давайте я вам продолжение расскажу.

Виктор долго и пристально вглядывался в лицо Антона Кирилловича, пожал плечами и согласился:

– Ну попробуйте.

– Однажды вы были в командировке в Латвии и поселились в гостинице «Рига», в самом центре города.

– Точно, – подтвердил бывший воентехник.

– Однажды ночью вас разбудил прикомандированный и попросил одолжить семь рублей на несколько дней. Он клятвенно обещал вернуть долг,

потому что потратился на подарки родным, а денег на обратную дорогу не хватало.

– Точно, – снова подтвердил Виктор. – Подождите, подождите! Так это были вы? Здесь, в КЭЧе, и там, в Риге?! Не может быть! – вскрикивал бывший авиатехник. – Так вы тот самый студент!

– А вы тот самый авиатехник!

– О, брат! – орал во всю мочь Виктор. – Вот так встреча. А я тебя не узнал. Садись к нам поближе. Как же мы постарели-то. Но, честное слово, я там, в Риге, и не знал, что это ты меня в КЭЧе десяткой выручил.

– А я не знал, что в «Риге» меня выручает тот самый мужик, который просил у меня десятку в долг, – в тон Виктору кричал Рязановский.

– Вот так совпадение! Вот так встреча. Ведь больше сорока лет прошло! За это надо выпить, непременно выпить! За взаимовыручку! Наливай всем, обязательно! Вот так да!

Вера с Дмитрием наблюдали за этой сценой с открытыми ртами. Потом супруг покачал головой и протянул:

– А мы думали, что это анекдот.

Пить Антон Кириллович снова отказался, ссылаясь на больное сердце. Но пассажиры всю дорогу обсуждали, обсасывали с разных сторон это необычное дорожное событие.

Вечером Рязановский был уже дома. Наскоро перекусив и почувствовав страшную усталость, лёг на свой диван и мгновенно заснул.

Как-то в воскресенье решил съездить на кладбище. Тень спросила:

– К своей Софьюшке собрался?

– А ты как будто не знаешь. Поедешь со мной?

Тень вздохнула:

– Куда ж я от тебя денусь?

– То-то! Куда я, туда и ты, куда ты, туда и я.

– Ну, это бабка надвое сказала. Вот возьму и останусь.

– И оставайся, мне от этого ни холодно ни жарко. Приставать со своими дурацкими воспоминаниями не будешь.

– Эх ты, дурень! До седин дожил, а ума не нашёл.

– Я ещё не седой, может, и женюсь ещё.

– Не женишься, – твёрдо сказала Тень. – Душой ты приустал. Вот съездил ты к Феши и сынку своему, душа-то твоя и отмякла. Или не так? Молчишь! А почему? Потому что грех с неё, с души своей, снял. А ты: «Не приставай, не приставай!» Ты ещё благодарить меня должен.

– За что же, за то, что душу бередишь?

– А как же её не беречь, дорогой мой Антон Кириллыч. Если душа у человека не болит, значит, того...

– Чего «того»?

– А то, что человек без этой боли уже, считай, одной ногой в могиле. Выходит, я тебе жизнь продлеваю, а ты жалуешься. Воспоминания, особенно в старости, – это очищение души. Или не так, скажешь?

– Ладно – поговорили, мне ехать уже пора.

– А я вот не договорила, – упёрлась Тень, – так что посиди и послушай. Ты вот думаешь, что я просто тёмное пятно, которое падает от твоего тела? Ошибаешься. Ты замечал, что чем больше человек

живёт, тем гуще его тень?

– Враки это.

– Вот и не враки! Просто люди этого не замечают – ну, тень и тень, ничего особенного. Иные её, то есть меня, и за всю жизнь не видят, не замечают или просто внимания на меня не обращают. А зря! У каждого человека есть своя тень. Тень – это своеобразный накопитель человеческих недостатков. Да и существую я в двух ипостасях, а то и во всех трёх.

– Это как Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Святой? – иронично спросил Антон Кириллович.

– Зря иронизируешь, батенька. Давай считать. Тень как накопитель человеческих недостатков – это раз; Тень как состояние души и разума – это два; Тень – это анализатор того, что человек ещё живой и находится на этом белом свете. Это уже три.

– Ладно, пусть так, – отмахнулся Антон Кириллович. – Надоело мне с тобой спорить. Да и ехать пора.

На кладбище Рязановский почистил могилу жены от мусора, отнёс его за ограду. Поставив в обрезанную пластиковую бутылку несколько гвоздик, которые очень любила Софья, постояв минут десять у её могилы, Антон Кириллович раскрошил кулич и два пасхальных яичка, оставшихся после Пасхи, и собрался домой. Но что-то ещё держало его здесь. Что? Он и сам не понимал. Народ поминал родственников и шёл по широкой аллее в одну сторону. Он ещё подумал: «Куда они идут, ведь автобусная остановка совсем в другой стороне». И вдруг услышал весёлый пасхальный звон колоколов. Он доносился издалека, словно приплывал из ниоткуда или спускался с неба, почему-то тревожил душу и наполнял её теплом. Такого чувства Антон Кириллович не испытывал ни разу в своей жизни, оно вносило что-то новое и неизведанное в его существование. Он вспомнил, как накануне по телевизору сообщали, что у старого городского кладбища восстановили старую разрушенную церковь. Вспомнил посещение могилы Феши и сына Антона, нового звонаря Мелешку в церкви Всех Святых, о котором спорили женщины.

В церкви Рязановский за всю жизнь бывал раз пять или шесть: так, для интереса заходил, чтобы полюбоваться богатым убранством, да ещё при отпеваниях, когда бывал в похоронах. Софьюшку тоже не отпевали: какие-то бабки, появившиеся у её гроба, съездили в церковь, освятили щепотку земли, а потом долго и заунывно пели псалмы.

Вздыхнув, Антон Кириллович тоже пошёл в церковь. Он вдруг вспомнил слова старухи, которая у могилы Феши, уходя от него, словно невзначай обронила: «Все мы приходим к Богу: рано или поздно, крещёный и некрещёный, винный и безвинный, в начале или в конце».

И вот что удивительно: с того дня, когда Антон Кириллович Рязановский посетил церковь и поставил свечи на помин души Софьи, Феши и сына Антона, его Тень словно исчезла. Нет-нет, она, конечно, была и повсюду волочилась за ним, куда бы он ни шёл, но, сколько он её ни звал, она уже больше не откликалась и не разговаривала с ним. Больше того – сам Антон Кириллович никогда больше не вспоминал о ней. Загадка!

Владимир ДВОРЯНСКОВ (1948 – 2016)

Продолжение. Начало «Симбирскъ» № 11-2018

ПРЕРВАННЫЕ ТАНЦЫ

ПОВЕСТЬ

Опускался тёплый сентябрьский вечер. По всем приметам бабье лето было в разгаре.

По расписанию пароход должен прийти через два часа. И поэтому Павел прислонился на прибрежном валуне, рядом с местными рыбаками, которые то и дело самодельными неказистыми удочками таскали довольно крупных и жирных окуней.

На душе было хорошо и спокойно, – как в этот тихий, тёплый вечер на Волге. На водной глади даже мелкой ряби не видать. Всё застыло, река превратилась в большое зеркало, в которое пристально смотрелось небо с выступившими кое-где крупными яркими звёздами.

Рыбаки с полными ведёрками собрались домой. Друг за другом стали подниматься по крутой тропинке к селу. И в это время из-за поворота показался пароход. Это было современное судно: не с большими колёсами по бокам, а с винтовой тягой. Вода за кормой вспучивалась, бурунилась. Пассажиры на судне намного меньше, чем было на привезшем его сюда пароходе: навигационный сезон заканчивается, на реке скоро станет холодно неуютно к тому же именно с севера, с верховий, надвигались холода. И мало кто стремился из тёплых благодатных краёв плыть навстречу зиме.

Павла определили в двухместную каюту. К тому же второе место оказалось свободным. Павел чувствовал себя, как на курорте, никто ему не мешал: вставал, когда хотел завтракать в ресторане, а потом любовался красотой волжских берегов. Они удивительно живописны.

В общей сложности Павел проплавал целую неделю. И вернулся в свой городок в пятницу утром. Сошёл на родной берег и спохватился: «Ведь завтра – суббота. Значит, снова в педучилище будут танцы».

Уж на этот раз, думалось ему, ничто не помешает встретиться с Татьянкой.

После танцев они пойдут домой вдвоём. Ему давно хотелось остаться с ней наедине, чтоб высказать самые нежные, сокровенные слова, которые копились в сердце.

Но первым делом надо было зайти в отдел милиции, чтоб доложить о выполнении задания.

Кочетков остался доволен: операция проведена чётко, без сучка и задоринки. И поэтому как-то по-

доброму, по-отцовски сказал: «Иди, отдыхай. Свободен до понедельника».

Но слов своих он не сдержал: рано утром Павла вызвали в райотдел.

На лесном хуторе Потаповка произошло убийство. Нужно было срочно выехать на место преступления.

Селенье находилось в двадцати пяти километрах по трассе. Потом с шоссе нужно свернуть влево. И проехать километра полтора до опушки леса. Хутор с дороги почти не виден, но если присмотреться, то можно сквозь ветки заметить крыши животноводческих ферм и силосную башню, поднявшуюся наравне с корабельными соснами. А чуть подалее вглубь рассыпаны жилые дома.

Из райцентра выехали на лошади утром, и, пока пробирались крутыми горными дорогами, время приблизилось к полудню.

Бабье лето, видимо, завершилось: вместо солнца всю дорогу над головой висели тучи. То и дело принимался моросить мелкий, холодный дождь. Покуда добирались до места, все до нитки промокли. Первый встречный житель указал дом, где произошло преступление.

Подошли к дому и заметили под дверью кровь.

Открыли дверь. В сенях на полу лежала полуобнажённая женщина. Прошли в избу. В передней комнате у самой кровати, находившейся в полном беспорядке, лежал голый мужчина лет тридцати в большой луже крови.

По рассказам местных жителей трагедия случилась ночью. Муж несколько раз имел повод подозревать жену в измене. Но она всё отнекивалась: говорила, мол, напраслину возводишь.

Два дня назад муж уехал в командировку. И должен был вернуться через неделю. А явился неожиданно на вторые сутки.

Постучался, – жена не открывает, тогда он ворвался в избу через окно. Схватил на столе нож и ударил мужчину, прямо у кровати, жена дико завизжала и побежала в сени, пытаясь спастись от разъярённого ревнивца. Но он настиг её и тоже со всей силой вонзил кухонный тесак.

Изменница распласталась на полу. Дело ещё усугубилось тем, что в роли соблазнителья оказался родственник, свояк, то есть муж сестры убийцы.

Рогоносец, видимо, считал, что нанесено невыносимое оскорбление не только ему, но и его родной сестре. За это так жестоко виновники и поплатились.

Сделав дело, убийца сел у окна, поставил локти на столешницу и опустил голову в ладони, сжав ими виски. И долго сидел в этом кровавом кошмаре.

Потом не через дверь, а снова через окно выбрался на улицу. Обрезал бельевой шнур, на котором жена раньше сушила бельё, сунул его в карман.

А нож вонзил в берестяной живой ствол дерева (теперь он ему был не нужен). И по тропинке, заваленной красивыми, оранжевыми и золотыми листьями, скрылся в глубине леса.

Наверное, если б убийцу задержали на месте преступления, то он более подробно и точно рассказал, как всё было на самом деле. Но его ещё предстояло отыскать и арестовать. А ход действий Павел восстанавливал сам, – в результате осмотра места происшествия и по рассказам жителей деревушки.

И вдруг к дому, где находились милиционеры, прибежала перепуганная женщина. И рассказала, что у неё отвязался телёнок. Она пошла его разыскивать. Шла, шла... И подняв голову, чуть не грохнулась в обморок: за берёзой, окружённой осиновым подлеском, увидела самого преступника. И хотя поднявшийся ветер срывал листья с веток целыми горстями и застил свет впереди, всё равно было видно, как страшный человек выглядывал из-за дерева, будто всматриваясь: не идёт ли кто?

Женщина так перепугалась, что, забыв обо всём (и о телёнке тоже), бросилась сломя голову назад, к жилью, чтоб сообщить, какого страху она натерпелась.

Прибежала, – дух не переведёт. Не может слово вымолвить. Павел еле добился от неё связного разговора. А услышав, решил немедленно брать преступника. И женщина повела оперативников к тому самому месту. Шла она медленно, иногда на минуту приостанавливаясь.

Видимо, никак не могла отойти от шока.

И вдруг вовсе встала, как вкопанная, у начала поляны, где в конце был подлесок с белоствольной берёзой посередине.

«Вот он, вот он», – зашептала она торопливо и испуганно.

Павел пригляделся. И увидел, как из-за берёзы показался мужчина. «Стой, стрелять буду!» – Павел выхватил из кобуры пистолет.

Но в ответ не последовало никакой реакции: преступник как периодически выглядывал, так и теперь периодически высовывался из-за берёзы.

Павел приостановил шаг, остановились и его помощники. Первым делом подумалось, что убийца свихнулся, поэтому и ведёт себя так. Нужна была пауза, одна-две минуты на раздумье.

Ведь неменяемый преступник непредсказуем. К тому же может стремглав скрыться в глубине лесной чащобы. И тогда ищи-свищи злодея. И с тревогой ожидай, что где-нибудь в другом месте обозначит своё присутствие новой кровавой расправой. Ведь в таком состоянии он безрассуден и жесток...

За одно мгновение Павел собрался, и всю свою волю направил в голос. Голосовые связки зазвенели стальной упругостью: «Стой, стрелять буду!».

Но снова – ноль внимания. Человек, как маят-

ник, через короткие промежутки времени показывался из-за берёзы. Когда эхо, обежав вокруг, смолкло, Павел услышал, как протяжно от порывов ветра шумит лес. Оперативники посмотрели вверх: на фоне серого с торопливо летящими тучами неба верхушки деревьев качались плавно и медленно. И спрятал оружие в кобуру. И решительно (хоть и не спеша), пошёл к «выглядывающему» человеку. Его спутники недоумённо вперили в него взоры: что он делает? Может, тоже, как и тот за деревом, свихнулся. Бывает, что в результате сильных потрясений, стрессов едет крыша и у профессионалов, сыщиков.

Павел уже подходил к тому злосчастному месту, как вслед за ним опрометью бросились помощники.

Преступник висел на высокой ветке. Как он туда забрался и привязал верёвку, непонятно.

Шнур был длинный, и ноги почти доставали до земли. А выглядывал он, потому что раскачивал ветер.

Голова убийцы была белой-белой, словно запошённой снегом. Хотя односельчане утверждали, что раньше, до происшествия, у него были чёрные, как смоль, волосы.

Какие же кошмарные, нечеловеческие думы передумал этот человек, коль за одно мгновение превратился в белого, как лунь, старика?! Какая круговерть, смута творилась в его душе, когда рухнуло всё?! И дальнейшая жизнь виделась бессмысленной и невозможной.

И у Павла на душе было как-то нехорошо и мутно. Он легче переносил схватки с бандитами, чем такие жестокие, кровавые бытовые преступления, в которых всё перепутано и неопределённо. Зыбка грань между преступником и пострадавшим...

Преступление было раскрыто. И в пасмурной темени оперативная группа возвратилась в уездный городок. Было уже поздно: танцы (если судить по времени) подходили к концу. И Павла заела досада: в который раз он намечает попасть на вечер отдыха, а точнее увидеть Татьянку, но обязательно что-то мешает. Вот и в этот раз сорвалось. Он понимал, что в конце концов терпение у девушки может иссякнуть и она отвернётся от него.

Но что поделаешь, – такова служба, – оправдывался он перед самим собой. – Хотя, конечно, можно ещё что-то предпринять. Вот даже сейчас: сижу, переживаю. А надо одеться и идти, чтобы увидеть её. Услышать родниковый голосок. Чтоб заглянуть в омуты глаз.

Он по-военному быстро, оделся. Вернее, снял милиционерскую форму и надел свой парадный костюм. И выбежал из квартиры.

Накрапывал мелкий дождь. На небе не проглядывало ни одной звёздочки. И в актовом зале училища тоже было темно.

Павел прошёл вдоль набережной мимо пристани, прямо к дому, где жила Татьянка. Дом уже спал, был с тёмными окнами. Павел посидел на лавочке у палисадника. Повздыхал, с надеждой заглядывая в окошки: вдруг вспыхнет свет, покажется девичья фигурка. Но в доме по-прежнему было темно.

С небес посыпались более крупные и частые капли. Мокнуть под осенним дождём не было никакого резона. И Павел, подняв воротник, пошёл к своему дому по тёмным спящим улицам. На душе

тоже темно и слякотно, как в эту сырую осеннюю ночь.

Он долго не мог заснуть. Ворочался с боку на бок. Но усталость, накопившаяся за день, сделала своё дело: подвесила к векам гирьки. Глаза закрылись и сознание потухло до утра.

А утром было солнце. Оно поднялось из-за Волги. Чистое, золотое. И похожая на него цветом, листва затрепетала, заколыхалась, словно от радости (хотя ветерка вроде бы и вовсе не было).

Душа от этого праздничного утра тоже преобразилась, оттаяла.

Верно говорят: утро вечера мудренее. Лишь вчера всё казалось беспросветным и мрачным.

А сегодня на сердце просветлело. И жизнь видится уже не такой безнадёжной.

Позавтракав, Павел направился снова к Татьянкиному дому. Но хозяйка, вышедшая на стук щеколды, объявила, что её квартирантка уехала на выходной в деревню к родителям и придет лишь в понедельник утром.

Несолоно хлебавши Павел отправился восвояси.

...А утром в понедельник – новое происшествие.

В пяти километрах от райцентра на берегу Волги расположился рабочий посёлок. Там упирается трубами в небо цементный завод. Раза два Павел наведывался в это селение.

Поражало оно своим ландшафтом. Какому чуду взбрела в голову идея построить его на крутой, почти отвесной горе. Дома прилепились к ней, как ласточкины гнёзда. Улиц почти нет – их невозможно проложить: кругом крутизна. Внутренне сообщение ведётся в большей части посредством тропинок, перебегающих от дома к дому.

Но с другой стороны, возможно, здесь заложено рациональное зерно. И делали это для того, чтоб ядовитый дым не травил деревню и город, что прячутся за этой горой. Чтоб, оттолкнувшись от горной стены. Он уходил к Волге и рассеивался на бескрайних просторах, причиняя минимум вреда людям.

Но, как бы там ни было, этот заводской посёлок имел экзотический вид, походил на кавказский высокогорный аул.

Именно в ночь с воскресенья на понедельник произошло ограбление местного магазина смешанных товаров.

Утром милиционеры выехали втроем на верховых лошадях: начальник милиции Кочетков на своей персональной кобыле Звёздочке, Павел на мерине Граните и Коля Голунов на самой смирной и неторопкой лошади Рябинке.

Проехав по мягкой просёлочной дороге километра полтора, повернули вправо. И, въехав в перелесок, стали спускаться к ручью, который бежал из соседнего леса. Берега и дно родника были глинистыми. И глина была необычной: некоричневой, а синевато-серой и очень скользкой.

Первым ехал Кочетков. Звёздочка, ступая с предельной осторожностью, спустилась в ручей,

Прошла его и уже стала выбираться на другой берег, как ноги у неё поехали, она покачнулась и повалилась на левый бок, придавив ногу начальнику.

Милиционеры прыгнули с лошадей и попытались освободить Кочеткова, но лошади не удавалось подняться, – глинистая почва выкальзывала из-под

копыт. Долго пришлось мучиться подчинённым, прежде чем они освободили ногу начальника.

Кочетков хромал. Павел предложил ему вернуться в город, выяснить, что с ногой, а уж потом ехать на расследование. Но Кочетков категорически отказался: «Расследование надо вести по горячим следам, запомните это», – сделал он Павлу внушение. И снова, забравшись в седло, потрусил по просёлочной дороге к посёлку.

Остальной путь ехали без происшествий. Деревянный дом, в котором находился магазин, стоял на отшибе, наособицу, в стороне от жилья. Да к тому же, и не охранялся. Воры действовали цинично и нахраписто: дверь вместе с косяками выломана и почти всё украдено. Да ещё бы: через окно или лаз в потолке выносят полмагазина, а здесь – широко открытые ворота. К тому же, видимо, ворованное складывали в грузовик: прямо перед дверью остались отпечатки протектора автомобиля.

Не чувствовалось, что орудовали дилетанты. Действовали слишком уж в открытую, без подстраховки, на виду. Поэтому нашлись люди, которые видели автомобиль, проезжающий поздней ночью по спящей улице.

Кочетков подключил к раскрытию своих людей, местную агентуру. Но после обеда ему пришлось всё же уехать в город: нога распухла и сильно болела. И хотя майор старался бодриться, чувствовалось, что состояние его ухудшается. И поэтому Павел настоял, чтоб он немедленно возвращался домой.

Теперь расследование полностью ложилось на плечи Векшина и его помощника.

Ночевать они остались в заводском управлении. Улеглись прямо на конторских столах.

И почти сразу раздался стук. Павел встал, открыл дверь и пропустил в комнату мужчину небольшого роста, с рыжеватыми волосами и крупными веснушками. Он назвал себя: «Елистратов Корней Елифанович». И попросил о его визите никому не говорить. Павел пообещал.

– Видел я машину, на которой воры раскатывались. Это «ЗИС» Сеньки Женягина. В два часа ночи проехал по улице в направлении магазина. А потом, минут через сорок-пятьдесят, – обратно.

Это Сенька своровал – больше некому. – А вы не ошибаетесь? – спросил Павел.

– Да как я могу ошибиться: на заводе не так много машин-то. В основанном подвозят сырьё из карьера к обжиговым печам. Я каждую могу по голосу узнать – по рокоту мотора.

– Улицы у нас плохо освещены, можно сказать, что никак, но всё же я заметил: рядом с шофёром кто-то сидел. Да и как бы это он один всё провернул. Конечно, вдвоём или втроем.

Это была существенная помощь: выявлен конкретный подозреваемый. Показалась та ниточка, с помощью которой можно распутать весь клубок.

Утром начали с шофёра. Его вызвали в заводское управление к милиционерам прямо из гаража. Он заводил мотор, когда завгар подошёл к нему. Оглядел удивлённо-подозрительным взглядом и сухо сказал: «Сеня, тебе надо срочно явиться в водоуправление».

– Степан Петрович, сейчас, только заведу эту колымагу.

– Нет, потом заведёшь. Иди. Позвонили, чтоб одна нога здесь, другая там.

Сенька слышал, что вчера из района приехала опергруппа. Искать, кто подломал магазин.

Шоферня целый день только об этом и говорила.

И всё же он гнал от себя мысль, что именно по этому поводу его и вызывают. Надежда, что всё обойдётся, уводила в сторонку: мало ли кому он потребовался, может, бухгалтерии что-то выяснить надо, а может, кому-то из начальства понадобился грузовик, чтоб перевезти что-то по хозяйству.

Милиционеры (он был уверен в этом), не обнаружив никаких следов и улик, уже возвратились в свой райотдел несолоно хлебавши.

Но вопреки предположениям его направили прямо к оперативникам. Они заседали в кабинете инженера. И это Сеньке показалось особенно странным... Милиционеры не стали подступаться к нему издалека, выстраивая хитроумные ходы и тонкие подходы, как об этом пишут в книгах и показывают в кино. А сразу решили ухватить быка за рога...

Сенька постучался и как-то тихонько боком протиснулся в чуть приоткрытую им же самим дверь.

– Садитесь, – строго предложил, а вернее, приказал молодой лейтенант. – Как ваши фамилия, имя, отчество?

Сенька назвался:

– Женьгин Семён Мартыныч.

– Так вот, Семён Мартынович, я должен тебя сразу предупредить: твоё чистосердечное признание будет являться смягчающим обстоятельством при вынесении обвинительного приговора. А за пиратство, наоборот, усугубит твою участь. В общем, рассказывай подробно и по порядку, как ты с сообщником подломал магазин. Хотя мы и так всё знаем. Но это должно прозвучать из твоих уст.

Сеньку этот напор обезоружил: видимо, на самом деле всё знает, если так уверенно говорит.

И тут возникла догадка, словно со всего маха вдарили обухом по голове: «Неспроста они сидят в кабинете Кривулина значит, раскололся инженер-ришка».

Хотя выбор места допроса был совершенно случаен: инженер выехал в областной центр по служебным делам, и кабинет оказался свободным, вот им и воспользовались. Но откуда было знать это Сеньке. Он сразу сник: опустил голову, чтобы не было видно, как повлажнили глаза.

И начал рассказывать.

Сагитировал его подломать магазин новый инженер Кривулин, лишь год назад приехавший сюда по распределению из столичного горного института.

Молодой специалист разработал сценарий, план кражи. Именно он придумал прицепить дверь к автомобилю и дёрнуть. А чтобы было наверняка, провёл тщательные расчёты. И выходило, что и трос выдержит, и машине под силу выколупнуть её. Правда, закрались некоторые неточности: по расчётам, грузовик должен был выдернуть лишь дверь. А вышло так, что она вылетела вместе с косяками.

Но небольшая беда. Главное, достигнуто – открыт доступ в торговую точку. И грузовик здесь сыграл универсальную роль: и как тягач, и как транспортное средство. Всё, что вынесли: продукты, одежду и разный там шурум-бурум – погрузили в

кузов Сенькиного автомобиля и отвезли в тихий, безлюдный ночной лес, в укромное место. Схоронили там до лучших времён: когда страсти по ограблению утихнут-улягутся и, сбившись с ног и ничего не найдя, «мусора» махнут на это дело рукой и уберутся восвояси, больше не показывая здесь носа. Вот тогда Сенька с инженером и погуляют, пошикуют. И подозреваемый тяжело и жалостно вздохнул: «Не удалось».

А познакомился он с инженером-москвичом в заводском клубе. Оба молодые и холостые, оба ухаживали за девчонками-подружками. Вместе ходили их провожать. Дорожка от клуба проходила мимо магазина. Возвращались домой поздно. И постоянно видели, что магазин, находящийся на отшибе, никто не охраняет. Как-то ночью к ним пришла преступная идея.

Предложение высказал Кривулин: «Сеня, а давай подломаем магазин, никто не увидит и не узнает. Сколько раз здесь ночью проходили и ни одного человека не встретили».

Зато потом купим себе костюмчики, девчонкам – дорожки подарки. Да что там подарки...

На эти деньги свадьбы царские сыграем».

Вообще Эдик Кривулин, хоть и являлся Сенькиным ровесником – всего-то обоим стукнуло по двадцать четыре, был человеком более опытным и с авантюрной жилкой. Возможно, повлияла на это – столичная жизнь.

Контраст московской шумной суеты и нетронутой тишины глубинного посёлка воодушевил его на «подвиг»: мол, кто отыщет меня в этом захолустье. Я москвич – и потому выше на две головы провинциалов.

Но оказалось, что не выше. Вычислили воров в этот же день. В этот же день и арестовали.

Правда, Кривулина взяли лишь вечером, когда он вернулся из областного центра.

Он сразу же во всём сознался. Сам над собой дивился: мол, как это могло случиться? Слово во сне, какая-то неподвластная разуму сила вела его на преступление. Инженер то и дело твердил:

«Бес попутал, бес попутал...».

И на самом деле трудно было здравым умом вывести логику его действий.

Человека с образованием, приехавшего из Москвы, сразу поставили на должность инженера.

Правда, не главного. Но через год – главный уходил на пенсию. И не было для замены более подходящей, чем он, кандидатуры. Потом с его пробивными способностями могли взять на высокую должность и в область. А там рукой подать и до столицы.

К тому же и на личном фронте у него всё в ажуре. Хоть Маша, с которой он сдружился почти с первых дней на заводе (она работала в химической лаборатории после окончания техникума), не выделялась своими интеллектуальными способностями, как, к примеру, его бывшие московские подружки, но тем не менее была красивой, доброй и, главное, безгранично любящей его.

А в Москве у него мать с бабушкой (отец умер ещё до войны). Для них он всегда был гордостью и надеждой.

И вот всё рухнуло в одночасье, завалив обломками судьбу.

Игра не стоила свеч. Риск был в миллион раз выше всего того, что они вывезли на стареньком грузовике и схоронили в лесной чащобе. Видимо, это в полной мере понял, ощутил Эдик.

Оттого и тростил, не переставая: «Бес попутал, бес попутал...».

Он раскаивался. Наивно, как нашкодивший подросток, просил прощения. Но было поздно. (Подельников вскоре осудили).

Отбыв срок, Кривулин не вернулся на завод. Никто никогда больше не видел его в посёлке, сыгравшем в его жизни роковую роль.

...В эту субботу Павел опять не попал в училище. Да и всю следующую неделю был загружен под завязку. Не мог выкроить даже минутку, чтобы свидеться с Татьянкой. Выдались беспокойные, суматошные дни и ночи: то пьяная потасовка в дальнем селе, то семейная ссора с применением холодного оружия, то ограбление ларька на городском базаре. И так без конца.

Но в пятницу обстановка в районе нормализовалась. С работы Павел вернулся вовремя.

В субботу тоже всё было спокойно. И он ещё утром перед службой вновь тщательно отутюжил свой костюм. А вечером отправился на танцы, радуясь предстоящей встрече с Татьянкой.

Но радость была преждевременной...

Осень царила уже полновластно. Стояли холода, моросили дожди. Солнце, кажется, выпускалось иногда в небо лишь для того, чтобы показать людям, лесам и полям, что оно ещё живо, не угасло.

К тому же все чаще и чаще тусклые дни торопила внезапным снежком, идущая по пятам осенняя приемница.

Но кому же хочется отдавать право властвовать – другому? И не потому ли, чтоб подольше продержаться, осень развезла повсюду слякоть: на дорогах и в полях, в малых деревушках, и в уездных городках. Вот и сейчас было грязно и сыро.

Но молодёжи на танцах из-за непогоды не только не уменьшилось, а, наоборот, даже прибавилось. И среди снующей толпы под громко поющую радиолу Павел еле разглядел Татьянку. Он машинально искал взглядом и её неразлучную подругу Наталью. Но её не было.

Вместо неё около Татьянки суетился долговязый парень в тёмно-синем бостоновом костюме, с рыжей шевелюрой, уложенной в «политический» зачёс. Парень был не местный. (Павел благодаря своей службе хорошо знал городскую молодёжь).

Он вспомнил, что в райпотребсоюз по распределению из торгового вуза недавно приехал молодой специалист. Неизвестно почему (вероятнее всего, есть рука в высших сферах) его поставили сразу заместителем председателя.

Видимо, с ближайшей перспективой: председатель Ксенофонов готовится на пенсию, через полгода ему шестьдесят. И на сто процентов, что в ближайшее время новичок возглавит торговлю всего района. Но это Павла мало интересовало. Его выводило из себя другое: с какой стати этот пришелец ластится к его Татьянке.

И тут девушка повернулась к нему, и взгляды их встретились. Павел поднял руку и помахал.

Ждал, что она ответит. Но Татьяна резко отвер-

нулась, продолжая оживлённо беседовать с долговязым.

Павла это взорвало: как это так? Что я для неё – пустое место? Посмотрела, словно в безвоздушное пространство.

У него неожиданно зачесались кулаки. Ему захотелось, как бывало в детстве, вызвать этого нахала на улицу. И разобраться с ним... Чтоб неповадно было приставать к чужим девчонкам.

Но он тут же одёрнул себя. И прогнал вспыхнувший порыв. Это недопустимо, чтоб блюстителю порядка начал устраивать личную жизнь с нарушениями этого самого порядка. К тому же, как говорится, насколько мил не будешь.

Снова заиграла радиола. На этот раз – танго. И вся толпа задвигалась в ритме популярной музыки. Он окинул взглядом зал, ища среди танцующих Татьянку с долговязым. Но наткнулся на Наташку, которая облапила его сослуживца Кольку Голунова. И всё же Павел набрался смелости и подошёл в перерыве к Татьянке. Почему-то рыжего в этот момент рядом с нею не было (наверное, вышел покурить).

Увидев идущего Павла, она снова демонстративно отвернулась. Ему сделалось не по себе.

Но он поборол обиду, спросил напрямую: «Татьяна, объясни, в чём дело?» (Вопрос звучал явно риторически: зачем спрашиваешь, когда и так всё ясно).

То ли не зная, что ответить, то ли просто для важности, Татьяна, как показалось Павлу, довольно долго молчала, сжав губки. Потом выдавила: Паша, у нас с тобой всё кончено... Я встретила другого человека... Он мне нравится».

У Павла невольно заходили желваки. Не проронив в ответ ни слова, отошёл от девушки, по правде сказать, не ожидая такого откровенного ответа. Если бы она просто промолчала. И то бы было легче.

Он вышел из училища. Дождь усилился. Был мелкий, но частый, но Павел не замечал этого, потому что не давало покоя случившееся: «А с другой стороны (подпустил он самокритику), как ей ещё прикажешь поступить, если я со своей службой, по сути, забыл, запаматовал её».

Какой девушке это понравится? Хотя, конечно, можно было бы просто поговорить по душам, выяснить отношения».

И он бы ей доказал, что чувства у него к ней нисколько не остыли, а наоборот... Просто работа такая суматошная: ни днём ни ночью нет уверенности, что тебя экстренно не вызовут на службу.

Конечно, она бы, наверное, могла сказать: мол, если любишь, то смени профессию. Но на это Павел никогда бы не пошёл. При всей симпатии и любви, он не променял бы свою профессию на другую, пусть хоть самую престижную. Да, иному она может показаться тяжёлой и даже грязной: всю жизнь соприкасаться с человеческими пороками, трагедиями, горем. Но для того он и соприкасается с тёмной стороной людского существования, чтоб жизнь стала светлее и спокойнее.

В расстроенных чувствах Павел шёл по раскисшей дороге, не замечая широко разлившихся луж.

Пудовыми гирями грязь висела на туфлях, липла к тщательно отглаженным брюкам...

Соседи по коммуналке уже спали. Он тихонь-

ко прошёл в свою комнату, включил свет. Повесил костюм в шкаф, не очистив его, а прямо с приставшими к брюкам ошметьями грязи, махнув рукой: теперь долго не понадобится, ведь он не собирается больше ходить на эти распроклятые танцы. Пусть шастают туда долговязые да рыжие...

Снег выпал внезапно...

Стояла-стояла осенняя распутица, и вдруг в конце ноября ударил мороз. Всё затвердело, словно кто-то в осеннюю слякоть добавил цемента. И он схватил грязь так крепко, что ломом не расшибёшь.

Появились кочки и рытвины, и народ о них стал спотыкаться и если раньше прохожий, на чём свет стоит проклинал жижу на дорогах, то теперь корил смёрзшуюся землю, но голой, неприкрытой земля простояла недолго.

Под утро, когда особенно сладко спится, из незаметно подкравшихся туч повалил снег.

Хлопья были такими крупными и плотными, что чернота ночи растаяла. И сделалось белым-бело, будто днём. И небо, и земная твердь – сплошная белизна. Проснувшись, люди увидели это чудо и поняли, что наступила зима.

Первый зимний день, вернее, ночь, принесла сразу два известия об ограблении.

В городе, на рынке, подломали ларёк. Видимо, ещё до снега, потому что никаких следов на пороше не отпечаталось. Пробовали пустить собаку, но она тоже ничем не смогла помочь, все запахи были укрыты снежным покрывалом. Из ларька выгребли всё подчистую: спиртное, консервы, сладости. И то был уже не первый случай. Три месяца назад на этом же месте был ограблен и другой ларёк. И тогда милиция не смогла напасть на след.

А летом в небольшом селенье Буераки, что километрах в пяти ниже по Волге, был подломан сельповский магазинчик. Почерк один и тот же. И не было никакого сомнения, что это дело рук местной шайки. Особенно бросалось в глаза, что из всех вещей и продуктов воры больше всего предпочитали сладости, что наводило оперативников на мысль: в банде действуют подростки.

Но это было всего лишь догадкой, версией. Никаких конкретных, даже малых зацепок пока, к сожалению, не существовало.

Другая весть пришла из дальнего лесного совхоза. Там обворовали вещевой склад. Унесли все тёплые вещи: полушубки, валенки и даже меховые рукавицы. Начальник приказал Павлу выехать на место происшествия.

Первый раз в этом сезоне лошадь запрягли в сани. И Павел, взяв в руки вожжи, направил свой гужевой транспорт по лишь намечающейся, чуть пробитой в первом снегу дороге. Сани переваливались с одного бока на другой. Иногда кренились так неожиданно и круто, что Павел мог запросто вывалиться в сугроб. Но Бог миловал. И через полтора часа он благополучно добрался до пункта назначения, – до большого, богатого лесного селенья.

Окружённая со всех сторон лесами, деревня встретила гостя глубокой зимней тишиной. На крышах и столбах лихо, набекрень нахлобучены снежные папахи. К санной дороге, что пролегла посреди села, от каждого крыльца, словно гибкие веточки к главному стволу, тянулись узенькие тропинки. Па-

вел проехал к центру, где находилась контора. И, хлестнув вожжи на коновязи, поднялся на крыльцо.

В конторе его ждали. Поведали, что ограбление обнаружили утром, когда пришли на работу.

Двери были вроде бы, как обычно, закрыты, но когда кладовщица попыталась открыть замок, перепиленная дужка отвалилась.

Напуганная женщина, маленькая с прямыми тёмно-русскими волосами, так несвязанно, отрывочно рассказывала о случившемся, что из всего повествования Павел уяснил для себя лишь три момента: вор проник в помещение, перепилел дужку замка; были украдены почти все вещи; следов возле склада от транспорта (а транспорт был, – иначе нельзя справиться с таким количеством вещей) не обнаружено.

С начальством и кладовщицей проехали к месту происшествия. Длинное кирпичное помещение находилось рядом с совхозными мастерскими, в дальнем углу обширного двора, ближе к лесу.

Рядом с ним забор во многих местах повреждён, или попросту сказать, – доски выбиты для прохода. Но следов, действительно, не видно. Хоть Павел тщательно обследовал все подходы к объекту. Видимо, ограбление, как и в городе, произошло до снегопада, поздней ночью.

Невольно возникло подозрение (хотя это – полная мистика), что воры были оповещены, что будет сильный снегопад. И обрушится он в конце ночи, под утро. До этого и необходимо обделать чёрные делишки. Преступники, видимо, так и поступили: управившись до снега по чёрной земле. И первая пороша укрыла все следы преступления. И всё же: если нет следов на снегу, то, может быть, в людской памяти кто-то «наследил»? И Павел стал допытываться: были ли какие инциденты на складе до этого происшествия? Но никто не мог вспомнить ничего подозрительного.

Вдруг кладовщица спохватилась и почти закричала: «Был, был такой случай... Где-то год назад местный тракторист Федька Зайцев зашёл на склад, увидел овчинные полушубки и у него глаза загорелись, – так они ему понравились. Даже один шубнячок примерил. И всё спрашивал: «Ну, как, Полина, хорош он на мне?». А потом стал выспрашивать: у кого можно его оформить? А я говорю: «Иди к директору, к Ивану Васильевичу, только он может распоряжение дать».

А директор заартачился: месяц назад Федька напился с дружкой и на другой день не вышел на работу. А на дворе посевная – трактористы на вес золота. Вот начальник и припомнил Федьке провинность: мол, сначала со своей дисциплиной наведи порядок, а потом просьбами донимай. Федька и этак умастил директора, а тот ни в какую.

И тракторист обиделся: дескать, горбатишься на тракторе день и ночь. Пыль мешками глотаешь, а поощрения никакого...

Для Павла этот случай был существенной зацепкой. Конечно, на сто процентов нельзя утверждать, что механизатор причастен к этой криминальной истории. Но проверить стоило.

Поэтому Павел оживился: «А где он сейчас? Не солому ли возит с поля? Я, когда сюда добирался, обогнал трактор с санями, гружеными соломой».

Но кладовщица возразила: «Нет. Он больше в совхозе не работает. Вскоре после этого случая уволился. И перешёл в лесхоз полещиком – лесником – место там освободилось. Сейчас обжился, разбогател, как барин. Всего у него полным-полно.

Это сообщение вроде бы опровергало версию: если живёшь в полном достатке, зачем идти на воровство? Зачем рисковать и доходным местом и судьбой?

Но тут же вспомнилась русская поговорка, которую услышал от матери: «Сон, как богатство – чем больше спишь, тем больше хочется».

Человек такое существо, что не может остановиться, если ему в руки плывёт добро. (Нет, не то добро, что гнездится в сердце, а то, что схоже с древними серебряниками).

Богатым человек стал, надо бы успокоиться, смириться. Ан, нет. Его зависть гложет: сосед богаче меня. И я его должен переплюнуть, пока вконец душу не погубит...

Павел решил навеститься к леснику. Правда, была некоторая заковыка. Чтоб произвести обыск, нужна санкция прокурора. А у Павла её нет. Поэтому по правилам или, вернее, по закону, он должен вернуться в райцентр и получить разрешение. А уж потом направляться в лесную усадьбу.

Но земля слухами полнится. И нет никакой уверенности, что сообщение о проводимом расследовании не дойдёт до Фёдора. В деревне через минуту все обо всём знают. Тогда можно перепрятать наворованное где-нибудь в лесной чащобе (если, конечно, это он хозяйничал на складе).

Поэтому нужно действовать быстро, оперативно, по свежим следам. Ведь недаром же у Павла и должность такая – оперативник.

И он решил пойти на риск: ехать по лесной дороге на лесной кордон немедленно. Если версия подтвердится, тогда всё сойдёт: победителя не судят. Если это зряшные подозрения, готов понести взыскание.

Но интуиция подсказывала, что искать нужно именно там в лесном доме. Правда, ехать в лес одному небезопасно. Всякое может случиться. С одним преступником справится, но если там ещё и сообщники... Надо сказать (хотя бы кладовщице), куда поехал, чтоб знали в случае чего где искать. Но Павел даже этого не сделал. Отвязал лошадь от конюязи. Попрощался и повернул в обратную дорогу.

Дом полещика стоял по правую руку от просёлка. На седьмом километре в лес уходило ответвление. Этот путь вёл к одинокой, лесной избе. Пороша на дороге была ещё не потревожена ни одним следом: ни человеческим, ни санным. А это значило, что Федька в деревне не был, ни к нему оттуда никто не приезжал. Поэтому о расследовании он пока не знает, что было на руку оперативнику.

Павел потянул за правую вожжу, и лошадь послушно повернула вправо. Дом от просёлочной дороги находился недалеко, в километре. Но казалось, что Павел забрался в такую глушь-чащобу, где ещё не ступала нога человека.

Сумрачное и дикое место. Вблизи – высокие корабельные сосны, а чуть подалее от лесного пути, стеной вставало чернолесье с частым, густым, непроходимым подлеском. Высокий, просторный дом,

окружённый крепкими хозяйственными постройками и аккуратными копнами сена, припорошёнными первым мягким снегом, казался здесь случайным и чужеродным, словно какие-то лихие люди втайне срубили и поставили его специально подалее от людских глаз.

Подъехав к воротам, Павел услышал во дворе злобный собачий лай. Похоже это была немалая собачонка, которую часто держат хозяева вместо звонка а крупный пёс, с которым шутки плохи. На лай вышла довольно молодая полная женщина с румянцем на пухлых щеках.

«Что за гости к нам?» – начала она эту фразу ещё во дворе. А выйдя из калитки и увидев милиционера, прикусила язык.

– Здравствуйте. Вы хозяйка?

– Я.

– А хозяин дома?

– Нет, он на обходе. (И повторила, но уже по-другому). Обход леса делает.

– А когда вернётся?

– Разве кто знает. (Но потом сделала предположение). Через час-полтора, наверное...

Павел смекнул: обыск хорошо бы сделать до прихода Фёдора. И сразу пошёл в атаку: «Я должен у вас произвести обыск».

Лицо у женщины в тот же миг изменилось: румянец залило снежной бледностью, и в глазах запылали тревожные огоньки.

Другая поопытнее спросила бы: «А санкция прокурора на обыск у вас есть?». А она растерялась.

И, разведя руками, покорно выдавила: «Ищите».

Первым делом Павел обследовал двор: все хлевушки и сараюшки. Потом избу. И уже после этого полез на чердак.

С первого взгляда наверху тоже ничего подозрительного не было. Подлавка засыпана сухой землёй, от которой пахнет летней дорожной пылью. Слева от лаза – старый витой венский стул с утраченной ножкой, справа – оловянный умывальник с отбитой пипкой да стогодовалый самовар без носика. Одним словом, хлам, шурум-бурум.

Если бы Павел на этом закончил обследование, то пришлось бы ехать отсюда несолоно хлебавши. Но чердачное пространство отгораживали от беспрепятственного обзора кирпичные трубы – от русской печки и голландки. Именно за эти трубы и решил заглянуть оперативник.

Заглянул... И сердце обожгло какое-то смешанное чувство, с одной стороны обрадовался: обнаружил краденное, а с другой – вспыхнула злость на воров, которые, по своей сути, эгоисты, стремящиеся присвоить себе то, что принадлежит другим людям.

Без этих шубняков зимой будет мёрзнуть, гробить своё здоровье механизаторы и животноводы.

А вору – до лампочки, наплевать.

Под эти наивные максималистские мысли Павел сбросил в сени четыре громадных узла с полшубками, валенками и рукавицами. И только успел это сделать, как в слуховое окно увидел, что из-за поворота на лесной дороге появился мужчина с большим топором в руках. В длинной фуфайке и в больших серых валенках он шёл медленно.

Павел успел незаметно выскользнуть из ворот и встать за копну сена, что притулилась у самой дороги.

Федька уже знал, что в доме гости: лошадь стояла на виду, у ворот. Но не ведал, кто они.

И прибавил шаг. Прошёл мимо колодца, где от ветра тихо позванивала, стуча о пустое ведро обледеневшая цепь. Поравнялся с копной, ничего не подозревая. Миновал её. И когда отошёл метра на два, Павел с пистолетом в руке громко и резко командовал: «Стоять! Руки вверх!». Федька от неожиданности сначала застыл на полушаге. Лишь потом обернулся. Увидев милиционера он не сник, как часто бывает в подобных неожиданных ситуациях, а наоборот, напряжился, в глазах недобрые костры запрыгали. И хоть топор оставался в опущенной руке, чувствовалось, что ладонь крепко-крепко сжимает рукоятку.

Федька понял, что молоденький милиционер обо всём знает.

В голове промелькнуло: «Опережу его с пистолетом, ударю – не успеет курок нажать. Но тут же искрой проскочило: «А если он не один? Тогда недобровать...».

Павел сделал движение вперёд: «Смотри, не балуй – стрелять буду!».

Но Федька метнулся вглубь леса.

Павел не ожидал такого безрассудного и бессмысленного порыва. Зимний лес не приветил бы беглеца: холодно и голодно сейчас всё равно пришлось бы выйти к людям.

Но рассуждать об этом было некогда. Полешик убегал. И Павел ринулся вдогонку.

Преступник был намного выше... Его длинные ноги делали шаг шире. Но Павел был моложе и потому быстрее. К тому же на воре болтались валенки машиной валки, большие и тяжёлые.

Развить скорость в них при всем желании он не мог. Да и снег был вязок: доходил почти до колен.

И всё же Федька, хоть незаметно, но удалялся.

Павел кричал: «Стой, стрелять буду». Но он не обращал внимания и изо всех сил работал ногами.

И вдруг между двумя берёзками: одной взрослой, высокой, другой совсем молоденькой, беглец провалился по брюхо в яму. Она была присыпана снегом и казалась ровным местом. Федька беспомощно барахтался в снегу.

Здесь Павел и схватил его за пол фуфайки: «Стой, тебе говорят!». И Федька как-то притих, словно схизнул, видно, смирился со своей участью. Сам протянул руки: мол, вяжи.

Но в глазах всё равно горела такая злость, что, казалось, могла сжечь полмира. И когда Павел стал грузить узлы с ворованным, Федька заскрипел зубами и выдавил: «Когда-нибудь я тебя достану. И по-решу...».

– А за угрозы ещё одну статью схлопочешь, – предупредил Павел. Хотя сам понимал, что это не-реально. Практически доказать, что тебе угрожали, невозможно.

Ещё ни разу не слышал, чтоб кого-то осудили за угрозы. Но припугнуть распоясавшегося вора необходимо.

В сани вместе с узлами усадил он и Федьку. При этом объяснил:

– Смотри, сиди смирно: стреляю без предупреждения.

Зашлась лаем собака на цепи. Мычала на калде

корова. В накинутом на плечи пальто вышла к воротам жена. И в это время снова посыпал снег.

Лошадь засеменяла по своему же следу. И все дальше отдалялась одинокая женская фигура.

Летящий снег, словно бы заштриховывал её. И она сливалась с белым лесным безмолвием.

До райцентра добрались благополучно. Но в райотделе вначале Павлу досталось за нарушение юридических норм. Хотя в конце концов всё сошло, действительно, победителя не судят...

Впереди Павла ждало новое испытание, но не на служебном, а, так сказать, на личном фронте.

По городу разнеслась весть, что заместитель председателя райпотребсоюза женится. И ни на ком-нибудь, а на Татьянке.

В последнее время Павел вроде успокоился, свыкся с разрывом. Но всё же в глубине души теплилась надежда, что всё изменится, что отношения у Татьянки с этой рыжей дылдой расстроятся. И они снова будут встречаться как и прежде (пусть и не часто: такая уж у него служба). И в конце концов судьбы их соединятся навсегда. Но так думал и мечтал Павел.

Татьянка, видимо, строила другие планы.

Свадьбу торгаши своему начальнику закатали царскую. Вино лилось рекой. А кушанья были такие, что уездный народ подобного ещё не видал. На торжество были приглашены все районные начальники. Даже Кочетков с женой пировал. А справляли свадьбу в местном ресторане «Волжские зори».

Павел в это время напросился на внеочередное дежурство. Должен был заступать Колька Голунов, но он и его Наташка тоже были приглашены на торжество.

Дежурство проходило спокойно. Никаких происшествий в районе не случилось. Если не считать пьяной потасовки на этой самой свадьбе. Гости перепили, и начальник почты сцепился с начальником речного порта. Правда, здесь больше было шума и крика, чем настоящего рукоприкладства. Но тем не менее забияки друг другу расквасили носы и поставили по «фонарю».

Павлу не хотелось ехать на вызов. Это снова (в который раз) облить сердце кровью. Но долг есть долг. Тут ничего не попишешь.

Пир всю шумел. Но чувствовалось, что все же переваливал ту вершину, за которой из-за крепкого подпитья у гостей начинается разброд и шатание: кто пляшет, кто поёт, кто ведёт задушевную беседу с собутыльником, а кто просто поживает под столом.

Татьянка была весела, постоянно хохотала. А около неё суетился рыжий. Он нарочито, чтоб все видели, ухаживал за молодой женой: то лимонада нальёт, то кусок торта положит.

Увидев Павла, Татьяна потупила взор и отвела его в сторону.

Кочетков распорядился не помещать драчунов в милицию, а развезти их по домам. Так и сделали. А Павел снова продолжил своё дежурство. На душе было тяжело, как никогда раньше.

И лишь одно успокаивало: с понедельника у него отпуск. Он поедет в родную деревню, к родителям, где забывается всё плохое и трагичное.

В Анастасино он прожил и детство, и юность. Но родился Павел не здесь. А в другом районе.

Отец перевёз сюда семью в 1934 году.

Это батя сейчас притих, потому что постарел, а в молодости был рискованным и смелым.

Коллективизация в отцовское село пришла внезапно. Большевики легко, как дважды два, всех рассортировали. Если на дворе одна лошадь – середняк, две – кулак.

В семье была одна лошадишка. Но отец ни в какую не хотел вступать в колхоз и отдавать её в чужие руки. Правда, его бы и не спросили, если бы застали дома. Но когда нагрянули лихие люди отбирать лошадей, отец был в поле. Вернулся с пахоты, узнал, какие дела творятся, и снова прыгнул в телегу, изо всех сил нахлопывая конягу, и умчался куда глаза глядят.

Долго его не было, – скитался по чужим краям.

Но в начале августа перед домом закричали колёса, зазвенела сбруя: отец вернулся. Мать от радости выбежала на крыльцо встречать. А он и в дом не вошёл. Осунувшийся, небритый, тихо, но решительно сказал: «Собирайтесь, поедем».

Был уж вечер. Мать подумала: «Ехать на ночь глядя с малыши детьми?.. Переночевать бы, а уж утром пуститься в путь». Но думы эти не озвучила, а пошла собирать небогатые пожитки, самое необходимое: постели, да кое-что из одежды. Всё погрузили на телегу. Во дворе квохтали пять кур, их порешили: отрубили им головы. На огороде собрали недозрелые тыквы. Посадили на них троих ребятшек: Павлушку и двоих его сестрёнок. Сами сели рядышком, свесив ноги.

Отец дёрнул вожжи. И покатила подвода в неизвестность, в незнакомую новую жизнь.

Наверное, не каждый бы решился на такой рискованный поступок: бросить избу, хоть и крытую соломой, но давно обжитую, хранящую тепло; покинуть родные места... И кинуться в омут непроглядной августовской ночи.

Сначала ехали лесом, потом полем, выехали на большак, а после снова повернули в лес.

А на рассвете миновали железнодорожную станцию, пересекли насыпную автомобильную дорогу и выкатились на просёлочную, что тянулась вдоль овсяного поля. Овсы были высокие и потому скрывали от взора дали. Но вот, поле подошло к лесу. И среди редкого дубняка появились дома.

Это было небольшое селенье, хутор или, как называли тогда участок (совхоз).

Но семья поселилась не в этих избах и не рядом с ними, а прямо в поле. Из отработанной соломы отец с матерью соорудили большой шалаш. На костре сварили курицу и пшённую кашу с тыквой. Но не успели до конца поужинать, как из выплывшей из-за леса тучи посыпал мелкий, но частый-частый дождик. Спрятались в шалаше.

Сколько прошло лет с той поры, но Павел, словно сейчас, помнит, как хорошо, уютно и счастливо было под той низкой, соломенной крышей. Рядом – самые близкие, родные. Шуршал, перешёптывался с каждой соломинкой дождя. А в шалаше тепло и сухо, и потому хорошо и радостно. И верится, что впереди только удачи и счастье, а горе и беды даже на ум не приходят, словно их на свете вовсе не бывает.

Но время двигалось к осени. И в соломенном домике (особенно ночью) стало зябко.

А однажды на рассвете посыпался снег. Мать взмолилась: «Ищи, отец, настоящее жильё: не лето красное в шалаше квартировать. Да отец и сам понимал, что посреди поля стало опасно оставаться: «Не дай Бог, детей застудишь – потом всю жизнь с ними забедишься». И он запряг своего любимого конька Огонька и, выехав на большак, поворотил направо, в центральную усадьбу совхоза.

Не было его целый день, и лишь когда начало смеркаться и поле, словно в весенний разлив снежицы, вечер залил синей водой, отец на рысях подкатил к шалашу. И радостно закричал:

– Нашёл! Собирайтесь!..

Не мешкая. Погрузились. И снова в дорогу. Но доехали быстро, потому что дорожная лента катилась под гору, да и путь был близок – дом стоял почти на краю села. Перед самыми окнами звенел чистыми, хрустальными колокольцами родник, который через двадцать метров впадал в студёную перекатную речку.

А та, в свою очередь, несла воды в Волгу, что была недалеко, за одичавшим яблоневым садом.

Дом, большой, просторный. Правда, в нём уже жила семья, тоже с малыши детьми. Но в этом не было помехи, а, наоборот, жить так даже веселее.

На другой день Павел обошёл всё село. По сравнению с прежней деревушкой, оно казалось намного обширнее и богаче. Домов, крытых соломой, почти не было. Да и неудивительно, потому что это бывший фабричный посёлок. Семь лет назад из-за поджога фабрика сгорела почти дотла. Её не стали восстанавливать. А преобразовали населённый пункт в центральную усадьбу свиноводческого совхоза.

Но фабричная культура архитектура в облике селенья ещё оставалась какое-то время, пока не выветрилась окончательно.

...Семейство на новом месте устроилось неплохо. Но вдруг опять чуть не накрыла чёрной тучей беда.

Как-то утром в село нагрянули незваные гости из сельсовета покинутого ими села. Нужен им был не односельчанин, а гребтилась его лошадь. Её хотели отобрать, но не успели: слух быстрее конфискаторов докатился. Не мешкая, отец запряг Огонька и в соседнее село. Они – в погоню. Но отец не лыком шит, обхитрил преследователей: только скрылся за горой, как тут же – на другую дорогу и в обратную сторону. И очутился в прибрежном волжском селе. Заночевал у знакомого рыбака. Те порыскали, покружили: нет Леонтия, как в воду канул. И с пустыми руками вернулись восвояси.

А Огонька вскоре всё равно отобрали.

Поехал отец как-то в город, и в пригородном селе его остановила милиция. Придрались:

«Откуда лошадь? Почему не обобществлённая?». Отец пытался что-то говорить. Но ему пригрозили: «Если добровольно не отдашь – возьмём силой, да ещё в тюрьму года на три определим».

Перетрухнул Леонтий и расстался навсегда со своим любимым коньком.

Вернулся домой притихший, словно побитый. Несколько ночей не спал, даже украдкой от домохладцев плакал.

А через неделю пошёл в контору совхоза устраиваться на постоянную работу (до этого он числился

лишь временным работником). Определили поваром на ферму – готовить завтраки и обеды свиньям. И сразу выделили в бараке на Новой линии однокомнатную квартиру.

В эту комнатку они и переехали из семейного общежития. И стали полноправными жителями совхоза.

Тогда в селе было две школы: начальная, кирпичная, построенная ещё до революции.

И семилетка, где учились старшие ребята. В школу в то время поступали с девяти лет. И в 1935 году Павел пошёл в первый класс. А когда окончил шестой, началась война.

В военные годы школа была укомплектована первоклассными учителями. В село приехало несколько прекрасных педагогов, эвакуированных с Украины, из Белоруссии и Москвы. Среди них – супруги Ильины. Как виртуозно они играли на скрипке – инструменте, который в деревне раньше вообще не видели.

Иностранный язык преподавала Елизавета Ефимовна Штрайбиндер, знающая свой предмет на зубок. Но ребяташки есть ребяташки, не понимали, что у таких учителей заниматься – большая честь. И часто на занятиях вытворяли такое, что сейчас стыдно становится.

Однажды перед уроком немецкого привели в класс козла и затащили на учительский стол.

Елизавета Ефимовна вошла и от неожиданно-сти обомлела. А класс от хохота животы поджимает.

А как-то ранней дождливой осенью пошли копать картошку. К полю надо пройти через овраг.

Школьники по грязи с его склона на ногах съехали. И Елизавете Ефимовне предложили так же спуститься. Ей бы надо обойти овражек стороной. А она в светлом пальто, сидя, покатила вниз под горку.

Много и других курьёзных, смешных историй случалось.

Но вот семилетняя школа окончена.

Война ещё в самом разгаре. Мужиков почти всех мобилизовали. Отец тоже с первых дней ушёл на фронт.

Выпускников сельской семилетки бросили на заготовку сена. Косили, сгребали, вершили ометы.

А в августе стоговали солому на хлебных полях. Волокуши заменили очищенными от веток стволами берёз. На них, как на санях, свозили со всего поля копны, где должна вырасти соломенная гора.

Окончился сельскохозяйственный год. И всех подростков определили в совхозную мастерскую учениками. Но проучились они совсем ничего. В начале нового года пришли повестки на фронт.

Всего по селу набралось восемнадцать призывников. По семнадцать лет – безусые мальчишки.

И стар и мал вышли их провожать.

Вначале ребята держались вместе, потом расформировались по разным местам. Павел со своей частью на некоторое время задержался в недалёком районном городке, но через два месяца их перебросили в соседнюю область. А потом и вовсе определили в «дальний угол», в заснеженные волжские леса. Жили в землянках, осваивали боевое ремесло, чтоб на фронт прибыть умелыми бойцами.

Ходили в караул. Вот здесь и приключился с

Павлом казус, который мог повлиять на всю его оставшуюся жизнь. Поломать, исковеркать её.

Однажды он заступил в караул – охранять продовольственный склад. Через зарешеченное окно видно, что внутри, совсем рядом, лежат бруски белого-белого сала. А желудок пустой – голодно жилось. Дефилировал, дефилировал Павел мимо окна, и бес его попутал: просунул винтовку через окно и стал вонзать его в сало, чтоб зацепить кусок, и вытянуть его наружу. Зацеплял, зацеплял, и вдруг штык... отсоединился от винтовки. И остался торчать в сала.

Идёт начальник караула:

– А где штык?

Павел молча показал на окошко: среди белых, жирных брусков поблёскивало холодное оружие.

Павла посадили на гауптвахту. Именно там он понял, что судьба его висит на волоске: ему грозит трибунал, где разговор короткий – по законам военного времени...

Но спасибо командиру части – не дал делу хода. Пожалел. Павел был маленького роста (всех ниже в роте), щупленький. Пацанёнок, а не вояка.

В общем, отсидел Пашка гауптвахту и стал снова служить со своими товарищами. А вскоре часть перебросили на фронт в самое пекло.

Но это особая и длинная история.

...После Победы вернулся в родительский дом.

Отдохнул немного от ратных трудов: надо на работу устраиваться. И тут вызывают его в райком комсомола и вручают путёвку на учёбу в школу милиции...

...Зимой в деревне скучновато. Если летом и в лес, и на пруд, и на Волгу ход не заказан, то снежной зимой больше приходится сидеть дома и наблюдать из окошка (если, конечно, стёкла не заморожены): кто и куда путь тропит.

Хотя в домашнем хозяйстве и в холода дел невпроворот: и скотину надо обиходить – напоить, накормить и почистить; и дров заготовить; и пеку с голландкой протопить; и дорожку к крыльцу подмести; и снег со двора на огород вывезти. Всем этим и занимался Павел, помогая родителям.

Сёстры после войны повыскачили замуж и разлетелись из родительского дома, как из птичьего гнезда. И живут в разных концах земли: одна на Дальнем Востоке, другая на Украине. И поэтому приходится Павлу одному за всех навещать заметно постаревших мать с отцом.

В родной деревне молодёжи немало: и семилетка, как и прежде, переполнена, и молодых работников в совхозе хоть отбавляй. Поэтому в клубе веселье не смолкает с вечера до полуночи.

Сначала крутят фильм, а потом – танцы до упаду: вальсы, танго, фокстроты.

Павел почти каждый вечер навещался туда повидаться с друзьями, с фронтовиками (из тех восемнадцати вернулось всего девять человек, остальные остались лежать на безымянных высотах, под берёзками или просто в широкой степи под фанерной звездой).

Девчонки-ровесницы не все ещё вышли замуж.

Приходит и та, с кем дружил ещё в школе. Но она успела обзавестись и мужем, и двумя детьми.

И у Павла с Полинкой сейчас абсолютно ничего общего. Так, кивнут друг другу и пройдут мимо.

Подросли девчата, что младше его: округлились фигуры, появилась лебединая стать. Многие из них нравились Павлу, но не мог он до конца оправиться от шока, что нанесла ему Татьяна.

Какая-то червоточинка выделась ему почти в каждой красивой девчонке. Он понимал, что это совсем не так, что есть и у девчат прекрасные, необманные души. Но, видимо, нужно было пройти какому-то времени, чтобы сердце забыло об измене.

Он танцевал с разными девчатами, но никого не выделял особо. Но однажды, уже в конце отпуска, заметил в клубе незнакомку. Девушка весь вечер сидела в сторонке. Её светлые, пышные волосы заплетены в длинную косу. Ясные, как свет в роднике, глаза отражали, видимо, такую же незамутнённую душу. Да и всё в ней было ладно, по-девичьи совершенно. Сердце у Павла сначала замерло, а потом заволновалось, словно волжская гладь под свежим утренним ветерком. И хорошее, доброе, сокровенное предчувствие залетело в душу, словно весенняя ласточка.

Он спросил у друзей: «Кто такая?».

– Сельская медсестра Клавдия Павловна ушла на пенсию, а на замену ей прислали фельдшера после медучилища.

Павел тоже чувствовал на себе взгляд новенькой. Порой их глаза встречались, и они долго не отводили их.

Но через три дня отпуск у него кончился, и пришлось снова от домашнего тепла и парного молока отправляться на казённые харчи.

Мать всё учереживала:

– Павлуша, а ты почаще навещайся.

Вы лучше ко мне приезжайте, ведь мне труднее вырваться, прояснял ситуацию Павел.

Морозы ещё стояли. Но как бы они не хорохорились, всё равно чувствовалось, что дни их сочтены. Не за горами – весна. А там, хотя и краткое, лето – райская пора. С её цветущими лугами и полянами, с тёплыми, как в дойнице молоко, озёрами и реками. Ну а пока приходилось принимать и метельный ветер, и трескучий мороз, от которого не спасал и милицейский тулупчик.

Именно в нём, не успев приехать и навести марафет в своей коммунальной квартире, выехал на новое задание Павел.

...В небольшом селенье, что приютилось у волжского залива, ночью был ограблен промтоварный магазин. По площади небольшой, но товара в нём – всякого: одежда, летняя и зимняя; ткани от ситца до бостона; обувь на любой сезон. Всё, что необходимо в повседневной и праздничной жизни.

Ночью преступники, разобрав крышу, проникли на подлавку. Вырезали лаз в потолке и спустились по верёвке в помещение. Этим же путём – и обратно.

И что любопытно: за два дня перед этим в селе проходило собрание пайщиков, на котором среди других выступил и старейший житель села Иван Кондратьевич Федотов:

– Правильно говорят – пока гром не грянет, мужик не перекрестится. Посмотрите на наш магазин...

Стоит он, словно позабытый-позаброшенный: никакой охраны, никакого сторожа. Заходи, вор, бери что хочешь и спокойно возвращайся вояси.

Первым делом надо установить охрану, а то не долго и до беды.

Но разве кто стал его слушать. Все зашумели, загалдели: мол, нужно о важных проблемах говорить, а не о мелочах. (Хотя именно это и было самым главным).

Пенсионер как в воду глядел. Со стороны даже могло показаться, что он заранее знал о намечающемся преступлении. Но это не так. Просто интуиция пожилого человека подсказывала...

Почерк преступной группы был уже известен. В соседнем селе совершён подобный разгром: так же пробили потолок рядом с печной трубой, так же на прилавке оставили оружие преступления – «фомку» (небольшой ломик).

И непрофессиональному человеку было ясно, что орудуют одни и те же люди. Но оперативникам никак не удавалось напасть на след. Неизвестно, как воры предельно точно определили прогноз погоды. Но ведь как-то определили, потому что обязательно, как на грех, все отпечатки на снегу заметала метель (поднималась до неба – ни зги не видать). Ни одна самая чуткая собака не смогла взять след. Ходила кругами, а вперёд – ни на шаг. Тем более жулики выходили на проезжую дорогу, где запахи перемешивались, как в коктейле, не разберёшься. Несмотря на все усилия, дело с места не двигалось. И тогда вспомнили про Шкипера, секретного агента, который жил в соседнем селе. В своё время он отмотал немалый срок. (А до этого плавал по Волге, тогда, наверное, и получил кличку). После отсидки приехал на родину. И в первую неделю устроил в селе драку с поножовщиной. Грозил новый срок, но в милиции предложили компромисс: согласится сотрудничать – оставляем в покое. Он дал согласие. Видимо, на решение повлияло и денежное вознаграждение, которое полагалось за каждое важное сообщение.

Павел поехал прямо к нему. Вызвал его на конспиративное место. И сразу в галоп:

– Шкипер, помоги. Никак не можем выйти на банду. Не знаешь ли, кто ограбил магазин?

– Как не знать... Знаю... Видишь на мне пальто. (Он отвёл руки выпятил грудь, чтоб лучше было видно). Это откуда. Правда, я с ними на дело не ходил: одолжили по дружбе. И он назвал взломщиков.

На другой день всех пятерых взяли. (Нужно сказать, что агенты очень существенно способствовали работе милиции. Порой с помощью их информации раскрывались самые жестокие и запутанные преступления). На первом же допросе все сознались в преступлении.

И подробно, ничего не скрывая, поведали, как совершили кражи. Никто из них и не догадывался, откуда «мусора» обо всём узнали. И не могли предположить, что в этом замешан их закадычный друг.

В последнее время кражи захлестнули район. Не успели развязаться с этой преступной группой, как снова проявила себя банда, что орудовала в самом райцентре: воры подломали два ларька на городском рынке. И опять, кроме всего прочего, выгребли из торговых точек все до последней конфеты...

Весна уже вовсю властвовала на земле. Первые числа апреля выдались необычайно тёплыми.

И снег, не задетый солнечными лучами, лежал лишь в самых укромных закоулках в плотной сумрачной тени.

А тротуары уже давно были сухими. Прилетели птицы. И шумно суетились у своих гнёзд.

И тут поступило сообщение (позвонили прохожие, что подростки на тротуары бросают друг друга конфеты). Оперативники выехали по адресу и задержали тех «странных» ребят. Привезли в милицию. Один, что помладше (хотя и ростом выше и в плечах шире) сознался, что именно они (в банде их было двенадцать человек) грабили ларьки в городе и торговые точки в окрестных сёлах. А любитель сладкого, что поменьше ростом, (но старше) Санька Иштугов отпирался, говорил, что ничего не знает, не ведаёт.

Решили произвести обыск. Наверяд ли все ворованные вещи хранятся у него дома, но кое-что, к примеру, конфеты (не все же они разбросали по дороге) обнаружатся.

Всё перерыли. Пусто... А Санька, хоть и мал ростом, но по-взрослому лукав, хитёр. Молчит да про себя ухмыляется.

Хотели уже уходить. Вдруг Павел обратил внимание на скворечник, что висел над забором рядом с воротами.

Удивительное дело: в других птичьих домиках постоянная суета-суматоха: не успеет скворец залететь с грузом в гнездо, как снова выныривает на волю. Торопится: хочет быстрее обустроить жилище. А в этом тишь да благодать. Абсолютно никакого движения.

Павел приказал снять скворечник. Когда отбили дно, то из домика посыпались конфеты «Ласточка». Милиционеры знакомы со многими воровскими уловками, но с такой конспирацией столкнулись впервые. Теперь Саньке бесполезно отпираться.

Все участники шайки были арестованы. Главрём у них оказался Славка Сапожков, у которого несколько судимостей за грабежи и разбой.

Срок Славке определили всех больше. И отбывать его отправили в колонию, что за Волгой, тоже в районном городке. Но просидел Славка всего-ничего. Сбежал. И не просто сбежал, а по пути в соседнем селе забрался в магазин.

Да и ему иначе и нельзя было: куда пойдёшь в тюремной сряде. В магазине полностью переоделся: самый дорогой костюм, кожаная куртка и лаковые штилеты. Тюремную одежду сложил на прилавке, чтоб даже этим досадить (циник да и только) сыщикам. К тому же забрал всю дневную выручку. Теперь ему необходимо было лишь одно: оторваться, уехать подальше от этих мест и залечь на дно. Чтoб улеглись волны и о нём позабыли. К тому же нужно было где-то хотя бы на денёк остановиться, отдышаться и оглядеться. И Сапог вспомнил, что напротив – на той стороне Волги – живёт его закадычный друг, с которым вместе когда-то тянули срок. А кличут его Шкипер. И он решил двинуться к нему. Встретит хорошо: напоит, накормит и до железной дороги проведит.

Ночной пароходик подошёл к пристани после полуночи. Но, несмотря на такое неурочное время, на нём было полным-полно народу. А это и на руку Славке: в толпе легче затеряться, остаться незамеченным. Вовнутрь он не заходил, простоял весь путь на палубе, вдыхая ночную свежесть и запах волжской воды, от которой всегда тянет рыбьей чешуёй.

Иногда отходил в сторонку от людских глаз, чтоб глотнуть водки из бутылки, прихваченной с собой в обворованном магазине.

К причалу подошли часа через два. Небо за Волгой начало светлеть: свой приход обозначил собой новый день.

Волжское село широко раскинулось на отлогом берегу. Хотя Сапожков однажды был здесь – гостил у друга, но сейчас, спустя много лет, не мог определить, где находится нужный дом.

Пришлось несколько раз спрашивать: «Как найти Андрея Ильича Семёнова? Ну по-другому – Шкипера».

Ему подробно растолковали.

Жил он в отдаленье от пристани. И потому Славка подошёл к дому, когда уже совсем рассвело.

При свете хозяин его сразу признал. И растерялся... В глазах испуг ночной тенью затаился. Но Славка ему сразу сказал: «Не тужи, я к тебе ненадолго... Ты мне только помоги до железной дороги добратся. А там, пусть ищут ветра в поле. Так глубоко залягу – ни одна собака не пронюхает».

Не разуваясь, прошёл к столу, развалясь на стуле, вынул из кожаной куртки пучагу денег и небрежно бросил на стол, застеленный клеёнкой с выбитыми на ней большими алыми розами.

– А сейчас слётай за «бабьими слезами» и закуски, что получше, прихвати. Надо отметить встречу...

– Да ведь сельпо ещё не открыли...

– А ты прямо к продавщице заявись. У неё, наверное, и дома кое-что припасёно.

– Нет, так не пойдёт... Зачем лишний раз внимание посторонних привлекать? Здесь деревня, через полчаса все жители будут оповещены, что к Шкиперу гость причалил. Начнут допрашивать: кто такой да откуда? Лучше не дразнить гусей, чтоб не накликать беду, – образумливал хозяин Славку.

А сам про себя смекал: надо выиграть время. Дождаться когда откроют почту. И позвонить.

С оперативниками у него был разработан целый словесный код, шифр: ни один посторонний человек не догадается, о чём на самом деле идёт речь. К тому же, как будто бы вызывалась вовсе не милиция, а частная квартира.

– Ты пока покемарь, на каждый глаз по часику а я скотину напою да в стадо сгоню. А только откроют магазин, пузырь, как штык, на столе будет, уговаривал хозяин Сапожкова. – К тому же поезд идёт в два часа ночи. А до этого часа – палкой не докинешь: можно и гульнуть и на танцы прошвырнуться.

– ?! – вытаращил глаза Славка.

– В Елизаветино такие девочки – закачаешься! Можно забрести на полчаса. Всё равно к Калгану заходить (к другому по зоне), он недавно мотоцикл купил, добросит прямо до станции: 25 кэмэ – не ближний свет, пешком не доплюхаешь.

Хозяин постелил гостю в спальне за занавеской. И тот, не спав несколько суток, сразу захрапел.

Шкипер прибрался на дворе, проводил скотину в стадо. А тут уж и восемь натикало. Пора бежать в магазин. Он был дальше, чем почта, и Шкипер зашёл по пути позвонить. Сразу попал на Павла.

И сразу предупредил, что в десять часов вечера после киносеанса, они будут в Елизаветинском клубе на танцах.

...Вести двойную игру опасно. Чуть оступишься – и тогда несдобровать... Но теперь обратной дороги нет. Всё равно уже запачкался, выдал не одного преступника.

В селпо затарился водкой, купил селёдки, консервов, шоколадных конфет, каравай пшеничного хлеба местной выпечки и пять пачек сигарет «При-ма».

Пришёл, а Сапожков уже не спит. Курит и от окна к окну ходит. Дождется...

Андрей Ильич вынул из сумки все покупки на стол. А с краешку положил оставшиеся деньги.

Славка ребром ладони решительно отодвинул их: «Не мелочись...» Шкипер, ни слова не говоря, сгрудил в кулак и нерасправленными, мятыми сунул бумажки во внутренний карман пиджака.

Стеша, пока муж отсутствовал, сварила на печной плите картошку, помяла её скалкой и приправила постным маслом.

Хозяин разлил из бутылки по гранёным стаканам прозрачную, как слезинка, влагу. И мужики, сдвинув стаканы и произнеся «Со встречей!», опрокинули их. И даже бровью не повели, словно выпили не обжигающую до слёз жидкость, а просто так, родниковую водицу.

Но руки всё же машинально потянулись к закуси. Правда, Славка ломоть душистого хлеба до рта не донёс, а лишь жадно втянул его аромат и положил по правую сторону от себя, демонстрируя неписанный закон для русского человека: после первой не закусывают. Андрей Ильич, наоборот, навалился на еду. С водки у него, как правило, разгорался аппетит. К тому же он хорошо сознавал, что впереди нелёгкая операция, которую на пьяную голову не провернёшь. Нужно быть в форме, чтоб не дать ни малейшего повода для подозрения. Иначе всё рухнет, да и с жизнью можно запросто распрощаться.

А Славка пусть не закусывает, пьяного легче провести. Потом будет вспоминать, как что произошло, но сквозь водочный туман трудно что-то понять и рассмотреть.

Но Славка тоже не лыком шит. Хотя Шкипер старался почаще наполнять гранёную посуду, но гость не гнал лошадей, пил не безостановочно, а с передышкой, не спеша.

Инстинкт самосохранения, да и воровской опыт сдерживали разудалую душу.

Да, она сможет широко развернуться, как алые меха у двухрядки, но только когда он будет в безопасности, за много вёрст отсюда. А не сейчас, когда ещё в пасти зверя, хотя и в широко открытой...

После первых стопок языки, словно по команде, развязались. И понесло-поехало. Начались воспоминания: как вместе срок отбывали, где сейчас братва (на воле мало, все снова на зоне).

Славка разоткровенничался:

– Если б не новенький (есть в милиции такой – Пашка Векшин, молодой, но вьедливый), то никто бы и сейчас не раскрыл их. Подламывали бы магазины потихоньку в окрестностях города, и никакой «мусор» бы носа не подточил. А этот даже у Шуца конфеты в скворечнике вынюхал.

Если б Славке знать, что этот самый «легалый» и сейчас расставляет на него сети и что главным помощник у милиционера – Славкин закадычный

друг, он пошёл бы на всё. И перед мокрым делом не остановился бы. Прищучил бы Андрея Ильича с одного раза – не успел бы и вздохнуть.

Но он не то, чтобы знать, но даже помыслить не мог об этом. Да и как заподозрить в измене брата, с которым в былые времена одну баланду хлебали?

За бутылкой время летит в два, а то в три раза быстрее. Кажется, ещё только рассвет брезжил, а вон и день уже насупился, начал клониться к закату. И, насовав в карманы две оставшиеся непочатые бутылки, они заторопились в Елизаветино: надо у друга погостить и на танцы не опоздать. А до села пять километров с гаком.

Просёлок одолели за час с лишним: ноги от выпитого потеряли резвость.

Кореш вроде бы обрадовался, но в глазах летучей тенью промелькнула насторожённость. Ведь только недавно суд был, Сапогу дали немалый срок. И вдруг Славка на свободе. Настучат соседи, что в гостях беглец – не сдобровать. За содействие преступнику могут как следует впаять. Но всё же Вилягин широко расхлебывал дверь перед знакомцами, пропустив их вовнутрь, и метнув по сторонам взгляд, тут же её закрыл.

Уселись за стол. И снова заструилась река воспоминаний. Но Славка в этот раз, в отличие от своих собутыльников, выпивку игнорировал. Иногда лишь пригублял стакан, но чаще пропускал очередной тост.

Договорились, что часов в двенадцать, после закрытия клуба, Вилягин отомчит его на мотоцикле до станции. Поезд идёт в два часа. И раньше там светиться не следует.

В клуб Сапожков и Шкипер пришли к концу киносеанса. Завершилась «Серенада солнечной долины». И не успели они усесться на последнюю скамейку, как на экране появились титры:

«Конец фильма». Зажёгся свет. Старики и сельчане среднего возраста стали расходиться по домам. Остаться им на танцах считалось неприличным. Хотя были и такие любопытные старушечки, что не считались с приличиями. И продолжали сидеть до окончательного закрытия клуба, чтобы завтра у колонки или в магазине растрезвонить, кто с кем танцевал, какую музыку крутили и кто кружился лучше всех. Особенно любила наблюдать за молодёжью Дуся Тишина. (Она, кстати, первая и порасскажет в подробностях, что произошло во время танцев).

Для тех, кто умел танцевать танго, крутить вальс, гремела радиоло. Для остальных (парней), кто не способен к этому, около голландки стоял длинный стол. Там игроки с азартом и увлечённо забивали в домино «козла». «Играли на вылет», кто проигрывал, выбывал из игры, и на его место усаживался новенький.

Андрей Ильич не любил танцев-манцев. Поэтому он первым делом занял место для игры. А Славке захотелось повальсировать с симпатичной девчонкой, да так, чтоб вскружить ей голову.

К тому же давненько ему не приходилось бывать в молодёжном кругу. И так свободно и непри- нуждённо слушать музыку, общаться с красивыми девушками. Пока шло следствие после суда, он видел мир лишь сквозь зарешеченные тюремные окна.

Тем более опасаться было нечего, кто его знает и кто ожидает, что он вдруг здесь появится.

Но Славка не сразу включился в клубное веселье. Сначала примостился на лавке рядом со Шкипером, но повернулся спиной к столу и лицом к танцующим.

...В Елизаветино Павел прибыл участковым Колыбелиным (это село на его территории).

На помощь оперативник кликнул самых надёжных деревенских друзей: Володю Слесарёва и Петю Ковалёва.

Клуб размещался в бывшей церкви. В нём было два входа: главный и запасный. Стол для доминошников стоял у запасного.

В зимнее время кассирша продавала билеты прямо из зрительного зала. Для этого в стене было пробито закрывающееся окошечко.

Павел приоткрыл створку и заглянул вовнутрь: за столом узнал Шкипера, хоть тот и сидел к нему спиной. На нём был серый костюм и желтая (соломенная) шляпа. Присмотревшись, рядом, у самой голландки, заметил Славку. Окно позволяло видеть его лишь наполовину. Он был в новенькой кожаной куртке, в серой надетой чуть набок кепке, в белой рубашке с ярким красным галстуком. В общем, первый парень на деревне (которого милиция с ног сбилась искать). И вот он рядом. Но как арестовать без лишнего шума?

По опыту (хоть и не очень большому) Павел знал, что захватывать преступника лучше всего внезапно. В этом случае у него нет времени для размышления, что предпринять для спасения.

Вот и сейчас к оперативнику пришло молниеносное решение: брать рецидивиста во время танца.

Сельский клуб Векшин хорошо знал с раннего детства. Тем более совсем недавно был в отпуске и сам вечерами пропадал на танцах. Знает наизусть все песенки, которые крутят здесь, знает, по какой траектории кружатся пары, они идут по часовой стрелке: мимо сцены, стола, голландки, зрительских скамеек, потом подходят к входной двери. И, как только Славка, кружась с девушкой, приблизится к входу, Павел должен из коридора внезапно ворваться в зал и арестовать преступника. На помощь ему в этот момент ринутся участковый и сельские парни.

Он вкратце рассказал о своём плане.

Конечно, можно было поступить и по-другому. Сейчас, пока в музыке пауза, войти в клуб и вчетвером направиться к Сапожкову...

Но навряд ли бандит спокойно сдастся. Известно к тому же, вооружён ли он. А если у него пистолет! Начнёт палить, а в помещении полно народа: не дай Бог, заденет ни в чём не повинных людей.

...Снова заиграла музыка. И снова закружились пары. И Славка пригласил девушку на танец. Мелодия лилась плавно, неторопливо. И потому пары передвигались к входной двери довольно медленно. (А, может, Павлу лишь так казалось от волнения). Но вот в окошечке показался Славка. В то же мгновение, Павел широко открыл дверь и влетел, как на крыльях, в клуб, оказавшись рядом с преступником.

Славка увидел знакомое лицо, но не успел сообразить, что произошло. Оперативник громким, командным голосом, не терпящим неповиновения, произнёс: «Сапожков, ты арестован!».

Неизвестно почему музыка (как будто сама собой) оборвалась. Вмиг смолкли все голоса.

И установилась гробовая тишина. От удивления и испуга все замерли: такого детективного поворота не приходилось видеть даже в кино.

Но тут партнёрша Сапожкова метнулась от него, на секунду внеся замешательство. Этого хватило, чтоб в руке у беглеца оказался нож. И он с силой ударил милиционера. Павел почувствовал резкую боль, но успел броситься к Сапожкову и резко завернуть ему руку за спину. Он ещё видел, как кинулись на помощь товарищи, а потом в глазах потемнело и сознание оставило его.

Сколько пролежал он в беспомощности, не знал, но когда пришёл в себя и открыл глаза, то увидел склоненное над собой лицо той самой девушки, которую впервые увидел здесь же, в клубе, во время отпуска. И которая тогда его поразила своей красотой... С той встречи он постоянно вспоминал её ясные глаза, светло-русые, выющиеся волосы, её акkuratную, точёную фигурку.

И вдруг в этот критический, неподходящий момент сердце ему подсказало, что это его судьба. Только нужно выстоять, выжить...

Илья ТАРАНОВ, прозаик, поэт, председатель регионального отделения Союза писателей России

ЯБЛОКО РАЗДОРА ДЛЯ ВЕНЕРЫ МИЛОССКОЙ

рассказ

В описываемые времена я жил в селе Арское Ульяновской области. Церковь в селе была построена еще в 1649 году, когда симбирский край начал осваиваться для защиты восточных границ русского государства от набега кочевников. Сейчас село как село, дворов двести, не больше. На работу я ездил в город на своем автомобиле, нисколько не утруждаясь поездкой, потому что живописная дорога под музыку авторadio доставляла даже некое удовольствие.

Была суббота. В этот день я решил отдохнуть, наконец-то выспаться, но открыв глаза в темноте, понял, что по какому-то неведомому закону выходного дня это не удастся. Глянул в черное окно и вспомнил из Книги Бытия: «Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною...». Освещать, да и просвещать в какой-то степени, этот бранный мир я могу только своей лирой, поэтому нащупал выключатель со словами: «Да будет свет». В такие минуты иногда приходит мысль о том, как же человечество тысячи лет жило без электричества, но другая мысль настигает, когда стоишь под звездным куполом, задрав свой тщеславный нос к Большой медведице: «Да ведь эти звезды светили нашим глубоким предкам. Сам Иван Грозный, даже Архимед и Платон взирали на небеса... Ау-у!.. Мы здесь...».

Когда же появится Венера Милосская? Уверяю, скоро! Но прежде, выпив кофе, я вышел во двор и прислушался к этой сумрачной пустоте. В вышине мерцало небо, унизанное звездными жемчугами. Зябкая тьма растворялась, медленно светало, на востоке сияла утренняя звезда – Венера. Хотя она и не звезда, а планета, но так уж называют люди все небесные звездочки. Село Арское пробуждалось с криками петухов и мычанием коров. Безликое пространство превращалось в акварельный пейзаж с куполами колоколни и храмов Богоявления и Блаженной Ксении Петербургской, с силуэтами невысоких крыш, труб, столбов и деревьев. В городе другие звуки и очертания: нагроможденные фразы Бродского, я бы сказал «бродские звуки». Здесь же – есенинские! Легкие и радостные, звонкие и мелодичные.

Замелькали птицы, туман осел, незаметно рассветело. В траве заблестела роса; я разулся и походил вокруг елочек по газону, вспоминая о пользе такой процедуры. Откуда-то с крыши моего дома, где приземлился одинокий голубь, послышался голос: «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы.

И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один».

Утро точно наступило. Я вышел за ворота и увидел вдалеке неспешно идущего человека, напоминающего Иисуса с картины Александра Иванова «Явление Христа народу». Бывая в Москве, я стараюсь заглянуть в Третьяковку и обязательно посидеть на диванчике перед этим величественным полотном...

Фигура Иисуса приближалась, и я разглядел Платона, моего арского друга, худощавого цыгана лет шестидесяти с морщинистым, плохо выбритым загорелым лицом, одетого в это прохладное утро в длиннополое драповое пальто, которое давно вышло из моды и когда-то в осеннюю пору грело мои плечи. Цыган шел неспешно, придерживая руками незастегнутое пальто: пуговицы были давно потеряны. При каждой встрече мы дружески обнимаемся, Платон большими слезливыми глазами всматривается в мое лицо, читая не мысли, а тот настрой на сегодняшний день, с которым я вышел ему навстречу. Он мгновенно понимает своим цыганским чутьем нынешнюю степень доверительности и с необходимым достоинством начинает разговор всегда с одной и той же фразы: «Как родители?.. Как отец? Как мать?» Если я полушутливо отвечаю, как, мол, можно чувствовать себя в сто восемь лет, он одобрительно кивает и спрашивает меня о работе. Мой ответный жест тоже краток: «Как в таборе? Как дети, внуки, правнуки?». Его утвердительный ответ еще короче: «Все хорошо». Причем это он говорит не просто уверенно, а с некой важностью, от которой зависит вся его дальнейшая жизнь. Мы с Платоном практически одного возраста, но по количеству внуков и правнуков он оторвался от меня на многие астрономические парсеки. Платон при очередном моем вопросе об их количестве регулярно «путается в показаниях», называя числа от двадцати и больше. Сегодня он остановился на двадцати восьми, на что я как всегда воскликнул, что он богатый человек. Тем не менее это не остановило его сделать, вздыхая, сожалующий вид и в упор посмотреть в мои глаза.

Откуда-то с крыши, над которой пролетела большая стая ворон, мне опять послышался голос:

«И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему, и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле». Многозначительный взгляд Платона, сотворенного по образу и подобию Божьему, заставил меня задать традиционный вопрос: «Как жизнь, Платон?». На что я получил ожидаемую лаконичную фразу, сопровождаемую тяжелым вздохом, работой всех мышц его лица и шеи: «Сам знаешь... У кого родни много, тот часто в гости ездит». Я смотрю на его грязный багрянец, пробирающийся темный загар обветренного лица. Теперь я вижу тяжелый взгляд, сгорбленную фигуру глуховатого человека, выглядевшего много старше своих лет. Хотя, как они говорят, у всех одна жила, а у цыгана – две. Я думаю, как так, цыганское племя не обременено повседневной тяжелой работой, хозяйством, творческими муками, например, художников или писателей, поиском пути самоутверждения, да и всей мишурой, которую я бы назвал обыденной суетой. Интересно, как он воспримет строчки: «Не жалею, не зову, не плачу...». А сегодняшнее мое видение – картину Иванова?.. Эх, толоконный я лоб! Мудрость человека не в знаниях, а вот в этом взгляде, которым Платон смотрит на меня и, чувствую, читает-читает все эти мысли, которые как опавшие листья, гонимые ветром, уносятся в небытие... Вот теперь весь дипломатический протокол был соблюден и за мной остался выбор: сослаться на занятость и попрощаться или пригласить Платона в гости, присесть с ним на лавочку и поговорить о житье-бытье, наливая в прозрачные бокалы рубиновое виноградное вино собственного приготовления.

А-а, ладно, сегодня же я отдыхаю, никуда не поеду. Широко открываю перед ним калитку: «Заходи!..» Платон, оживившись, рассказывает о недавней свадьбе внука, укоряет меня за то, что я не пришел поздравить молодых, рассказывает, как ругает его жена за худую крышу, с которой осенний дождь затекает в полуразвалившуюся хибару, спрашивает, нет ли у меня лишнего телевизора, будет ли война и, получив ответы на все вопросы, расслабленно закуривает: «Плохой гость за куском идет, хороший – за беседой!». В свою очередь я спрашиваю, знает ли он, что имя у него непростое. Платон – историческая фигура, древнегреческий философ, ученик самого Сократа. И мы рассуждаем о политике, о России, которую оба любим, о полях и лесах, о Боге, о наших детях. Эта некая причастность к известной личности придает моему Платону особенную уверенность, он поднимает тост за меня и следом сетует на отсутствие у него денег даже на сигареты, хотя получает, цыганская бестия, пособие по инвалидности: туговат на оба уха. Я знаю эту особенность и разговариваю с ним как можно громче. Теперь я обязан как-то помочь возможному потомку древнего философа, а для узаконивания нашей дружбы спрашиваю, не догадывается ли он о существовании международного цыганского флага. Щербинки на небритом лице Платона двигаются как мураши, он пожимает плечами, а я в телефоне загугливаю «цыганский флаг» и показываю ему. Вот смотри, говорю, флаг наполовину голубой – это небо, наполовину – зеленый, земля, а в центре колесо телеги – символ кочевой жизни. И где же ваши кибитки, лошади, где ваша вольница, если

вы ведете оседлую жизнь? Цыган переспрашивает и охотно рассказывает про свои бессарабские корни, про молодость, про кочевую жизнь, а уходя домой, обнимает меня со словами: «Ты мой Бог! Спасибо тебе! Дай Бог здоровья всей твоей семье, твоим родителям!». Теперь идет он уверенной походкой, а мимо него торопится ватага цыганят, бегут шумно, весело, беззаботно. В их груди так и волнуется молодецкая кровь. Щеки налились здоровым румянцем. Меня обступают с визгом и криками: «Дядя Илья, игрушки есть?.. Нет!? А когда будут?». Среди подростков я заметил двух незнакомых девочек, которые, как оказалось, приехали с родителями из Молдавии на цыганскую свадьбу и задержались в таборе. Другая знакомая из нашего, как я называю, табора – Венера. Она всегда выделялась из толпы цыган своим долговязым нецыганским обликом. У меня была догадка, что она только наполовину цыганка. В свое время ей и другим ребятишкам из табора я покупал тетради, ручки и альбомы для рисования, когда они пошли в первый класс. Некоторые цыганские дети учатся, и часто зимой я подвожу их до школы в соседнее село. Сейчас Венера улыбалась мне, показывая свои кривые зубы, нисколько не заботясь о мнении окружающих. Мальчишки дергали меня за куртку и просили «масынки», поглядывая своими хитрющими глазами. Стоит подарить одному игрушечную машинку или иную вещь, то тут уж жди настойчивую просьбу от других. А незнакомые цыганки, увидев в просвете полуоткрытой калитки мой еще зеленый хорошо подстриженный газон с туями и цветами, напросились сделать селфи на этом фоне: цыган-то не окривеет, посмотрев, как другие живут. В один голос все заголосили, как у меня здесь красиво, и принялись гладить траву, удивляясь, что она не искусственная. Венера размечталась: «Я тоже хочу такой газон». На что я прокомментировал, что сама по себе газонная трава не растет, как осока или лебеда, и за ней требуется постоянный уход, что это большой труд, и вот когда ты, Венера, выйдешь замуж, можешь вырастить в своем доме такой оазис. Тут все молодые цыганки в один голос категорично заявили, что замуж они не собираются. Венера бойчее всех: «Я учиться буду на дизайнера!». Ну, на это, зная их обычаи, я ответил, что «цыганские законы в умах записаны» и женихи им давно выбраны. Ветер ли в дымоходной трубе или иное послышалось, но прозвучали где-то слова: «И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле».

На шум вышла моя супруга и угостила ребятню яблоками. Большое красное досталось Венере, и я сделал ей комплимент, что она красивая, как Венера Милосская. На это чернобровые цыганки Лола и Русалка закачали черными кудряшками: «Она красивая, потому что не настоящая цыганка. Мы красивые... Я красивая! Нет уж, я-я-я...». Вот так моя жена оказалась в роли богини раздора Эриды, которая подбросила золотое яблоко на пиршественный стол во время свадьбы Пелея и Фетиды. По древнегреческой легенде это яблоко досталось Афродите и стало причиной ссоры трех богинь – Геры, Афины и Афродиты. Найденную на острове Милос статую Афродиты назвали впоследствии Венерой Милосской.

Как связать все, что происходит в нашей жизни? Когда-то в молодости запомнил чью-то мудрость, что все в нашем мире связано незримыми нитями, кажущимися случайными, но именно эта случайность и есть константа Вселенной. Да-да. С годами понимаю справедливость этого. Вот и в тот день три «Венеры» сошлись в одном месте... Или в одном сознании?.. Случайность? Или поэтическая связь? Время рассудит!..

С той субботы прошло два-три месяца, не столь важно. Был солнечный зимний день. Чистил я снег во дворе, когда услышал за забором звонкие голоса: «Дядя Илья!». Выхожу за ворота, а меня свирельным хором обступают цыганские дети: «Дядя Илья! Машинки есть?.. Нет? А когда будут?». Мороз трещит, а они полураздетые, румяные, веселые. Лола в больших женских туфлях на каблучке, Русалка без шапки в осенней курточке, которую я ей подарил еще в прошлом году, а на плече держит собаку. Зачем? Одному Богу известно. Та и не пытается вырваться: притихла, поглядывает по сторонам, сует хвост в лицо цыганке. Яшка на сломанном велоси-

пед, Нехочуха тычет палкой ему в колеса, маленькая большеглазая Лиза смотрит на меня с детским любопытством. Все такие жизнерадостные – Божьи создания! Смотрю, а среди них нет Венеры. Спрашиваю, уж не заболела ли? Нет, отвечают, замуж выдали, уехала в Погребы. Плакала три дня.

Весь мой газон был засыпан снегом, как, впрочем, все поля и овраги, леса и равнины... Зимой-то хорошо – за газоном не требуется ухода. Завален он снегом и ладно. Птиц не слышно, но в морозном воздухе далеко разносится колокольный звон. С автотрассы замечательно видны белокаменные стены Арских храмов. Вот и сейчас наполнился воздух звучным переливом: «И сказал Бог: «Я дал вам всякую траву, сеющую семя, какая есть на всей земле, и всякое дерево, у которого плод древесный, сеющий семя, – вам сие будет в пищу; а всем зверям земным, и всем птицам небесным, и всякому пресмыкающемуся по земле, в котором душа живая, дал Я всю зелень травную в пищу». И стало так. И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма. И был вечер, и было утро: день шестой». Суббота.

Я ПРИШЁЛ НАБЛЮДАТЬ ЗА СНЕГОМ

* * *

Я иду по верхушкам безмолвных берёз
На февральских ногах порыжевшего солнца,
Чтобы снегом заняться на крышах всерьёз
И будить меланхолию в каждом окне.

С облаками лечу я над каждым двором;
Всё в сугробах ещё. А не броситься ль к югу?..
Пол-России покрыто пуховым ковром:
Приглашу-ка на вальс непокорную вьюгу!..

За углом уже март, но и там же метель!
Откажусь от такого? Э-э! Бред без сомненья!
Буду ждать на трубе: скоро снова капель!
И весенняя дрожь! И на сердце волненье!

* * *

Первый снег на мокрую землю
 ненадолго прилег, как нищий,
 в унижении вечно притихший,
 от вселенной душой неотъемлем.
 Человек на брентную землю
 ненадолго зашел за пищей.
 Ожидает, когда же взыщут,
 небесам неизведанным внемля.

Первый снег скоротечно растает,
 как созвездия в зорьке туманной,
 как порой голоса покаянны
 в безвозвратность ночей улетают.
 Я пришел наблюдать за снегом.
 Иногда я безмерно напыщен,
 но я Господа слышу в толпище:
 «Я есмь Альфа... И я есмь Омега...».

* * *

Рябина склонилась под тяжестью снега,
Летевшего тихо на город всю ночь.
Трамвай прозвенел и скорей из ночлега
С озябшим кондуктором двинулся прочь.

В изломы проулков раскатисто-гулко
Летели аккорды железных колёс...
Прохожий с собакой, спеша на прогулку,
Мохеровым шарфом укутал свой нос.

По рыхлым сугробам толпою студенты
Задорно и звонко, толкаясь, идут.
И именно в этих привычных моментах
Находит душа свой обычный приют.

* * *

Нынче Арское под снегом;
Для домишек и дорог
Просто счастье, просто нега,
Просто стих из новых строк.

Пусть засыпаны заборы
И сияет белым даль,
Пусть морозные уборы
Скроют давнюю печаль!

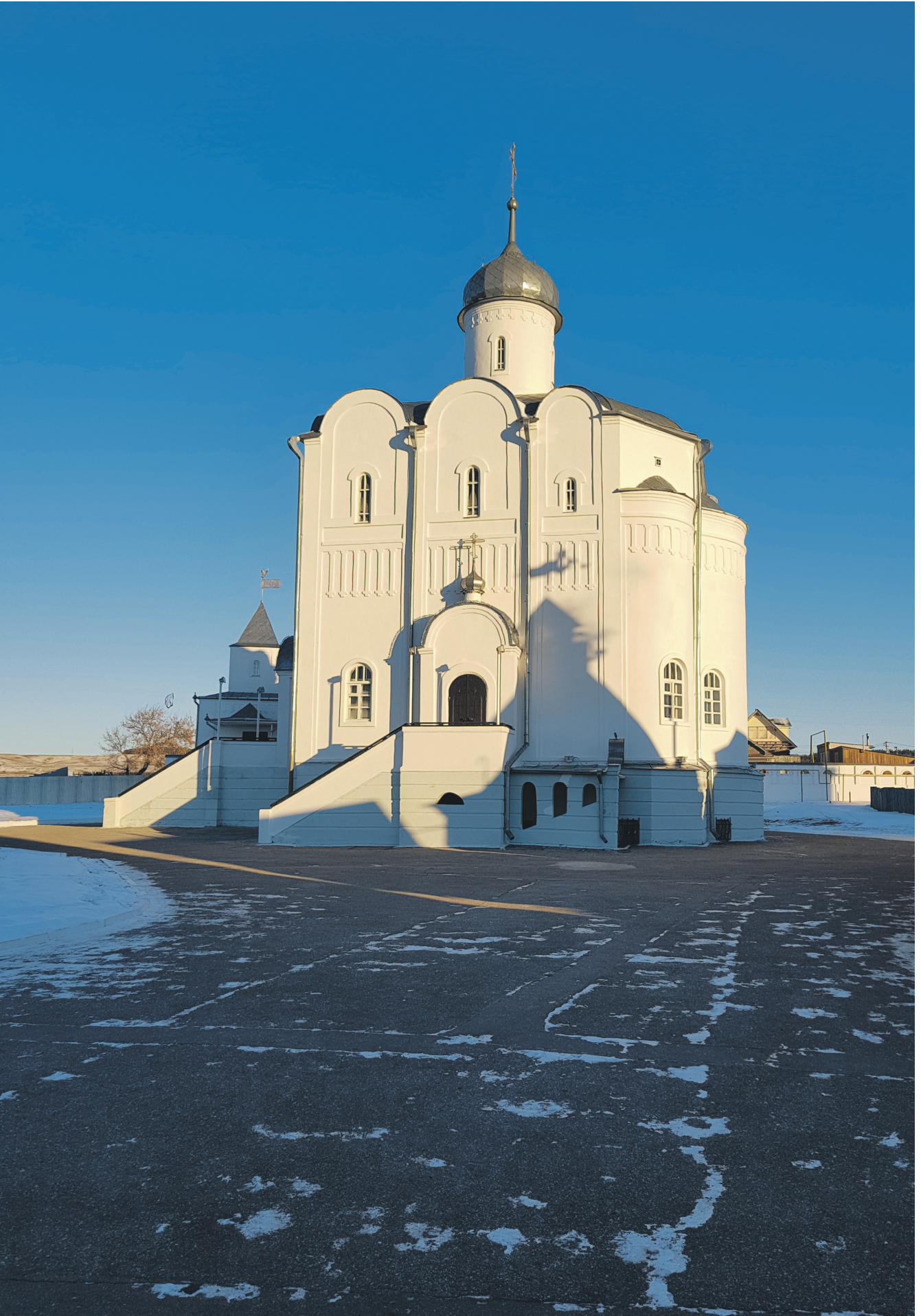
Храм сияет как из снега,
Да из снега все вокруг!..
Даже мысли человека,
Даже звезд вселенский круг!

ПОЭТУ НАСТОЯЩЕМУ СПАСИБО...

12 декабря (30 ноября) 2018 года исполнилось 100 лет со дня рождения Николая Романовича Сидорова (Рябинина), члена Союза писателей СССР, участника Великой Отечественной войны и учителя, семнадцать лет проработавшего в Тетюшской средней школе. В литературу он вошел под псевдонимом Николай Рябинин. Является автором семи поэтических сборников, певцом родного края, его людей.

26 октября 2018 г. на базе МОУ «Тетюшская средняя школа» проходил пятый межмуниципальный конкурс чтецов «Рябининские чтения-2018». В этом году в нём приняли участие представители десяти школ Ульяновского, Чердаклинского и Сенгилеевского районов, победители школьных туров. Тема конкурса

«Наследие Симбирского края». Он проходил в трех номинациях: чтение наизусть стихотворений, прозаических произведений и чтение стихотворений собственного сочинения по трем возрастным категориям: младшая, средняя, старшая. Победителей определяло компетентное жюри: главный библиотекарь по краеведческой работе Ульяновской областной библиотеки для детей и юношества имени С.Т. Аксакова Ольга Клопкова; научный сотрудник филиала Ульяновского краеведческого музея имени И.А. Гончарова «Усадьба Языковых» Румия Лобина и заведующая Тетюшской сельской библиотекой Татьяна Никитина. Конкурс проходил в Тетюшском сельском доме культуры. Выступления конкурсантов чередовались с музыкальными произведениями в исполнении народного коллектива Языковской ДШИ детского духового оркестра «Лира» под руководством дирижера-руководителя Игоря Уварова. Победители и все участники конкурса были награж-

дены грамотами. В мероприятии приняли участие: Александр Курзин - артист Ульяновского областного драматического театра им. И.А. Гончарова, Нина Васильева – краевед, а также Татьяна Мельникова - дочь ульяновского поэта Петра Трофимовича Мельникова, который был хорошо знаком с Николаем Рябининым. Сотрудники областной библиотеки для детей и юношества передали организаторам конкурса диск с аудиоверсией книги Н. Рябинина «Ласточки перед дождем», записанный в этом году учащимися Тетюшской школы в рамках акции «Читай не ради себя». Директор школы Римма Равилевна Левина вручила благодарственные письма активным участникам Рябининских чтений.

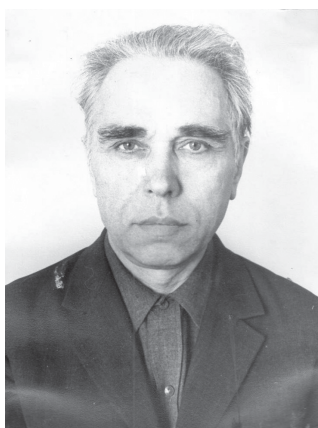

ЮБИЛЕИ

Людмила СЕРЗИНА, член Российского Союза профессиональных литераторов

«ГОРЖУСЬ СВОЕЙ ДОЛЕЙ...»

К 100-летию ульяновского поэта Н.Р. Рябинина

Николай Романович Рябинин (настоящая фамилия Сидоров) родился 30 ноября 1918 года в деревне Ермоловка Лунинского района Пензенской области.

Николай Романович Рябинин обладал негромким, но проникновенным поэтическим голосом. Был он человеком скромным, не гнался за признанием, и поэзия его почти неизвестна современным читателям, но приходит пора дать ей справедливую оценку.

Стихи он начал писать ещё со школьной скамьи, когда многие из молодых людей пробуют свои силы в поэзии.

По окончании школы Рябинин поступил в Ульяновский педагогический институт, где он продолжает писать свои стихи, а однажды, отсылая их в газету, он подписался псевдонимом Рябинин. Стихи были напечатаны, и с тех пор все свои стихи Николай Романович стал подписывать псевдонимом.

Почему именно Рябинин? Наверное, потому, что это дерево напоминало ему отцовский дом, детство, и об этом он написал в своем стихотворении «Рябина моя».

Я помню над речкой у старенькой бани
горела рябина, рябина моя.

Я помню, под ней на отцветшей поляне
стоял я, глядел, как летят над полями
тревожные птицы в чужие края.

И грустно мне было, что скоро сугробы

укроют за речкой просторы полей,
 что вьюга жестокая выместит злобу
 на бедной, на тонкой подруге моей.
 Домой от неё приносил я подарок –
 рябиновых ягод, несладких на вкус,
 но красный их цвет был заманчиво ярок
 и очень хорош для сестрёнкиных бус.
 Далёкие годы, унылые годы!
 Где ты, моё детство, рябина моя?..
 Бывали удачи, случались невзгоды,
 но счастлив я снова: на родине я.
 По буйному саду брожу, где когда-то
 у бани, заброшенной берег был пуст,
 где стало и вишням теперь тесновато,
 а тут что ни шаг, то рябиновый куст –
 подруги моей сыновья и внучата.

Любовь к рябине, как памяти из детства и юно-
 сти, поэт пронесит через всю свою жизнь.

* * *

Про лазурное море, про горы пиши...
 Ну, я всё про то же – про наши поляны,
 Про рябину пишу и пою от души.

* * *

Ты как хочешь, а мне это дерево мило:
 Я с младенческих лет рос под кустей его.
 До сих пор так и вижу: огнем охватило,
 Как в пожаре избушку отца моего.

* * *

До чего ж становилась рябина пунцовой
 И горька до чего – хоть не пробуй на вкус.
 Но уж модницы эти, девчонки бедовые,
 Без ума были все от рябиновых бус.

* * *

Я такую одну с самодельными бусами,
 С голубыми глазами, с кудряшками русыми
 Не забыл до сих пор. И люблю до сих пор
 Край, где нет ни каштанов, ни гор.

Первые же его стихи появились в печати в со-
 роковом году, когда он учился на третьем курсе пе-
 дагогического института.

Сколько было планов, задумок, но все оборва-
 лось в один страшный миг: началась война. Первый
 день войны помнится ему:

Я шёл с цветами. Было двадцать мне.
 Сданы зачёты. Не сидится дома.
 По скверу спотыкаясь, как во сне,
 Навстречу однокурсник шёл знакомый.
 – Слыхал? Война! – сказал тревожно друг.
 – Бомбили. Нет примера вероломней...
 Не помню, уронил цветы я вдруг
 Иль бросил их в отчаянье. Не помню.

Со студенческой скамьи он ушёл на фронт. Во-
 евал на Карельском фронте с самого грозного лета
 сорок первого. Сражался в миномётных частях в За-
 полярье, в тяжёлых условиях тундры. Потом он на-
 пишет:

Какая большая была та война!
 Была она даже на Севере Дальнем,
 На Севере Дальнем, глухом и печальном,
 Была даже в тундре холодной она.

Где прежде олени бродили одни
 Да рыскали дикие звери когда-то,
 Под каждой сопкой ютились солдаты,
 Солдаты, солдаты – куда ни взгляни.

Курились землянки, когда затихал
 Из вражеских пушек обрушенный шквал.
 Курились землянки, топились времянки,
 Как после работы, сушились портянки.

Но чаще в той жизни бывало не так,
 В той жизни военной на Севере Дальнем,
 На Севере Дальнем, глухом и печальном,
 Под сопками после кровавых атак.

И кровь, и воронки на белом снегу,
 Тела заметали кривые метели,
 Свистели метели, снаряды летели,
 Сквозь вьюгу летели и к нам, и к врагу.

Даже спустя долгие годы не может он забыть
 тех военных дней:

Север, Север! Я памятью этой живу.
 Может быть в тяжком сне
 ты приснился тогда мне,
 А теперь бы увидеть тебя наяву.

Посмотреть, как в озёрах спокойна водица,
 как морошку не топчут ботинки солдат.
 И горит она – кровью сумела пробиться
 из земли, где мои сослуживцы лежат.

Он был наводчиком, командиром миномёта,
 заместителем политрука. После окончания курсов
 в июле 45-го был назначен командиром миномёт-
 ного взвода, участвовал в войне с Японией. Но даже
 в тяжёлых фронтовых условиях он не забывал про
 стихи.

Кое-какие из них появилось во фронтовых га-
 зетах «Часовой Севера», «В бой за Родину», «Во сла-
 ву Родины».

Война осталась горестной зарубкой на всю его
 жизнь и о войне у Рябинина написано с той глубо-
 кой сдержанностью, которая даёт слову волю раз-
 растаться вширь и вглубь:

Горжусь своей долей, но, если
 Заглянете в душу мою,
 Поймёте – печальные песни
 Недаром я часто пою.

Горжусь до сих пор, что участник
 Невиданной в мире войны,
 Но грустен бываю я в праздник
 Победу принёсшей весны.

И радуюсь нашей победе,
 И радость бывает не впрок.
 Случается, праздничной снеди
 Не лезет мне в горло кусок.

Увижу, мой друг умирает
 В промозглой окопной тени,
 И хаты вдали догорают
 Где вдовы да дети одни...

Вот так писал поэт о себе и о своем поколении.
 И уж тут, как говорится, не прибавить, не убавить.
 И как пронзительно звучат строки стихов:
 Что было самым страшным на войне?

Деревни в полыхающем огне?
Воронки чёрные?
Нет, самым страшным было,
Когда в степи стояла печь одна,
Не грела никого,
Сама под ветром стыла,
Сама была бездомна, холодна,
Вокруг неё обломки да осколки,
Зола да уголь. А настанет ночь –
Вокруг неё бродили стаей волки...
Но даже волки убежали прочь.

Одна, одна... Оставшись не у дела,
Раздетая пожаром догола,
Стояла печь и вдаль с тоской глядела,
Хозяйку хлопотливую ждала.

И он вправе был сказать:

Старый фронтовик не скажет:
– Страшно было,
Скажет проще: – Было тяжело.
На войне изматывало силы
То, что в жизни повседневно шло.
Шли приказы и распоряженья
– Стройся! Марш!
– И с марша – прямо в бой.

Уцелел – копай без
промедленья
Выжженную землю
под собой,
Каждый был усерд-
ным землекопом.
Холод. Дождь. Без от-
дыха. Без сна,
Но «Вперёд!» – несёт-
ся по окопам,
Тяжело. И гибель не
страшна.

Из армии он демо-
билизовался в 1947 году
и вернулся на волжскую
землю. Окончил педаго-
гический институт.

Преподавал сначала
в селе Барановка Никола-
евского района.

С 1948 по 1952 год – завуч Красноборской сред-
ней школы Вешкаймского района.

С 1952 по 1955 работал учителем в средней шко-
ле имени Ленина, а также был сотрудником на об-
ластном радиовещании.

С 1955 по 1972 год работал в Тетюшской сред-
ней школе, а с 1972 года он перешёл на литератур-
ную работу.

Николай Романович Рябинин – автор поэти-
ческих книг «Приметы» (1958), «Журавли» (1960),
«Полдень» (1963), «Ласточки под дождем» (1968),
«Запах земли» (1973), «Голос во ржи» (1972), «Озимь»
(1982).

Сколько жестокого и непоправимого увидели
его глаза, сколько горьких дней и великих бед во-
брало в себя хрупкое человеческое сердце, прежде
чем солдат вернулся домой с Победой.

Сердце фронтовика не ожесточилось от боли,
а наоборот, сделалось добрее и к жизни, и к людям.

Отсюда, видимо, обостренная пристальность ко все-
му окружающему, к добру человеческому, к своей
небольшой родине, отсюда – постоянный и терпе-
ливый разговор с самим собой, разговор, вызван-
ный самым замечательным человеческим чувством
– удивлением красотой жизни. Отсюда – неторо-
пливость интонаций, ибо поэт бережен, он словно
боится спугнуть озарившее его удивление. Отсюда
– мудрость крестьянина и незыблемая уверенность
в прочности нравственных устоев человеческого со-
общества.

Вот как безыскусно звучит его стихотворение:

Вы знаете,
Как у нас день начинается?
Сначала горланить
Начнут петухи;
– Вставайте, вставайте,
Заря занимается,
Коров выгоняйте –
Их ждут пастухи!
– Да, да, – пастухи подтверждают,
– Живее! И щёлкает кнут:
– Торопитесь – восход.
И ветер,
Тихонько над травами вея,
Людей голоса
По деревне несёт.
Захлопают двери,
Щеколды зазвывают.
Топор где-то стукнет,
Мотор загудит...
И солнце само
За работою всякою
За всем с высоты
По-хозяйски следит.

И трогает сердце незатейливый деревенский
пейзаж:

Овсы растут не для красоты,
Но смотришь, смотришь поневоле
Шумит, волнуется всё поле.
Какие рослые овсы!

И как спасибо не сказать
Тому, кто здесь пахал и сеял,
Кто эти чувства мне навеял.
Вздыхаешь только: – Благодать!

Какими простыми словами говорит он о радо-
сти крестьянского труда:

Я на току работал. Я устал.
Не мудрено: на ток ушёл чуть свет.
Но вот устал, а веселее стал,
И никаких недугов больше нет.

Умылся родниковой водой
И, глядя на оранжевый закат,
Пью молоко, как прежде молодой,
Ем за двоих, всему на свете рад.

А раздеваясь перед самым сном,
Смеялся: не заметил – вот чудак!
Карманы все наполнены зерном,
Зерно в носках – не вытряхнешь никак.

Весь день ходил я чуть не по зерну,
На голову мне сыпалось зерно.
Зерном пропахший, так теперь усну,
Спокойно, крепко, как не спал давно.

Его стихи лиричны и проникновенны. С какой
теплотой и задушевностью он пишет о природе, где
чаще всего любованье ее красотой переходит в лю-
бовь к родной земле, Родине.

Вся степь сугробами завалена,
Но день так солнечен и тих,
Что вижу я: у ног моих
Темнеет первая проталина.

Прореха маленькая, круглая
На старой шубе февраля.
В прорехе той видна земля,
Ее живое тело смуглое.

Ну, значит, шуба непрочна,
Вот-вот и с плеч, худая, свалится.
И удивимся мы: красавица
Была в нее облачена!

Он призывает читателя оглянуться вокруг:
Не замечаем это чудо,
Быть может, только потому,
Что на земле оно повсюду
И все привыкли мы к нему.

А ты пройди аллеей длинной
Иль тихой просекой лесной,
Ты с чудом встретишься – с рябиной,
С калиной, тополем, сосной.

Под клёном, в жаркий полдень нежась,
Ты на любой взгляни листок –
Откуда в нём такая свежесть?
Кто вырезать его так мог?

Или окинь осинку взглядом:
Как моложава, как стройна!
Вот-вот с тобою встанет рядом
И песню запоёт она.

Сам же он одушевляет каждую травинку, каж-
дое деревце и птаху:

Простенькая, милая картинка:
поле, лес как плотная стена.
Выбежала из лесу осинка
и стоит весёлая одна.

Сколько света! Ширь, гляди, какая!
А в лесу была объята тьмой.

Пусть он там шумит, не умолкая,
ей теперь не хочется домой.

Пусть зовёт, она его не слышит.
Лес угрюм, а в поле чудный вид.
Смотрит вдаль, легко всей грудью дышит
и бегом пуститься норовит.

Без суетливости и заламывания рук Николай
Рябинин пишет о судьбах современной деревни.
Его тоже «терзают грани между городом и селом»,
но поэт видит в этом неизбежную смену жизненной
ситуации, необратимое течение времени, но видит
и понимает чувства бывших крестьян, переехавших
в город:

Разъехались – и стали горожанами,
Квартиры с газом получили с ваннами,
Живи себе и в ус не дуй. Но нет,
Чего-то нет и через много лет.

Чего? Лужайки прямо перед окнами,
За избами просторов луговых.
Той баньки над речушкою под вётрами,
Что лучше всяких ванн и душевых.

Нет петухов, росы на зорьке утренней.
А в поле труд? Он им всего нужней...
Разъехались – и стало всё запутанней,
В душе крестьянской всё сложней.

И тем, кто не может забыть родных своих мест,
он пишет:

Нашёл во ржи тропинку,
Пробрался, лёг и вот
Держу в зубах былинку,
Гляжу на небосвод.

Высокая, густая
Рожь зыблется слегка,
Колосьями сметая
Со свода облака...

Сам Николай Романович считал себя деревен-
ским жителем:

Вам – асфальт,
чтоб каблук стучали».
в сердце – ритм,
и чёткость в голове.
От меня уходят все печали,
если я шагаю по траве.

Боль неравнодушного человека звучит в строч-
ках стихов, где он сожалеет о том, что люди в поис-
ках лучшей жизни покидают деревни, уезжают в го-
род и многие из них забывают и о деревне, и о род-
ных, оставшихся здесь. Здесь в городе они забывают
о своих корнях, им становится не нужным ни труд
крестьянский, ни земля, которая их вскормила. Сам
же будучи деревенским человеком, Рябинин никог-
да не забывал о своих корнях и призывал читателей
не забывать об этом:

Наши корни остались в деревне,
Там и твой начинается род,
Там, в деревне, твой дедушка древний
Или бабушка, может, живет.

Иль остался какой-нибудь дядя,
А родства деревенского нет –
Мог бы ты, в родословную глядя,
В старине отыскать его след.

Только ты не ведешь родословной:
Все равно ведь известно – не князь,
Жалкий пахарь родич твой кровный,
Смерд, месивший лаптишками грязь.

Но склонись перед памятью предка:
Хлеб возрастал на его полосе!
И усвой эту истину крепко:
Деревенские люди мы все.

Сердце фронтовика не ожесточилось только,
может, стало ещё более ранимым, нетерпимым ко
лжи и несправедливости, к чёрствости, бесприн-
ципности, равнодушию.

В стихотворении «Равнодушные» он пишет:

Их речи правильны – им возразить нельзя,
Не оценить нельзя их поведения строгого.
Но тусклым взглядом по всему скользая,
Они, несчастные, не видят в мире многого.

Не замечают снежной белизны,
Никто из них над васильком не склонится.
А по ночам им редко снятся сны,
И никогда не мучает бессонница.

Проснуться и румяные от сна,
Во всём на распорядок полагаются.
Им всё легко, им жизнь во всём ясна,
Живут и ничему не удивляются.

Нет, впрочем, удивляет их одно:
Не будем, мол, высокое оспаривать,
Но вот стихи – зачем они? Смешно!
Как это можно в рифму разговаривать?

Стихи Николая Рябинина, о чем бы он ни писал,
всегда глубоко человечны – и это, может быть, глав-
ное их достоинство. Не о себе, а о том, что до боли
дорого сердцу каждого, чаще всего говорит поэт. О
людях труда, влюбленных в свое дело, о малой ро-
дине, о природе.

У него в стихах, как правило, нет ни намек на
какие-то, допустим, драматические события, пове-
ствование идет на одном дыхании, но за всем этим
встает, заслоняя собой все – жизнь. Да так встает,
что засомневается а было ли это на самом деле?

Речка называется Трофимовкой...
Жил когда-то, говорят, Трофим,
Слушал, как в кустах поет малиновка,
Как щебечет ласточка над ним.
Липы придорожные окапывал,
По оврагам чистил родники
И смешную славу зарабатывал –
Гоготали вслед озорники.
Мол, опять блаженненький с лопатой.
Ну, копай, Трофимушка, копай!
И вода, от солнца розоватая,
В родниках бурлила через край.
И стекались ключики звенящие
Отовсюду до поры, пока
Не возникла речка настоящая,
Не поплыли в речке облака!

Вот и все. Но сколько за этими шестнадцатью
строчками стоит теплоты, сердечности и нашей рус-
ской жизни!

Одни поэты сильны могучим поэтическим зре-

нием, другие – поэтическим слухом. Послушайте
стихи:

Последний раз калитка где-то скрипнула,
Девчонка где-то «до свиданья!» крикнула.
И – тишина. Лишь слышно, как за хатой
Вздохнул, один оставшись, провожатый.
Вздохнул, помедлил и поплёлся прочь.
Куда? Домой. А что там делать, дома?
Пропал покой. Бессонной будет ночь.
И всё так будто ново, незнакомо.
Увидел звёзды, будто в первый раз,
Глотнул весенний воздух, как впервые.
И нет спасенья от любимых глаз,
Блестят во тьме, лукавые, живые.
В траве шуршат, шуршат его шаги,
Всё глуше, глуше – знать, роса ложится.
Рассветная прохлада, помоги,
Дай голове горячей освежиться!

Голос во ржи

Качалась рожь, шумела рожь,
Девичий голос с лёгкой дрожью
Звенел, звенел, где – не поймёшь,
Не то во ржи, не то над рожью.
И слушал путник молодой
И, дивной силой ободрённый,
Он родниковую водой
Спешил умыться, запылённый.
Он кудри расправлял свои,
В родник гляделся он погожий...
И пел тот голос о любви
Не то во ржи, не то над рожью.

Читаешь эти стихи, и почти наяву улавливаешь
все звуки, все шорохи молодой весенней ночи. И
благодаря этим звукам возникает зрительный об-
раз, точный и волнующий.

Постоянное вдохновение и поэтические обра-
зы для своего творчества Николай Рябинин находил
рядом, ему дарили их родная земля и мудрые, несу-
етные люди, живущие на ней, семья и два сына, ко-
торыми он гордился, работа учителя и возможность
творчества.

Николай Романович Рябинин любил жизнь, лю-
бил дышать воздухом родины. К сожалению, судь-
ба отпустила ему не так много времени. Сказались
фронтные переживания и раны.

Он умер 10 октября 1985 года:

На кладбище деревья и трава,
Весёлых птиц неугомонны стаи,
А я брожу и грустные слова,
Слова любви оплаканной читаю.
У каждого была своя судьба.

Его нет с нами. Но написанные и выстраданные
им стихи многому смогли научить бывшее и смогут
научить будущее поколение. Его стихи поэтически
чистые, звонкие, совестливые, достойны того, что-
бы о них знал более широкий круг читателей...

Нет, этого не нужно было Н.Р. Рябинину – он
не отличался тщеславием. Это было нужно и нужно
сегодня для людей, для читателей, чтобы они при-
смотрелись к его творчеству и сделались – хотя бы
на капельку – светлее, чище, радостней. Ведь, по
Достоевскому, великому провидцу, красота спасёт
мир! Спасёт мир и нашу душу.

РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

Татьяна ЭЙХМАН, член Союза писателей и член Союза журналистов России, руководитель Карсунского литературного объединения «Родники»

ДЕЗЕОН

рассказ

В детском садике готовились к встрече Нового 1965 года. Детишкам раздали стихи, чтобы дома с мамами и бабушками они выучили их наизусть. Во время тихого часа воспитательница Антонина Ивановна обшивала костюм Снегурочки по подолу оторочкой из белой ваты, на следующий день смазывая вату молоком, наносила слой сыпучего блеска и замирала. Нужно было, чтобы молоко засохло на поверхности и получился эффект «снежности». Сейчас уже никто и не помнит, что это за блеск был в небольших белых пакетиках, примерно в таких, в каких сейчас продают иногда крахмал. Был-был...

Многое сегодняшним детям будет непонятно из того, что было тогда. Им трудно понять, что многого из того, что есть сегодня, тогда не было и в помине: больших цветных телевизоров, компьютеров, караоке да много еще чего...

Скажите на милость, как подготовить утренник без музыки?

И вот Антонина Ивановна договорилась с баянистом и уже несколько раз выглядывала на веранду старенького деревянного дома, где располагался детский сад, поджидая Михаила. Он эту неделю не работал, немного нога подвела, обещал прийти, чтобы разучить с ребятишками новогодние песенки и танцы.

«Дети, внимание, начинаем музыкальное занятие!» – голос Антонины Ивановны звенел от радости. Пришёл, не подвёл, ведь с музыкой разучивать песенки легче.

«Тётя Маня, – обратилась воспитательница к помощнице, уборщице по совместительству, – поставь нам в центр группы стул, большой поставь, а на него цветок!».

«Дети, мы с вами будем думать, что это стоит елочка, у нас она обязательно будет! Теперь встаём вокруг елочки, берёмся за руки! Тётя Маня, помогай мне их поставить в круг. Ребяточки, не толкайтесь, а то дядя Миша не будет нам играть на баяне!». Шум, гам...

Повариха Галина Антоновна, жарившая картошку для Михаила, услышала доносящиеся из группы детские голоса. «В лесу родилась ёлочка, в лесу она росла...».

«Потом посмотрю, когда уже в костюмах будут, а не то картошка пригорит, – подумала она, – Тоня вон сколько костюмов им напридумала: есть и Петрушка, и зайка, и целая бригада снежинок, и Вишенки, и Сеньор Помидор. Даже мне дала поручение, вчера весь вечер шила из старой манарки костюм мишки, вроде получилось...».

«Маленькой елочке холодно зимой, из лесу елочку взяли мы домой...».

«Поют ребятишки, а что не петь? Накормлены, напоены, – рассуждала на кухне повариха Галина Антоновна, – в тепле, в светле, заведующая умеет и мясца, и молочка, и творожку, и маслица добиться, знает подход к председателю колхоза. А он сам таким хорошим детским садом гордится. Дети заняты с воспитательницей, родители в поле да в коровниках спокойно работают! Всё по уму! Слыхала, что в других колхозах похуже, а у нас – чин чинарём. За заготовку дров у нас истопник не печалился – знал, что привезут весной, он их за лето и распилит, и расколет, и в сарае уложит, вот сейчас на улице морозы, а смотри у нас в саду – тепло, утром прихожу, у меня плиты натоплены – успевай, вари!».

Прислушалась, раздавался детский плач, чья-то девочка рыдала. «Дезеон, дезеон!».

«Пойду погляжу, да сковородку с картошкой снять с плиты надо!».

Выглянула Галина Антоновна в помещение, где дети занимались. Дети стояли парами вокруг большого стула с цветком. Баянист Михаил сидел на стуле, перебирая кнопки, ждал, когда ребёнок успокоится. Антонина Ивановна попросила Маню поддержать на ручках совсем маленькую Наденьку Волчкову, и та присела с девочкой на детский стульчик, утешая: «Не плачь! Потом найдём».

«Ба! Чего это она?».

Михаил сказал: «Мишку потеряли...».

Антонина Ивановна махнула рукой, дескать, потом, Галина. Сама же вновь начала детям показывать движения танца.

«Теперь, дети, давайте под музыку! Начали».

Михаил заиграл, и дети парами стали повторять за Антониной Ивановной:

*Мишка с куклой бойко топают,
Бойко топают, посмотри!
И в ладоши звонко хлопают,
Звонко хлопают, раз, два, три!*

*Мишке весело, Мишке весело,
Вертит Мишенька головой.
Кукле весело, тоже весело,
Ой, как весело, ой, ой, ой!*

И в это время девочка на руках у Мани заплакала, приговаривая: «Дезеон?».

«Наденька, давай я с тобой буду танцевать!» – сказала повариха Галина.

Но та причитала: «Нет, не ты, а мишка! Дезеон? Дезеон?».

Тут в прихожей раздался голос самого председателя: «Вы уже по-гречески начали детей учить?»

Антонина Ивановна растерялась, и молвила: «Ой, простите, немного не поняла вас... Заведующая в район уехала, а мы утренник репетируем...».

– Молодцы! Когда приходит на утренник? Ёлку когда ставить будем?».

– Вот уж она приедет и к вам придёт, скажет. Ёлку-то мы мигом нарядим хоть с утра, хоть с вечера, а вот когда? Как вы скажете!

– Передай, пусть сразу ко мне! Решим с профсоюзами, они там пакеты готовить должны (скажу по секрету в те годы пакеты – это подарки от имени Правления колхоза и профкома – предмет особого внимания руководителя!).

– Ха-ха, Антонина, что ты растерялась, а? Запомни! Одеон – в Древней Греции был такой музыкальный театр, вот мне и послышалось, что малышка кричит ОДЕОН. Я подумал, что за новый утренник они там готовят, не на древнем ли греческом языке, но давайте, не буду мешать!

– Вы, может быть, услышали, как она ищет мишутку и кричит: «Где же он?», – сказала она вслед председателю.

Дверь в прихожей хлопнула...

– Фух, ну, ушёл! – Антонина Ивановна перевести дух не успела, как баянист заиграл полечку, пришлось продолжать с ребятами занятие:

*Мишка с куклой бойко топают,
Бойко топают, посмотри!
И в ладоши звонко хлопают,
Звонко хлопают, раз, два, три!*

*Мы попробуем эту полечку,
Эту полечку все сплясать,
Разве можем мы, разве можем мы,
Разве можем мы отставать!*

Тут Наденька снова включилась: «Дезеон? Дезеон?».

Сколько бы потом её не успокаивали, она была неумолима: «Дезеон? Дезеон?».

...Прошло несколько дней. Вот и день праздника. Сосна высотой до потолка накануне была истопником установлена на крестовину, закреплена, чтобы не смогли её уронить. Крестовина обложена ватой. Украшали все: заведующая, воспитательница, нянечка, повариха. Некоторые родители, кто вчера поздно детей забирал, уже видели, ёлка очень красивая. Баянист пришёл пораньше, чтобы никто не волновался. Все постарались! Антонина Ивановна подкрасила губы в подсобке. Вышла приветствовать гостей и родителей, для которых ещё с утра тетя Маня и истопник вносили с летней прогулочной площадки лавочки, установили рядочками. Председатель не пришёл, уехал по делам. Ничего! Праздник готовился для детей. Запотели уже вырезанные снежинки на оконных стёклах...

Началось! Снегурочка – девочка из старших в белоснежном халатике с блестящей волною по подолу. Снежиночки в марлевых накрахмаленных юбочках и белых носочках танцуют вальс, поют: «Мы белые снежиночки, летим мы как пушиночки...». Смешной Петрушка – весельчак в колпаке с бубном. Дети стали в круг, спели: «В лесу родилась елочка...».

Антонина Ивановна спрашивает: «Кого же мы

ждём к нам на праздник?».

Хор детских голосов в этот момент отвечает одно и то же во всех концах страны, во всех детских садах: «Деда Мороза!». Все громко его зовут.

Вот он пришёл! Высокий, как наш истопник. Басом говорил с ребятами, слушал их стихи, песенки, хлопал в ладоши, давал из мешка сладости. Лоб его стал мокрым, вата с шапки немного распушилась, но он стойко сносил все неудобства. Громко стучал посохом. Ёлка кивала ветками, украшенными бусами, шарами, сосульками, звёздами и гирляндами из цветной бумаги!

Дети приготовились танцевать полечку для Деда Мороза, встали парами вокруг ёлочки. В центр комнаты, перед ёлочкой, ближе к зрителям вышел мальчик в костюме медведя из перешитого плюшевого пальто, у него на голове была шапочка с выкрашенными краской ушами, рядышком девочка с огромным бантом на голове, миленькая, словно куколка! Баянист Михаил начал проигрывать и дети запели:

*Мишка с куклой бойко топаят,
Бойко топаят, посмотри!
И в ладоши звонко хлопают,
Звонко хлопают, раз, два, три!*

*Мишке весело, Мишке весело,
Вертит Мишенька головой.
Кукле весело, тоже весело,
Ой, как весело, ой, ой, ой!*

Маленькая, самая маленькая из всего детского садика Наденька Волчкова, одетая в белое гипюровое платье, ещё не могла запомнить полечку, поэтому её держала на ручках тетя Маня и приплясывала вместе с нею.

Вдруг девочка заныла: «Дезеон? Дезеон?».

«Тише! Тише!» – приговаривала тетя Маня.

Мальчик в костюме мишки танцевал и хлопал в ладоши, кружился с кукольной девочкой, другие пары кружились, топали, танцевали! А Наденька всё ныла.

Танец завершился. Родители хлопали, прозвучали последние аккорды. Все слы-

Новогодний утренник в детском саду. Карсун, 1960-е годы. Фото из архива автора.

ЁЛОЧКА

Под звездой моей певучей
Ёлочка живёт!

Своей веткою колючей
Неба достаёт!

От слезы её кипучей
Запахи смолы.

Ствол янтарный и могучий,
Шишечки малы.

В гости прибегут зайчата...
Тарарам и шум!

Ёлочка зайчатам рада...

Где же мой костюм?

Прицеплю я к шапке ушки,
Побегу скорей.

И со мною все зверушки –
К ёлочке моей.

У Снегурки самый лучший
С блёстками наряд:

«Дети, приходите дружно
К нам на маскарад!»

СНЕГУРОЧКА

Она словно Фея из вальса
Возникла под ёлкой из тьмы

Просили её: – Оставайся!

И были в неё влюблены.

Её украшали снежинки,
И шлейф развевал ветерок,
А в косах блистали искринки
С холодных буранных дорог.

Под звёздным сияньем лучистым
Нам песню пропела светло,
Чтоб год был и добрым, и чистым
Чтоб нам в этот год повезло!

шали: «Дезеон? Дезеон?». Мальчик в костюме мишки подошёл к Наденьке, пытаясь погладить, но она продолжала повторять одно и то же.

Дед Мороз начал раздавать подарки Снегурке, снежинкам, волку, медведю, Петрушке, лисичкам, зайчишкам, вишенкам и Сеньору Помидору!

«Самая маленькая снежинка у нас Наденька! Ей мы дадим в подарок пакет со сладостями и ещё подарок из леса! Смотри, Наденька! Кто это?».

Дед Мороз вынул из мешка игрушку – мишку, протянул в руки Наденьке. Она прижала мягкого мишку к щеке, приговаривая: «Миська! Дезеон! Дезеон!». Она была ещё мала, чтобы выразить свои чувства словами, но радовалась, тетя Маня опустила её на ножки, и малютка стала прыгать, держа мишутку за лапу. Все смеялись над ней. А заведующая сказала, что Мишутку купил Сам! Председатель колхоза был в городе, вспомнил про греческое слово «ОДЕОН», про девочку, которая мишку ищет, и купил игрушку в Детском мире (понимаете, в ту пору купить мягкую игрушку в нашем сельском магазине было невозможно).

Прошло несколько лет, я уже училась в институте, вдруг на улице встретилась с Надей Волчковой.

«Ба! Надь! Ты где сейчас?».

«В университете учусь, пойдём ко мне, я тут рядом живу!».

Забегали в «Булочную», купили сладких кексов и к Наде на чай!

Пока она ставила чайник, я осматривалась в комнатухе, которую они с подружкой снимали у хозяйки. Я сразу догадалась, где Надина кровать. На подушке сидел Дезеон – мягкий мишка, подаренный ей Дедом Морозом в детском садике. Надя зашла и засмеялась: «Да это тот самый, вот приехали с ним учиться на факультет иностранных языков!».

МОЛОДЫЕ ГОЛОСА

«ЧТОБ ПОНИМАЛИ АНГЕЛЫ И ДЕТИ...»

Стихи участников XVII Международного Форума молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья, проходившего в Ульяновске (сентябрь 2018-го)

Борис ПЕГИН, Томск

*Посмотри на меня, повторяй за мной:
Я отдам свою жизнь за любой пустяк
К. Рупасов*

Ни бездонней глаз, ни нежнее рук
Никогда я не знал, но не в этом суть.
Знаешь, я легко за тебя умру,
Потому что один не смогу уснуть.

Я асфальт, я небо, я всё одно,
Я гляжу с галогеновой глубины.
У дорог, ты знаешь, двойное дно,
В нём нечётности наши погребены.

Но к ресницам ластится шелкопряд:
Ты, ко мне прикасаясь, не тронь меня
На мостах, которые не горят,
И на храмовой паперти меж менял.

Паралич огней, средостенный стук,
Между дат, квадратиков обжитых –
Ты, всегда стоящая на мосту,
И случайный прохожий – но тоже ты.

...это календарное колесо,
Это всё только шёпот тяжёлых штор,
Это только сон, это только сон,
Это время, вмещающее в ничто.

Антон АЗАРЕНКОВ, Смоленск

АВТОГРАФ

Дорогая мама!
Герой моей первой книжки
пьёт и курит.
И часто болеет.
И изменяет женщинам, как твой первый
благоверный
«козёл азаренков».
Герой этой книги много пьёт
стыда, красного и сухого;
зуда, живого и тёмного.
И не герой, конечно, а так – субъект,
в меру упитанный, порой лирический,
особенно когда выпьет.
Ладно, мама,
знаю,
что дед Колька умер от этого,
что Витька умрёт от этого,
что все мы стоим в этом, как в огне,
в г...не, в геенне...
Знаю. Ну а что с этим делать? От осинки
не родятся апельсинки.
Кстати,
Егорьевская церковь на Фурманова
теперь общежитие:
бельё на фоне общипанной панорамы...
Старушка выводит из ветхого закутка
трёх-четырёх коз
и кособокого Боньку
пасть на церковной лужайке.
А когда тот залезает на чей-нибудь огород,
раздаётся окрест: «Бонька! Ты ты соусом оборзел?
А ну бывай тикай оттудава, кому скызала!
Получишь тут! У-у-у, козлице поганый, чёрт ты
лысый. Фашист проклятый, вредитель,
конченный...»

СОЧЕЛЬНИК

Ну что тебе ещё написать...
Бог есть,
раз есть дьявол,
умеющий растравить –
до психоза – простую спичку,
показывающий кино в засыпальной тьме,
подпиливший и ножку стула, небось, нарочно...
Устроивший в вино-водочном
на углу распродажу
и даже – под Рождество! – ангину.
Потому что все ангелы ждут, а дьявол здесь.
Ну, не совсем настоящий
(настоящий, говорят, красивый),
а такой, обычный:
ворчащий, глупый.
Тетешка, пушной зверёк.
Мелкая сошка.
Даже немножко жалко.
Накорми его своей кровью,
своей горячей,
гречкой,
лучшими годами,
густотой волосяного покрова,

главой из диссертации,
пустотой наполовину тёплой постели,
нерождённой дочкой –
«Сонечкой,
со скрипочкой» –
а он всё пилит, пилит чужую мебель
и подбрасывает в костёр.
Вдалеке переливаются огоньки.
Улыбаются бумажные иконки.
Я стою на срыве своей Диканьки,
весь в пуху сухостоя, собачках, сухом репье -
сейчас загорюсь.
Мой зверёк мне терзает валенок, простофиля.
– Да есть, – говорю. –
Есть, наверно.
Только вот смотрит другие фильмы.

Константин КОМАРОВ, Екатеринбург

* * *

Снежинка – слог,
а снег – строфа большая,
что шепчет бог,
уснувшим не мешая.

Но бог уснул,
уснуло неба море,
сутулый стул
в усталом коридоре.

Не от ума
и даже не от мира –
во сне туман
и тёмный запах тмина.

Так в улей мёд
берёт себе и льётся,
так пулемёт
палит бесшумно в солнце.

Укрывшись, будь,
чтобы, не сгинув в хламе,
сновала суть
меж спящими телами.

Я не решён.
Я не продолжен болью.
Мне хорошо,
когда я сплю с тобою.

* * *

Я никогда к тебе не прикоснусь,
как слово прикасается к бумаге:
на это мне не хватит нежных чувств,
сердечной глубины, бережной отваги.

Душе не хватит смертного старья –
так понял я, себя назад листая.
А ведь когда-то рядышком стоял,
впритык к тебе. Стоял-стоял и стоял.

И в горсть собрав свою немую грусть –
пустую и простую, как мычанье –
я никогда к тебе не прикоснусь,
как слово прикасается к молчанью.

* * *

Я свет гашу, в ночи топя
свои слова, не городя их.
Я не хочу, чтобы тебя
разглядывали разгильдяи,

чтоб ты ни взгляду, ни уму
чужому не смогла отдаться,
хоть про тебя и самому
мне никогда не догадаться.

Я тихо сяду в стороне
смотреть, как в сумраке из жести
сменяются в пугливом сне
твои загадочные жесты.

И ничего не уяснив,
потом тихонько рядом лягу –
смотреть твои большие сны
и заносить их на бумагу.

Ирина ЛЮБЕЛЬСКАЯ, Московская область

* * *

Дальше от платформы, ближе чуть к казарме:
Щебня скрип зубовный, два бредущих парня.
Режется пластинами хлеб, балык заначенный –
Мальчики устали, сели в мать-и-мачехи.

Шпарило по гравию солнце и по щавелю;
Обойдя нагадою, обошло пощадой.
Сигарета плавилась. И звала тех мальчиков –
Аина и Кавеля – Мать-земля-и-мачеха.

Артём НОСКОВ, Екатеринбург

* * *

Через стены с фасеточным зрением,
Сквозь глазницы моей тишины,
Я услышал, как стрелки во времени,
Словно в зеркале, отражены.
Как, нашедшийся в том отражении,
Шёпот книжных стоит корешков,
Как двужильным пером напряжения
Серый шум мне щекочет ушко,
Как спираль лакированных раковин
Наполняет пространство квартир,
Как картавит, прогоркло и драпово,
Вылетающий в воздух эфир.

* * *

Падет с небес откормленный телец
От недостатка кровяных телец.
Небесный бык, покорный алтарю,
Воткнет рога в брюхатую зарю,
И пряный свет прольётся, словно кровь,
На лица вавилонских пастухов.
И спросит кто-то, разогнавши пыль,
Не напророчат злые языки ль
Пернатый сон, застенчивую тьму
И притчу, неподвластную уму.

Василий НАЦЕНТОВ, Воронежская область

* * *

Рубили сливу, ветки я носил,
к себе прижав, на мусорную кучу,
и набирались зрения и сил
они – сухие –
ветер, пыль и Тютчев.

Не высмотреть, не выплакать, в глазу
размером со слезу клочок ландшафта.
Я слово через смерть свою несущу
и возвращаю музыкой обратно

дорогу, дым и шелест рук, и труд,
и мир, и май как триединство света.
Так после слова повториться тут
на крыльях ласточек сквозь сад
и страшный суд

и вылететь в распахнутое лето.

* * *

сада шага
дыхание листьев храня
жест прощальный пусть теплится в кроне
жук жука не хоронит
жук живёт одиночней чем я
он прекрасен и глуп
он ничьих улетающих губ
не касался
он пространство травы
и ничьей головы поворот
не знаком золотому жуку
он счастлив
посетивший сей сад
в роковые минуты его
став другим веществом вещество
возвращается словом назад
и всегда говорит о любви
и во всем говорит о любви
чтоб и я умереть не боялся

* * *

Нашёл тебя в распахнутой листве,
рифмуя травы с птицами в траве,
а птиц с рассветным воздухом и светом,
Я знаю это, знаю только это.

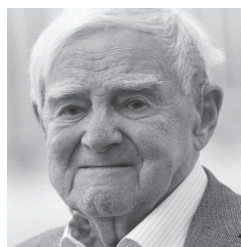
Приходит в мир иное вещество
и слог его, и музыка его
во всем – слегка касаясь белой смерти,
чтоб понимали ангелы и дети –
до нас с тобой, до губ и до строки
стихи сегодня пишут дураки
счастливые и вечные однако.

ЮБИЛЕЙНЫЙ
КАЛЕНДАРЬ

ЯНВАРЬ 2019

1 января – 100 лет со дня рождения писателя и сценариста Даниила Александровича Гранина, настоящая фамилия – Герман (1.01.1919, с. Волынь Курской губ. – 4.07.2017, г. С.-Петербург). Во время войны учился на курсах в Ульяновском танковом училище (1943). Автор многих романов, повестей и рассказов. Член Союза писателей СССР (1962). Написал биографическую повесть о жившем в Ульяновске учёном А.А. Любищеве «Эта странная жизнь» (1974). В 2016 году имя Д. Гранина присвоено библиотеке №6 города Ульяновска.

1 января – 90 лет назад родился прозаик и журналист Василий Михайлович Подгорнов (1.01.1929, с. Назайкино Ульяновского округа Средневожской обл., ныне Тереньгульского р-на Ульяновской обл. – 2.11.1963, г. Ульяновск, похоронен в г. Зеленодольск ТАССР, ныне РТ). Жил в Зеленодольске, Бугульме, Ульяновске, работал в газетах и на радио. Автор книг «Медовая река» (1954), «Повесть о пчёлах» (1959), «Лесные тропы» (1959), «Синеет в лесу медуница» (1962), «Тропинки в волшебный мир» (1964) и др. Член Союза писателей СССР.

2 января – 95 лет со дня рождения поэта Александра Яковлевича Киселёва (2.01.1924, с. Шелемис Кузнецкого у. Саратовской губ., ныне Кузнецкого р-на Пензенской обл. – 2001, г. Калининград). Окончил Ульяновское танковое училище (1943). Служил на Тихоокеанском и Балтийском флотах.

Жил в Калининграде, работал в местной писательской организации. Автор поэтических сборников «Здравствуй, океан!» (1962), «Испытание» (1972), «Гроза ночная» (1989), «Огонь под пеплом» (1995). Член Союза писателей России (1995).

2 января – 70-летний юбилей отмечает писатель Владимир Николаевич Першанин (р. 2.01.1949, с. Чамзинка Инзенского р-на Ульяновской обл.). Работал в органах внутренних дел. Автор более 40 книг: «Последний конвой» (1990), «Подсадная утка» (1995), «Глядящий сквозь лёд» (2002), «Штрафники

Сталинграда» (2012), «Пограничники Берии» (2013), «Обречённый десант» (2014) и др. По повести «Охота на асфальте» режиссёр А. Прошкин снял фильм «Трио» (2003). Член Союза писателей России (1993). Живёт в Волгограде.

4 января – 65 лет назад родился поэт Александр Михайлович Большаков (4.01.1954, г. Муром Владимирской обл. – 30.08.2011, г. Суздаль Владимирской обл.). Окончил Владимирский педагогический институт (1978). Работал в Димитровграде на автоагрегатном заводе (2000 – 2001), был вице-губернатором

и заместителем председателя правительства Ульяновской области (2005 – 2008). Публиковал свои стихи в ульяновских газетах. Автор книги «Пришёл к поэзии я свататься...» (2008). Зверски убит грабителями в своём доме в Суздале.

8 января – 75 лет исполняется литературному критику Вячеславу Михайловичу Головку (р. 8.01.1944, пос. Северский Полевского р-на Свердловской обл.). В 1974 – 1976 годах – старший преподаватель Ульяновского педагогического института. Работает заведующим кафедрой истории русской и

зарубежной литературы Ставропольского государственного университета. Автор около 300 научно-художественных и литературно-критических изданий. Член Союза российских писателей (1997). Лауреат Литературной премии им. М.И. Цветаевой (2007).

13 января – 120 лет со дня рождения кинорежиссёра и сценариста Льва Владимировича Кулешова (13.01.1899, г. Тамбов – 29.03.1970, г. Москва). Снял около 20 кинофильмов, написал сценарии к пяти фильмам, в т.ч. «На красном фронте» (1920), «Саша» (1930), «Горизонт» (1932), «Великий утешитель» (1933). Был в Ульяновске летом 1941 года,

снимал в селе Белый Яр Чердаклинского района кинофильм «Клятва Тимура». Охотился на уток и куликов в пойме Волги, наблюдал здесь северное сияние. Народный артист РСФСР (1969).

14 января – 30-летний юбилей отмечает поэтесса Мария Юрьевна Богдан (р. 14.01.1989, пос. Южно-Морской Приморского края, ныне в черте г. Находка). Окончила филологический факультет Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова. Публиковалась в

сборниках «Стихи по кругу», «Гончаровская беседка», журнале «Симбирск» и др. Автор сборника стихов «Звёзды на ладони» (2017). Лауреат поэтической премии им. Н.Н. Благова (2018). Член Союза писателей России (2018). Живёт в Ульяновске.

16 января – 215 лет назад родился помещик, знаток псовой охоты, литератор Пётр Михайлович Мачеварианов (16.01.1804, д. Каменка Саратовской губ., ныне не существует – 3.06.1880, с. Липовка Ардамовского у. Симбирской губ., ныне Сеченовского р-на Нижегородской обл.). По другим дан-

ными, родился в 1799-м, 1807-м или 1808 году. Жил в своём симбирском имении. Избирался гласным Симбирского губернского земского собрания, не раз бывал в Симбирске. Автор книги «Записки псового охотника Симбирской губернии» (1876).

17 января – 135 лет назад родился поэт Сергей Митрофанович Городецкий (17.01.1884, г. С.-Петербург – 7.06.1967, г. Обнинск Калужской обл.). Автор книг «Перун» (1907), «Русь» (1910), «Серп» (1921), «Грань» (1929), «Думы» (1942) и др. Был в Симбирске в начале 1920-х годов, провёл в школе ликбеза

занятия по поэтическому мастерству с местными молодыми литераторами. В октябре 1941 года проезжал через станции Инза, Базарный Сызган, Барыш и Кузоватово в «писательском» поезде, отправляясь в эвакуацию из Москвы в Ташкент.

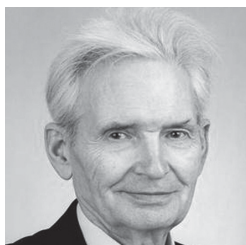
17 января – 45-летний юбилей отмечает поэтесса Елена Юрьевна Власенко, творческий псевдоним – Алёна Сократова (р. 17.01.1974, пос. Глотовка Инзенского р-на Ульяновской обл.). Окончила Ульяновский педагогический университет им. И.Н.Ульянова (1998). Работает

ведущим редактором научного издательства в Москве. Автор поэтических книг «Слёзы и звёзды» (1998), «Бабье лето» (2008), «Переключки» (2009, в соавторстве), «Антизолушка» (2010), буклета «И солнце с кисти брызнет...» (2009). Член Союза писателей России (2006).

18 января – 75 лет назад родился писатель и философ Юрий Владимирович Линник (18.01.1944, г. Беломорск Карело-Финской ССР, ныне Республика Карелия – 5.05.2018, г. Петрозаводск). Автор нескольких десятков книг стихов и прозы, в т.ч. «Прелюдия» (1966), «Нить» (1973), «Книга природы» (1978),

«Аура» (1995), «Троица» (2004). Много лет подряд приезжал в Ульяновск, выступал с докладами на Любимцевских чтениях. В апреле 2003 года посетил Ундоровский палеонтологический музей. Член Союза писателей СССР (1970).

19 января – 90 лет со дня рождения архитектора и краеведа Бориса Васильевича Аржанцева (19.01.1929, г. Сызрань Средневожской, ныне Самарской обл. – 27.01.2007, г. Ульяновск). Окончил Куйбышевский инженерно-строительный институт. С 1965 года жил и работал в Ульяновске. Автор книг «Архитектурная летопись Симбирска» (1994), «От Нищего до Воеводы, или Кто есть кто в Симбирске второй половины XVII века» (2002), «Симбирская ветвь родословной России. Инза» (2005) и др. Член Союза писателей России (2004).

тектурная летопись Симбирска» (1994), «От Нищего до Воеводы, или Кто есть кто в Симбирске второй половины XVII века» (2002), «Симбирская ветвь родословной России. Инза» (2005) и др. Член Союза писателей России (2004).

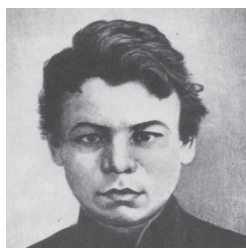
22 января – 80 лет назад родился писатель Геннадий Иванович Дёмин (22.01.1939, Оренбургская обл. – 10.10.2010, г. Ульяновск). С 1943 года жил в Ульяновске. Окончил Литературный институт имени А.М. Горького (1971). Работал в областных газетах, в пресс-службе администрации Ульяновской области.

Автор сборников рассказов «Перекрой судьбину» (2005), «Отходчивые сердца» (2008). Член Союза журналистов и Союза писателей России. Возглавлял Ульяновскую организацию Союза писателей России в 2006 – 2008 годах.

22 января – 50-летний юбилей отмечает прозаик Максим Иванович Малявин (р. 22.01.1969, г. Ульяновск). Окончил школу №8 в Ульяновске (1986), Самарский медицинский университет (1994). Живёт в городе Тольятти, работает в местном психоневрологическом диспансере. Автор книг «Записки психиатра, или Всем галоперидолу за счёт заведения» (2012), «Психиатрию – народу! Доктору – коньяк!» (2013), «Укол повелителю галактики, или Психиатрический анамнез» (2015), «Психиатрия для самоваров и чайников» (2018) и др.

атра, или Всем галоперидолу за счёт заведения» (2012), «Психиатрию – народу! Доктору – коньяк!» (2013), «Укол повелителю галактики, или Психиатрический анамнез» (2015), «Психиатрия для самоваров и чайников» (2018) и др.

27 января – 130 лет назад родился чувашский поэт, прозаик и публицист Тимофей Семёнович Семёнов, творческий псевдоним – Таэр Тимкки (27.01.1889, с. Кошки-Шемякино Буинского у. Симбирской губ., ныне Буинского р-на РТ – 8.12.1917?). Учился в Симбирской чувашской школе, в 1905

году за участие в революционной демонстрации был исключён и сослан в Нарымский край. Перевёл на чувашский язык «Интернационал», «Варшавянку». Автор книг «Стихи и рассказы» (1944), «Песня славной смерти» (1970), «Мысль» (1989).

200 лет со дня рождения поэта Алексея Ермиловича Разорёнова (1819, с. Малое Уварово Коломенского у. Московской губ. – 3.02.1891, г. Москва). Из крестьянской семьи. В 1890 году по просьбе А.А. Коринфского написал автобиографию, в которой указал, что проживал в Симбирске. Содержал мелочную лавку в Москве. Публиковался в периодических изданиях. Написал слова популярных песен и романсов «Не брани меня, родная», «За грибами в лес девицы...», «Родные звуки», «Рассвет» и др. Автор сборника стихотворений «Грёзы» (1896).

170 лет назад родился поэт и журналист Николай Васильевич Симборский (1849, с. Заборовка Сызранского у. Симбирской губ., ныне Сызранского р-на Самарской обл. – 5.03.1881, г. Тбилиси). Учился в Казанском и Московском университетах. Не раз бывал проездом в Симбирске. Много стихотворений посвятил Волге: «Степан Разин», «На Волге», «Атаман Груня» и др. В 1870-х годах публиковался в журналах «Пчела», «Будильник», «Неделя», в газете «Русское обозрение». Был редактором журнала «Фаланга» (1880).

Много стихотворений посвятил Волге: «Степан Разин», «На Волге», «Атаман Груня» и др. В 1870-х годах публиковался в журналах «Пчела», «Будильник», «Неделя», в газете «Русское обозрение». Был редактором журнала «Фаланга» (1880).

130 лет со дня рождения журналиста и литератора Валентина Ивановича Алмазова, псевдоним – Разумовский (1889, Симбирская губ. – 17.03.1921, г. Берёзов Тюменской губ., ныне пос. Берёзово Ханты-Мансийского округа). Учился в Симбирской духовной семинарии. Был исключён за организацию беспорядков, выслан на два года в Вологодскую губернию. По возвращении в Симбирск работал редактором газеты «Волжские вести». В 1917 году был избран от Симбирской губернии в Учредительное собрание. Расстрелян чекистами в Сибири.

115 лет назад родился татарский писатель Абдулла Иматович Уразаев, литературные псевдонимы – Вил Уразай и Абдулла Вильдан (1904, с. Абдуллово Ставропольского у. Самарской губ., ныне Чердаклинского р-на Ульяновской обл. – 1984, г. Ташкент Узбекской ССР). Окончил медресе в Мелекесе (1918), учительские курсы в Симбирске. Жил в Ташкенте, работал директором крупных издательств. Переводчик татарской литературы. Автор книги «Секретный шалаш» (1927). Заслуженный работник культуры Узбекской ССР.

ПРОЗА

ЮБИЛЯРОВ ЯНВАРЯ

Даниил ГРАНИН (1919 – 2017)

У ОКНА *(новелла)*

Я стоял у окна вагона, бесцельно глядя на бегущий мимо пейзаж, на полустанки и маленькие станции, дощатые домики с названиями чёрным по белому, которые не всегда успевал прочитывать, да и зачем. Поля, перелески, столбы, волны проводов, стога сена, кусты, просёлки – и так час за часом. Рядом, у следующего окна, стоял мальчик. Он смотрел неотрывно. Мать позвала его в купе, он схватил бутерброд и снова прилип к стеклу. Она пробовала усадить его к окну в купе, но он не согласился. Здесь, в коридоре, ему никто не мешал, он был безраздельным хозяином своей подвижной картины. Я уходил, разговаривал со своими спутниками, возвращался и заставлял его в той же позе. Что он там высматривал, как ему не надоело, ведь это было совершенно бесцельное зрелище, не то что экран телевизора. Теперь я смотрел не в окно, а на него. Кого-то он мне напоминал. Ну, конечно, та же поза, те же грязноватые стёкла. Они-то и помогли мне вспомнить мои детские путевые бдения. С той же жадностью и я ведь простаивал часами перед теми же стеклами, замороженный мельканием путевых картин. Оттуда, не из близи, несущейся навстречу, а из далей еле плывущих, почти недвижимых пространств, из лесной каймы на горизонте, серых туманных полей возвращались устремлённые к ним детские мечтания. В тех смутных, расплывчатых картинах я был путешественником, был охотником и одновременно медведем, был журавлём, шагающим по болоту... Бесконечная смена берёзок, елей, лесных проталин, деревень, пашен – и снова лес, просеки, изгороди – всё это тогда почему-то не усыпляло, а возбуждало воображение. Я растворялся в огромности этой земли, она входила в сознание, откладывалась на всю жизнь. Спустя десятилетия у окна поезда, постукивающего по рельсам Германии, а то и Китая, где каждый клочок обработан, откосы железнодорожных насыпей сплошь засеяны, в моём восприятии присутствовали впитанные детской душой просторы, эти стояния у окна.

Вдруг в бесформенной зыбкости воспомина-

ний, глядящих из закатного окна, обозначилось что-то. Это был мужик, огромный, в жёлтой рубашке, с колом в руках. Смутно вспомнился станционный палисадник, несколько телег, лошади с холщовыми торбами на мордах. Но всё это: и привокзальная площадь с деревянными мостками, перрон, станционный колокол – всё было как бы задником, а впереди, поднимая кол, мужик бежал за пареньком, который, прикрыв голову руками, мчался вдоль перрона по ходу поезда. Он бежал, прихрамывая, лицо его было обращено к вагонам, на какой-то миг глаза наши встретились. Ужас был в его взгляде, крик о помощи, а перрон был пуст, мне показалось, что я единственный человек, единственный свидетель, которого он увидел; я наклонился к краю рамы, но в окно уже вошли огороды с чучелами, шлагбаум, и станция исчезла, как исчезали все другие станции. Догонит ли его этот с колом, убьёт, что будет с ним, за что он его так – ничего этого я никогда не узнаю. Помню свое отчаяние, которое росло оттого, что поезд не останавливается, мчится всё дальше, а там, может, парня догнали и бьют, убивают, и никто этого не видит, не знает, и я не могу никого позвать, показать. Кажется, я действительно закричал, побежал к отцу, который играл в карты в купе, никто ничего не понял из моих объяснений, и я понял, что ничего не могу им объяснить. Кажется, так оно было, но с уверенностью не могу сказать, да и какое это имеет значение. Значение же имели огромные глаза этого паренька, мужика того я узнал бы, а от парня остался только ужас, заполнивший всё окно, и невозможность вмешаться, помочь, закричать. И опять пошли перелески, колыхания проводов, песчаные тропки в зелёной траве, голубые поля льна, серебряные – овсов, красные – гречихи, золотистые – ржи, сизые – капуста, ельники, клевера, рыжие стада – огромный мир, который заботливо старался смыть ту случайную картинку. Она затерялась в памяти. Но сейчас, глядя в такое же пыльное, в грязных потёках окно, я с завистью вспомнил своё мальчишеское отчаяние.

Василий ПОДГОРНОВ (1929 – 1963)

СТАРЫЕ ДРУЗЬЯ (отрывок из книги «Тропинки в волшебный мир»)

Лес, в котором стояла пасека, одним своим краем подходил к самому селу, и ребятишкам в этом лесу было раздолье. Весной, когда сойдёт снег, ребята целыми днями пропадают здесь. Придут из школы, выучат уроки и до позднего вечера бродят по лесу. Особенно нравилось им в лесу ранней весной. Кругом серо. Туго спрессованный снегом прошлогодний лист лежит под ногами ровно, как мягкий ковёр, вытканый из разноцветных ниток. Из лесных болот и низин бежит по буеракам вода, медно-красная, как круто заваренный чай. Греет своими лучами солнце, и кругом такой пьянящий весенний запах земли и лесной прели, что от непривычки кружится голова. Так бы, казалось, и прожил всю жизнь в этом весеннем лесу.

Из тёплых стран летят птицы, и такие они устраивают на деревьях концерты, что заслушаешься. По лесным полянам и просекам крупными ярко-жёлтыми шапками цветёт горчица. Издали эти цветы и вправду будто горят, такие ярко-жёлтые у них лепестки. По оврагам желтеет золотистая мать-и-мачеха на мясистом чешуйчатом стебле. Всюду синее медуница. На высоких ножках стоят бело-снежные, с голубоватым отливом, подснежники. А пройдёт неделя, и как-то вдруг неожиданно брызнут берёзки нежной зеленью. У берёз это всегда бывает неожиданно: встанешь утром – ничего нет, а посмотришь к вечеру – зазеленели берёзки. Бывает и наоборот. Вечером ничего нет, а утром уж зеленеют. Это если ночь тёплая выдастся.

В один из тёплых весенних дней гуляли ребята по лесу и напали на огромную старую липу. Привлекла их, собственно, не липа, хотя и была она по величине редкая в этом лесу, а гнездо на верхушке. Судя по размерам, оно принадлежало какой-то большой птице. Кто-то из ребят кинул палку, и с гнезда слетел ястреб-тетеревятник. Его-то ребята

хорошо знали. Не один десяток кур и цыплят перетаскал он из села за прошлое лето.

– Ага, голубчик, вот ты где устроился со своим семейством! – закричали ребята своему знакомцу. – Сейчас твоё гнездо полетит на землю.

В этом ребята не сомневались. Был среди них один паренёк, Ваня Курочкин, который ни от одного гнезда не отступится, на каком бы высоком дереве оно ни было. Ваня малорослый, но очень цепкий, и ему ничего не стоило забраться на любое дерево.

Ваня быстро сбросил с себя пиджак, разулся и полез. Но липа была очень толстая, а зацепиться не за что. С большим трудом ребятам удалось посадить Ваню до первого сучка. Все были уже уверены, что теперь гнездо пернатого хищника в их руках, как вдруг Ваня дико закричал и кубарем скатился на землю.

– Там пчёлы! – сквозь слёзы сказал он. – Меня одна прямо в нос укусила.

Он зло посмотрел на то место, где вились пчёлы, и, сев на землю, стал тереть ужаленное место.

Тут и все увидели пчел. Маленькие чёрные насекомые то и дело сновали около круглого отверстия, или сделанного дятлом, или образовавшегося от выпавшего сучка. Видимо, в середине липы было дупло, и там они жили.

Нос у Вани быстро надулся, и вскоре самого Ваню уже трудно было узнать. Заплыли даже глаза.

Ребята поняли, что до ястреба им теперь не добраться, и стали обсуждать, как им быть. Гнездо нужно было во что бы то ни стало уничтожить. Решили сбегать к своему старому приятелю – колхозному пчеловоду деду Никите и всё ему рассказать. Пускай он сначала заберёт пчел, а уж потом они сами расправятся с хищной птицей.

Колхозная пасека стояла недалеко за озером, и ребята всей гурьбой отправились туда.

Владимир ПЕРШАНИН (р. 1949)

КОМАНДИР ШТРАФНОЙ РОТЫ (отрывок из романа)

Чамзинка – село небольшое. До станции Инза двадцать пять километров дороги, петляющей по лесу и холмам. До семидесятых годов проехать эти двадцать пять вёрст было проблемой. Чернозём, раскисая в апреле, а потом обильно политый весенними дождями, превращал дорогу в такое месиво, что от станции до села добирались порой целый день. Впрочем, до войны эта проблема остро не стояла. По всей округе едва набиралось полдюжину полуторок и единственная трёхтонка ЗИС-5, на которые каждый раз сбегались смотреть и дети, и взрослые.

Весь транспорт был гужевой. Лошадки терпеливо тащили по грязи, по глубоким колеям, смёрзшимся буграм и сугробам груз на станцию: зерно, картофель, лес. Назад чаще всего возвращались пустые, разве что земляки из района подсаживались. Деревню шибко не баловали. Вместо денег шли

палочки-трудодни. С какими трудностями копил я деньги на балалайку и модную красную рубашку! По медякам собирал, а ведь работал в колхозе как взрослый, с четырнадцати лет.

Музыканта из меня не получилось. Не оказалось музыкального слуха – слов совершенно непонятных. Как я считал, пел я неплохо. Орал вместе со всеми частушки, одну из которых запомнил. Сейчас бы её назвали похабной, но в конце тридцатых годов она считалась остроумной и даже весёлой:

*Как в Зареченском колхозе
Девоч ваят на навозе,
Их там мнут, они визжат,
Брызги в стороны летят.*

Пели, конечно, и хорошие песни: «Катюша», «Поедем, красotka, кататься» и многие другие. Оглядываясь на себя, шестнадцатилетнего, кудрявого, крепко сбитого мальчишку, вспоминаю, что неко-

торые девушки были не прочь со мной дружить. Но я отчаянно завидовал гармонисту и балалаечникам. Кто-то пообещал мне сделать самодельную балалайку, надо только длинных волос у лошади из хвоста надёргать.

Вылазка за конским волосом едва не закончилась для меня трагически. Кобыла на колхозной конюшне, считавшаяся более смиренной, чем другие, так уделала копытом в плечо, что я отлетел метра на три. Повезло, что не разбила челюсть или ключицу. Недели две сходил с плеча огромный синяк. Да еще от отца вожжами досталось.

На балалайку где-то за полгода я денег всё же накопил. Вместе с дружкой отправились в Инзу, где долго выбирали инструмент покрасивее. Принёс домой. Радовался не меньше, чем сейчас радуются парни новой дорогой автомашине. Но с учёбой не заладилось. Научился кое-как тренькать «Светит месяц», и на этом всё. Не было этого чёртова музыкального слуха, хоть лопни! Балалайку положили в дальний угол, а спустя время моя мама, Ульяна Ивановна, её продала и купила мне красную рубашку.

Хотя мои воспоминания о Великой Отечественной войне, я хочу хоть вкратце рассказать о последних предвоенных годах. О жизни деревни, в которой жил я, моя многочисленная родня и были похоронены несколько поколений предков. Отец у нас был строгий, бездельников не терпел. Не считая дел по дому, возни с огромным огородом, сенокосом, заготовкой дров, все дети, начиная с четырнадцати, уже где-то работали. В том числе и обе сестры. Может, поэтому и не голодали, хотя еда была простая. Мясо ели зимой, да и то по праздникам и воскресеньям. А в остальное время очень редко: если овца захромает или несущие срок приспел. Варёную курицу съедали целиком от головы до лапок.

Основная еда: картошка, гороховая или пшённая каша, молоко, хлеб. Налого платили большие, и молока не хватало, не говоря о сметане или масле. Но главной едой в моей родной Ульяновской области считалась, да и сейчас считается, картошка, которая даёт богатые урожаи. Ели её вареной, гораздо реже – жареной. Лакомством считалась картошка, томлённая в русской печи на молоке с хрустящей корочкой сверху. Очень вкусным был домашний ржаной хлеб, печённый на капустных листьях, но и его доставалось далеко не досыта. Кстати, хлеба, как и многих других продуктов, в нашем сельмаге не продавали. Помню, как по весне мама пекла «пресняки» – пресные лепешки, густо нашпигованные зелёным луком и кусочками варёных яиц. Пресняки считались лакомством. Но с началом войны в муку стали добавлять лебеду, липовые листья. Вкус у хлеба и пресняков был уже не тот.

Крепко выручали овощи. Огороды у всех были большие. Земля хорошая, давала богатые урожаи капусты, тыквы, свёклы, огурцов. Тыкву запекали большими ломтями в русской печи. Это было для нас сладкое блюдо, что-то вроде современных пирожных.

В нашем селе очень любили рыбу. Но до реки Суры было двадцать километров – большое расстояние по тем дорогам. Рыбаки продавали улов в ближних сёлах. До Чамзинки мало что доходило. А в мелкой речушке за селом ловились пескари да

голавли, чуть больше пальца. Но мы со старшим братом Фёдором иногда не ленились встать до рассвета и, когда везло, приносили на кукунах из ивовых прутьев, чтобы все видели, какие мы удачливые рыбаки, десятка три-четыре мелочовки. Как раз хватало на большую сковороду. Рыбёшка мелкая, и мать разбивала в жарёху несколько яиц. Получалось вкусно и сытно. Съедали до косточки, кошке мало что доставалось.

Слово «колбаса» для меня было незнакомо. Не хватало многого. Особенно сахара. Однажды родители привезли из города несколько килограммов сахара-песка и давали детям его буквально по крохам. Не в силах преодолеть соблазн, я заползал под кровать, где в нескольких мешочках, завязанных на хитрые узлы, хранился сахар, и не рискуя развязывать их, сосал, как сладкие леденцы, уголки мешочков. Если бы поймали, досталось бы крепко!

Помогал лес. На зиму, по особому рецепту, солили в бочках грузди, лисички. Рецепт был старинный. Грибы не варили, а, хорошо отмочив, пересыпали солью, клали листья смородины, и грибы доходили до готовности около двух месяцев. Вкусная штука! Обычно в каждой семье в погребе стояли по две-три бочки грибов. Белые грибы, подберёзовики, маслята сушили связками. Их часто привозят в Волгоград из ульяновских деревень, и я всегда узнаю эти связки.

В лесах всегда хватало орехов и ягод: особенно земляники и малины. Но делать варенье возможности не было – сахара не найти. Однажды деды прослышали, что на севере клюкву или морошку замачивают в воде. А урожай малины в тот год был очень богатый. Вёдрами таскали малину в погреб и заливали её в бочках водой. Конечно, через несколько дней она пропала. Вот жалость была!

Старший брат Фёдор лет с пятнадцати крепко увлёкся охотой. Всё свободное время проводил в лесу. Вначале его гоняли:

– Навоз не убран, а он с берданкой шатается.

Но Фёдор очень метко стрелял и почти каждый раз приносил зайца, иногда – двух. Мать тушила зайчатину в чугунке со свиным салом и картошкой. Фёдора стали хвалить. Даже вместо старой берданки 32-го калибра, из которой в любую дичь попасть трудно, купили одностволку 16-го калибра. Фёдор стал брать на охоту и меня, и я тоже со временем научился неплохо стрелять из берданки. Правда, дичи добывал гораздо меньше, чем Фёдор.

Слабенькое и старое у меня было ружьёцо. В узких латунных гильзах помещался десяток самодельных дробинок. Но шишки с сосен я сшибал довольно точно, раза два сбивал даже тетеревов, добыл несколько зайцев. Может, позже это помогло мне метко стрелять из боевой винтовки и пройти отбор в снайперскую школу.

Места, где я родился и вырос, можно назвать глухими. Много в селе было неграмотных. Об электричестве только в газетах читали. Некоторые, уже взрослые люди, железной дороги не видели. Словом, много чего не знали мы, с чем были хорошо знакомы городские жители. Но в моей памяти деревня тридцатых-сороковых годов, хотя и бедная, плоховато одетая, мало читающая, имела веками накопленный разумный подход ко всему. Иначе бы не выжили.

Вот простой пример. Мои уцелевшие друзья-фронтовики откровенно признавались: «Война нас сильно попортила. Пить водку научила...». А ведь это верно. В деревнях родной моей Симбирской губернии до войны пили мало: на праздники, по воскресеньям (да и то не каждое). Употребляли чаще всего брагу, настоящую на красной смородине, реже – водку. А самогон, его у нас называли «перегонка», гнали либо уж на совсем большой праздник, либо пьяницы, которых в деревне можно было пересчитать по пальцам. Почему так? Традиции, воспитание и, конечно, привычка к труду. Пьяницу-сына нещадно шпыняла вся семья, жена, издевались соседи. А когда начинали вспахивать, засеивать огромные огороды, шли на колхозный покос, себе для скотинки участки косили да работали на уборке, всем было наплевать, с похмелья ты или нет. Хоть падай, а работай. Или сбегай из села. Ищи городского счастья, где тебя никто не ждёт.

Мои земляки трезво видели сильные и слабые стороны колхозов и советской власти. Конечно, к колхозам из-за нищей оплаты, уравниловки, почти крепостной зависимости от местных властей относились в основном отрицательно. Но и признавали, что от голода никто не помирал. Даже в самые неурожайные годы люди знали, что умереть им не дадут. Я не беру коллективизацию, тупое раскулачивание, о котором мало что знал, а вспоминаю период, когда в тринадцать-шестнадцать лет что-то уже соображал, то бишь в тридцать восьмом – сорок первом годах.

Многие в селе охотно читали газеты. Пусть урезанные цензурой, как вся тогдашняя печать, порой просто брехливая, но всё же окошко в большой мир, где руководит страной великий Сталин, на Кубани собираются сказочные урожаи, а япошкам на Халхин-Голе так намылили шею, что удирали без оглядки.

Кому-то покажется сусальной такая картина. На ступеньках сидит мой отец Александр Афанасьевич и читает вслух газету, а вокруг пять-шесть человек соседей слушают, обсуждают. Кстати, отца за грамотность и авторитет среди сельчан назначали (или избирали) раза два председателем сельсовета. Он привил мне и старшему брату Фёдору, проработавшему после войны много лет начальником почты, любовь к чтению. В пятидесятых годах, проходя службу на Дальнем Востоке, мы с офицерами обсуждали роман Алексея Толстого «Гиперболоид инженера Гарина». Многие под влиянием прошедшей войны воспринимали гиперболоид как реальное, мощное оружие, возможно, где-то применявшееся.

Я любил приключенческие, военные книги с детства. Жюль Верна, Луи Буссенара с его бессмертным «Капитаном Сорви-голова», Аркадия Гайдара. А мой брат Фёдор с женой, преподавательницей русского языка и литературы, собрали после войны целую библиотеку журнала «Роман-газета», которую перечитали многие друзья и соседи.

Мой дед, Афанасий Александрович Першанин, великолепно вырезал из дерева. Годов до семидесятых сохранилась метровая, тщательно вырезанная из липы, покрытая лаком фигура Степана Разина с орлом в поднятой руке. Одно крыло у орла отло-

милось, и статуя пошла трещинами, но работа была мастерская.

Война пришла, как и для большинства наших людей, неожиданно. После недавнего сообщения ТАСС о том, что у нас с Германией мир и дружба, в первые часы 22 июня царил неразбериха. Моя бабка утверждала, что на какую-то страну напал Сталин. Что, впрочем, неудивительно после «победоносных походов» на Западную Украину, Белоруссию, захвата Прибалтики. Кто-то высказывал другие версии, но в двенадцать часов дня речь Молотова поставила всё на свои места. Гитлер напал на Советский Союз!

Мне было шестнадцать. Как и многие ровесники, я рвался на фронт. Не сомневался, что мы победим. Комсомолец, ворошиловский стрелок! Молодёжь верила в быструю победу. Воспитанные на романах и фильмах «Если завтра война», «Первый удар», мы представляли войну такой, какой нам её показывали. С лубочными толстыми фашистами, в рогатых касках, которых мы сметём нашими мощными танками, самолётами, лавиной конницы, а немецкий пролетариат нам поможет.

Между тем, уже много позже, обе бабушки и мать рассказывали мне, что слухи о будущей войне тайком ходили среди старшего поколения с весны сорок первого. Потихоньку запасались солью, спичками, мылом. Запаслись бы и сахаром, да его не было. В июне в окрестные сёла приехали несколько семей с приграничных краёв. Напуганные, они помалкивали, но близким родственникам рассказывали:

– Гитлер такую огромную армию у границы собрал!

Повестки стали разносить уже в первый день войны. И потянулись рано утром в понедельник 23 июня похмелившие, крепко на взводе, мужики на станцию Инза. Что там двадцать пять километров да под гармошку. Водка, сало, варёные куры, яйца. Пей, Никита! Наяривай, Иван! Расшибём фашистскую курву!

Я тоже в тот понедельник рано проснулся. Дядьку, ещё кого-то из родни провожал. Женщины кричали, плакали. Такой вой стоял, жуть. О столбы головой бились. Матери, жёны сразу почувствовали, что никто из тех июньских призывников домой не вернётся.

В конце июня ушёл на фронт старший брат Фёдор, а спустя месяц – отец. Дом сразу опустел. Из мужиков дед Афанасий да я остались. Что про сорок первый и сорок второй сказать? Работа от темна до темна в колхозе да ещё семейное хозяйство тянули. Разумеется, как и везде, без выходных. Уставал страшно. Особенно на полевых работах, уборке, ковошице, где по пятнадцать-шестнадцать часов работали. На возраст не смотрели.

Жили событиями на фронте, ждали писем от брата и отца. Фёдор воевал под Ленинградом. Отца перекидывали с места на место, хоть и возраст за сорок. Раза два был ранен. Фёдора тоже ранили, но писал он о себе скупно. Главное – оба живые.

Весной сорок второго уже крепко давал о себе знать голод. Сильно урезали хлебные нормы, даже картофеля не хватало. Весной на колхозных полях собирали остатки небурной мёрзлой картошки,

которая годилась только на крахмал, и варили кисель. Конечно, без сахара. В лучшем случае, с молоком. Некоторые женщины из особенно бедных семей ходили по ночам на скотомогильник. Отрубали куски мяса подошедших от голода лошадей. Долго варили жесткое, жилистое мясо и кормили всю семью.

А уж как обходились в сорок третьем и сорок четвёртом годах – не знаю. Тогда голод повсеместно

царил. А с колхозного поля попробуй горсть зерна или пару картофелин унести! Тогда по мелочи не разменивались. Пять или десять лет лагерей. Но это уже было без меня.

В середине декабря 1942 года, в самый разгар боёв под Сталинградом, после очередного заявления, я ушёл добровольцем в армию и был направлен в учебный полк недалеко от города Инза...

Пётр МАЧЕВАРИАНОВ (1804 – 1880)

ЗАПИСКИ ПСОВОГО ОХОТНИКА СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ (отрывок)

Кроме осенней езды по чернотропу, охотники ездят по пороше. Езда эта бывает двоякая; с гончими, если они гоняют, по белой тропе (т. е. по снегу), и в наездку – по следу зверя. С гончими можно ездить на волков, лисиц и зайцев; а по следу волков не съезжают, потому что волк исходит в одну ночь вёрст 20-30 и более и всегда уведёт или в лес, или в непроездные овраги.

Волчий след так и называется след, лисий – нарыск, заячий – малик...

Беляк зимою весь бел, как снег; только имеет чёрные окрайки на верху ушей. Попадаются чрезвычайно редко, как сказано выше, совершенно чёрные, живущие около болот.

Тумак происходит от смешения русака с беляком: но в описании наружности и отличительных признаков тумака все охотники разногласят. Одни говорят, что он совершенный русак, но не имеет чёрного пятна на поверхности цветка; другие – что он совершенный беляк, только с тёмным ремнём по спине и с чёрным пятном на цветке. По моему мнению, С.Т. Аксаков вернее всех описал наружность тумака: «Тумак сохраняет все отличия русака от беляка, только в слабом виде: желтизна на груди и брюхе едва заметна, ремень на спине узок, без завитков, и цвет его не ярк, не пёстр, а сизовато-сер».

Травля зайцев: островная – с гончими или кричанами, в наездку – по чернотропу и по пороше известна всем охотникам и неохотникам, но и тут столичные «спортсмены» проповедуют свои превратные правила «курам на смех»: они пишут, что при езде с гончими борзятники становятся в самой опушке – задом или передом к острову (!). Кто становится в опушке, того охотники называют, в укор, опушником, и о нём говорят, что он опушничает, шкурятничает. Кроме того, чтоб обнять взглядом какой-нибудь большой предмет, я думаю, не утыкаются в него носом и смотрят не затылком, а глазами. Так и здесь: чтоб обозреть всю опушку острова, должно становиться на дальнейшее расстояние. Дельные охотники всегда становятся в поле, или к другому острову на известном расстоянии, которое определяется, смотря по местности, практикой, опытом и степени резвости собак.

Лучшею порошею при езде на русаков считается, когда с вечера пойдёт тихий, сырой снег хлопьями, перестанет к полночи или к двум часам. Но во всяком случае, чтоб снег не был глубок. Если выпадет на вершок – пороша называется мелкою, на два – хорошею, на четверть – глубокою, а если глубже,

то пороша называется мёртвою. В такое время истинный охотник на русака не поедет, а ездят только шкурятники, потому что зайцу бежать нельзя: тут не травля, а давка.

Съезд русака по малику бывает тоже втроём: но только фланговые равняются со съезжающим саженом на 60, отдаваясь вперёд от линии равнения не более как саженом на десять или на пятнадцать.

За охотником более двух собак быть не должно. Если русак побежит налево, то правый фланговый собак не сбрасывает; так точно – если побежит направо, то левый фланговый не спускает собак со своры; а травить всеми – эта езда была бы та же давка. Ездивши в порошу по степям и открытым полям, мы, степные охотники, более одной собаки в свору не берём.

Если малик идёт небольшими прыжками, то значит, что заяц недалеко отошёл от старого логова и отправился на жиры, т. е. кормиться, и, следовательно, проводит вас долго и далеко. По жирам ездить не следует, а нужно их объехать кругом и, как только наедете на выход с жиров на машках аршина в три, поезжайте этим маликом; если же выхода нет, то заяц лежит в жирах. Если русак идёт трехаршинными машками, то это значит, что он идёт уже с жиров к логову. Если прыжки его более четырёх аршин, то заяц гонный, т. е. что его кто-нибудь уже согнал с логова.

Когда малик двойной, т. е. зад с передом (от вас и по тому же следу к вам), то говорится: заяц сдвоил, и этот двойной малик называется двойка, тройной – тройка. Если русак делает двойку с своего направления в сторону – это называется петля. При таких маликах будьте осторожны и внимательны, потому что русак на двойке или тройке ставит все четыре лапы вместе и делает прыжок в сторону сажени на две и более, что выражается глаголами скинул, сметнул или существительными скидка, сметка. Если после такой скидки русак иногда поведёт опять мелкими прыжками, то он пройдёт ещё немалое расстояние; но если он сделает несколько скидок – одну за другой в разные стороны, – логово его тут.

В тёплую порошу русак ходит очень мало и подпускает близко; в мёртвую – или совсем не встаёт, или поползает только около своего старого логова. В морозное же время русак исходит вёрст пять и более, и в это время он бывает чрезвычайно чуток и будок – вскакивает далеко...

Геннадий ДЁМИН (1939 – 2010)

СЕРДЦЕ МАТЕРИ

Поняв, что перед ней благодарный слушатель, старушка разговорилась:

– Уж как я радовалась-то, когда мне сына выучить удалось. После председателя первым в колхозе стал – за всю скотину в ответе, шутка сказать... А ведь ох как нелегко было на ноги его ставить. Муж мой не выдюжил в голодный год: квёлый был, болезни его трепали... Совсем мальцом Иван без отца остался. Как удалось нам с ним выжить – одному богу известно. Бывало, шабры спрашивают: «Чем живёшь-то ты, Пелагея, одни мощи остались? Сама-то хоть ешь сколько?». А где уж там: ежели бы я сама ещё ела – что же ему-то осталось бы... Кашу из коры себе-то варила...

Потому, поди, и вырастить-выучить мне его удалось, что после того голодного года нам с ним уже всё хорошо было, любая беда – не беда...

Нянчилась я с ним, правда, дышала на него. Потому что всё моё сердце в нём было... Не поверишь, я даже невесту ему сама подбирала, ей-ей... Приехал это он, значит, из своо училища, заступил на должность. С мужиками хоть куда – и прикрикнет, где надо, и посмеётся с ними, баб тоже мог где шуткой, где крепким словом работать заставить. А как к девке подойдёт – всё! – на себя не похож, слова не найдёт сказать. От любой-каждой шарахался. Что делать? Парню двадцать лет, а он, чуть стемнеет, брык в кровать, и никакая его гармошка не разбудит...

Я перепугалась: неужто бобылём останется? А уж так надоела мне изба-то наша пустая: всю жизнь ведь мы с ним вдвоём только... Всё вдвоём да вдвоём. «То ли дело, думаю, сношка появится, а там и внучатки пойдут, как грибки». Нет, чудак-чудачок – шарахается и шарахается от девок. «Ты что, – спрашиваю, – большой разве, о женитьбе совсем не думаешь?».

«Да ну их, говорит, мама... Злые они все после, как жёнами станут...». Только я вижу – не в том его боязнь-то, а просто робеет он девок со всеми их штучками – и вся недолга. Ну, думаю, плохи, мать, твои дела. Иль так до смерти пустота в доме будет, иль окрутит твоего молодца какая лядащая вдовица...

И стала тогда я сама ему невесту искать. Отобрала про себя трёх девчат, что на выданье – кровь с молоком, ладные, пригожие и скромницы. Только мне этого мало. По утрам рано-рано стала я по какому-нибудь случаю к их матерям забегать: попросить сольцы или яичек под клушку подбросить. А сама во все глаза смотрю, как мои невестушки ото сна встают: не неженки ли, не растрёпы ли... А то есть другие со сна опухают страшной Бабы-яги, час-два за дело опосля сна приняться не могут – такая в них лень засела. Словом, выбрала я, наконец, девушку себе по душе. Самой на себя смешно было, а всё-таки делала я это все сурьезней сурьезного. Потихоньку-полегоньку раскачала Ивана, выведала, какая ему из сельских невест больше всего по душе-то. И надо ведь – моя Настюша и оказалась...

Тогда я к этой Настюше клинья подбивать. А чего там: все мои невестушки со своими мамками

догадались уже, зачем я стала к ним похаживать. И ни одна бы не отказала Ивану, я-то знаю. И тут не в его должности и трезвости дело. Просто он очень видным удался парнем и здоровым – не в пример своему квёлому отцу. Я сама дивилась, откуда дрожжи такие: голод перенёс в малолетстве. А он, будто назло всем голодовкам, в кряж пошёл. Вон вишь на фотографии. Скажешь, плох парень? Ну вот... Настюше я только намекнула, она вся загорелась как цвет маков... Трудно с девкой об этом говорить, но я шутя-шутя, а растолковала ей, что надо самой ей приручить Ивана. А уж я-то, мол, подмогу... Словом, как ни дичился парень, а сношка скоро в моей избе появилась...

...На улице за окном кого-то окликнули, перебив рассказ Пелагеи Семёновны. Старушка подошла к окну, посмотрела в темень и, ничего не увидев, попросила:

– Выйди, сынок, глянь, кто это звал? Может, меня...

Я вышел во двор, потом за калитку, посмотрел, насколько хватало глаз, в тёмную улицу – разглядел силуэт целующейся парочки.

– Целуются? Да я так и подумала – не меня, а тут вот всё ёкает, – показала на сердце. – Теперь уж редко мне это мерещится. А вот в первые годы после похоронной... Ой, бывало, сижусь-сижусь, а он, Иван, ходит круг двора-то. Я говорю, Настя, иди, взгляни – кто-то ходит, снег-то хрустит. Ходит... Она выглянет, вернётся: «Что ты, мам, там и следов-то нет...».

А мне нет-нет да вдруг снова покажется: ходит под окном кто-то. Он, Иван, ходит... Шабёр возвратился с фронта: «Ты что, говорит, тётя Паша, и не думай. Без вести пропавшие и те никогда не вернутся – или мина, или бомба в куски разорвала. А у тебя – похоронная... чего уж тут, не травми душу зря, успокойся...». Да я ведь головой-то всё это занимаю... А вот всё думается – до сих пор ночей не сплю...

...Я про Настю хочу досказать. Ошиблась ведь я с ней, видно. Нельзя, наверно, свадьбы вот так, с бухты-барахты делать и третьему в это дело вступать. Первый раз я подумала об этом, когда Ивана на фронт провожали. Мы с сыном всю жизнь беспечные были, никаких запасов не делали. Взяли его у меня в сорок первом, вместе с другими сосновскими на станцию увезли. Сгоняла я в центр, обменяла разного тряпья на полпуда муки, испекла хлеба. Поехали мы с Настюшей и другими бабами на станцию. Настя-то на сносях уже, тяжёлая была. Доехали мы до станции, поспрыгивали. Вот веришь, нет – не знай, под землёй я шла, не знай, по земле бежала: всё мутно, как во сне. Спрыгнула я с телеги-то, бегу, значит, с караваями-то, бегу, бегу... Обняла Ванюшу, говорю: вот, сынок, принесла тебе хлеба на дорогу. И семечек ещё купила тыквенных – уж больно он семечки любил сызмалу...

Говорю с ним – сама не знаю, о чём. А сердце ровно чуяло... Он ничего, а я реву, как на поминках, и перестать не могу. А он только: «Да ладно тебе, мама». И Настюшка не с ним прощается, а меня тормошит: «Да перестань ты, мама!». Как на станции

– я не очень помню, а вот дома она мне долго ещё выговаривала за это: от людей, вишь ли, ей стыдно было... Будто людям там только на нас смотреть: все ревмя ревели, всем беда наперёд виделась.

Плохо Настюша с Иваном простилась, хоть и дитя от него ждала. Но я подумала: может, стесняется, может, больная из-за брюхатости-то была, света вольного не видела от боли... Но и то правда, что с матерней любовью ни любовь жены, ни какая другая не сравнится. Хотя, конечно, и матери разные бывают. Вот наша Настя...

Родила она, значит, Коленьку, а вскоре мы эту распроклятую бумагу получили с чёрной полосой наискось... Не Коленька если бы – я жить не стала б. Нет, не стала... Он, Коленька, от дурной мысли спас: уж очень весь в отца – и лицом, и повадками. И стала я теперь внучка от голода спасать...

А Настю как-то на ферме увидела с безруким бригадиром – с госпиталя тока вернулся: смеются, играют... Больно мне на всё это смотреть было. Поэтому я ей прямо сказала: «Дело твоё молодое, женихов теперьчи мало – выходи, если возьмёт... Ты же не в меня, всё равно для одного сына жить не сумеешь, для себя жить потянет. Так что выходи, только Коленьку мне оставь».

Боялась я за Коленьку-то – отнимет, а что я без

него... Нет, оставила, вроде как даже с радостью – руки развязала. Вышла за одорукого бригадира, от него вскорости сына родила... К нам с Коленькой так, раз в год заглянет на полчаса. Не все мы, бабы, одинаковые... Есть и кукушки... Это мне вот сын до сих пор видится под окном... Да знаю, что не может быть ничего такого – не в сказке живём... А вот чудится. Не сплю частенько. Не сплю, а вижу его лучше, чем во сне. Теперьчи вот Николая нет-нет да прошу: «Выйди, внучек, вроде ветка хрустнула...». Коленьке-то моему уж скоро ого-го сколько стукнет – намного старше своего отца, а для меня всё равно внучек. Холостякует всю жизнь, не знай, почему...

...На улице давно уже метала громы и молнии первая весенняя гроза. Сильным порывом ветра сорвало с крючка одну из ставен, и она протяжно и громко закрипела. Пелагея Семёновна сразу оборвала рассказ, напряглась, насторожилась, всем телом подалась вперёд...

И вдруг показалось, что чудо очень даже возможно: распахнётся сейчас настезь дверь – и ворвётся в избу с широкой улыбкой Иван и, обняв старую мать, скажет виновато: «Прости, мама... Так уж вот оно получилось. На том свете был, да прогнали: кого любят на этой земле – не умирают...».

Максим МАЛЯВИН (р. 1969)

ДОКТОР, ГОЛОС!

Эта леденящая кровь история произошла много лет назад, когда я ещё студентом подрабатывал на скорой помощи одного из районов города Самара. Как правило, на каждой скорой любого района есть негласный, но общеизвестный список нелюбимых адресов. Наша подстанция тоже не была исключением. Своих героев, самых капризных и занудных пациентов, мы знали в лицо. Некая Прасковья Филипповна постоянно терроризировала нашу неотложку, с периодичностью до трёх-четырёх раз в день. Выезжая на её «плохо с сердцем», приходилось в итоге убеждать болезную, что плюс-минус пять миллиметров ртутного столба в показаниях её артериального давления – это физиологическая норма, что сегодняшнее аж девятичасовое отсутствие стула – это вовсе не признак каловых завалов, что кардиограмма вновь и в который раз не только инфаркта – даже аритмии-то не кажет. Ну и, естественно, учить наизусть географию и характер всяческих покальваний, бульканья, сжиманий и мурашек. Понятно, что от ипохондрика ждать чего-то иного не стоит, но когда эпидемия гриппа, бригады не вылезают из машин, а вызов на её адрес только за сегодня уже четвёртый...

Вот на четвёртом-то вызове Василич, доктор от бога, ветеран афганской, и не удержался. Душа просила хохмы. Оставив фельдшера на станции и пошушукавшись с диспетчером, отчего та сделала большие глаза и быстро-быстро закивала, он заявил народу в курилке:

– Спорим на коньяк, что Филипповна на этой неделе никого доставать не будет!

Ударили по рукам, и доктор поехал. Вернул-

ся он быстро. Через пять минут после его приезда в диспетчерской зазвонил телефон. Сняв трубку, диспетчер с минуту слушала, расплываясь в улыбке, кивала, а потом, нажав на рычаг отбоя, куда-то перезвонила. Коньяк Василичу проспорили, да ещё как! Никто с этого адреса не звонил месяца полтора. Василич и диспетчер молчали как партизаны, поэтому на НАКОНЕЦ-ТО поступивший от Прасковьи Филипповны вызов чуть ли не жребий бросали, кому ехать – до того любопытно было узнать подробности из первых уст.

Оказалось, что, открыв в прошлый раз доктору дверь, больная опешила: эскулап стоял на четвереньках и держал в зубах чемоданчик. Выдержав театральную паузу, он поставил чемоданчик на пол и четыре раза на неё гавкнул. После этого оборотень в халате повернулся и на четвереньках потрусил вниз по лестнице. Когда прошло замешательство, Филипповна позвонила в скорую вновь и пожаловалась, что доктор, гад, НА НЕЁ ЛАЯЛ. Диспетчер оказалась девушкой доброй и отзывчивой и пообещала прислать нормальных медиков.

Когда приехала другая бригада, «не в пример этим, все как на подбор, просто гренадеры!», врач участливо так спросил:

– Так вы говорите, на четвереньках стоял?

– Да, да!

– И даже, простите, лаял, как собака?

– Да, истинный крест!

Надо сказать, что за все полтора месяца пребывания в психбольнице сердечко у Прасковьи Филипповны не болело ни разу.

ПОЭЗИЯ ЮБИЛЯРОВ ЯНВАРЯ

Александр БОЛЬШАКОВ (1954 – 2011)

СТИХИ О БИМЕ

Ах, судьба моя затворница,
Так случилось, что теперь
Лишь собака-беспризорница
По ночам скребётся в дверь.

Лезет в душу хмарь осенняя,
А в глазах слезится грусть...
Хочешь, Бим, стихи Есенина
Почитаю наизусть.

Жизнь по-своему коверкала:
Оказалось, не с добра
Посмотрел в кривое зеркало
Шут кремлёвского двора.

В роще Карлинской бессонница,
И зачем, сам не пойму,
Здесь собака-беспризорница
Любит лаять на луну.

* * *

Безотцовщина проклятая,
Синяки подбитых глаз,
И вождя в овраге статуя
Была мостиком для нас.

В каждом времени свой почерк,
Трудно нам теперь понять,
Почему Сталиной дочек
Стали мамы называть.

Верили, как будто в чудо,
Плакали, как в месяц март,
И казалось, скоро будет
Счастье всем и без преград.

Для свержения кумира
Есть бульдозер и петля,
С криком «Майна!», свистом «Вира!»
Из-под ног ушла земля.

И тогда не понимал я
Смысла постаревших «изм»,
Пеленали в праздник мая
Кумачом патриотизм.

Безотцовщина проклятая,
Может быть, случится так –
Завтра снова чья-то статуя
Будет сброшена в овраг.

Мария БОГДАН (р. 1989)

* * *

Уносит ветер птичью стаю,
седеет мох на старом пне.
Тебя навеки заклиная:
«Ты будешь помнить обо мне».

В просторах солнечного зноя,
в чужой, неведомой стране,
ища уюта и покоя,
ты будешь помнить обо мне.

Поддашься радости обманной,
разгульной вольнице-весне,
но всё ж с тоскою очень странной
ты будешь помнить обо мне.

Пройдут года. Твои заботы
останутся в глубоком сне...
Когда с тобой случится что-то,
ты будешь помнить обо мне.

Не скрыться от судьбы безбрежной
ни на вершине, ни на дне.
Пройдут века. Но, как и прежде,
ты будешь помнить обо мне.

* * *

А. Ахматовой

Обманули зеркала,
память не простила.
Нет, не птицей ты была,
хоть и белокрыла.

Что-то я не узнаю
ни руки, ни взгляда.
Золотому янтарю
нынче я не рада.

Да в запутанных словах
много ль будет толку?
Прочитают – и впотьмах
уберут на полку.

Для того ли ты жила,
для того ль любила?
Нет, не птицей ты была,
хоть и белокрыла...

Сергей ГОРОДЕЦКИЙ (1884 – 1967)

БЕРЁЗА

Я полюбил тебя в янтарный день,
Когда лазурью светозарной
Рождённая сочилась лень
Из каждой ветки благодарной.

Белело тело, белое, как хмель
Кипучих волн озёрных.
Тянул, смеясь, весёлый Лель
Лучи волосьев чёрных.

И сам Ярила пышно увенчал
Концы волос зелёной кроной
И, заплетая, разметал
В цвету лазурном цвет зелёный.

ЛОМОВОЙ

В пыльном дыме скрип:
Тянется обоз.
Ломовой охрип:
Горла не довёз.

Шкаф, диван, комод
Под орех и дуб.
Каплет тяжкий пот
С почернелых губ.

Как бы не сломать
Ножки у стола!..
Что ж ты, водка-мать,
Сердца не прожгла?

1906

МОЛОДЁЖИ

Тёплый запах левкоя,
Тишина и луна,
Но отрада покоя
Нам ещё не дана.

Жизнь безудержно мчится
Средь затиший и бурь,
Юным счастьем лучится
И зовёт на борьбу.

Если шаг свой замедлишь,
Если сдержишь полёт –
Неотступен и въедлив,
Страх тебя обоймёт.

Если ж крылья расправишь
Вихрям злым вопреки,
Солнцем к счастью и славе
Полетишь напрямки.

1956

Алёна СОКРАТОВА (р. 1974)

* * *

Белизна и золото Рязани...
Отчего я больше не пою?
Смотрит горе карими глазами
На судьбу пропащую мою.

Знал ли кто? – и я не знала тоже,
Отчего померкнет свет в окне.
Говорят, Есенин был моложе...
Разве это утешенье мне?

Исцели, рязанская стихия –
Солнце, белизна и бирюза.
Выжгли душу карие, сухие,
Ледяные, страшные глаза.

ИЕРОНИМУС

Ключий, дьявольский вопрос
Крючком рыбацким в сердце вколот.
Алхимик, маг, спирт, астролог,
Твой колокол, Хертогенбос,
Твой несмолкающий орган,
Глаза пятнадцатого века,
Ловец безумных человек,
Птенцов кормящий пеликан
Его забросил. Даль темна,
И он молчит красноречиво,
Презрев законы перспективы.
Да полно, будет ли она?..
Она укутана плащом,
А под плащом рыдает сердце,
Что первый робкий шаг младенца
Уже к Голгофе обращён.
Великолепен Амстердам,
Хертогенбос граничит с раем –
Но одинок и презираем
Христос, идущий по гвоздям.
На копошение в грязь
Привычных маленьких чудовищ
Ты вновь меня привычно ловишь.
Давай, кривая, вывози!..
Я в райский сад приду, как вор,
Но я ни в чём не виновата:
Полёт пчелы вокруг граната
Уже задумал Сальвадор...

Юрий ЛИННИК (1944 – 2018)

ПРИБОЙ

Всегда мне хотелось остаться собой –
Да теплится сущность живая!
Но вот набегаёт весёлый прибой,
В беспамятство дух зазывая.
Меня убаюкала музыка вод,
И небо меня укачало!
В прародину духа природа зовёт.
В своё корневое начало.
Как наплеск прибоя зазывен и свеж,
Как трепетны эти светанья!
Но да не оставлю свой горький рубеж
Сочувствия и состраданья.
Опомнюсь среди вековой тишины,
Следя журавлиную стаю! –
И вместо гармонии чувство вины
Со всей остротой испытаю...

КОСМИЧЕСКИЙ ЗОНД

Польнь у забора... Жестянок нелепая грудка...
Следы от мазута – всей сирости не передашь.
Печальное место! Но случай есть случай: отсюда
Космический зонд начинает вести репортаж.
Серебряный шар висит над пустошью, свалкой.
Но есть же сады! Есть на нашей планете поля...
Хотя бы ромашкой, хотя бы скромнейшей фиалкой
Ты в кадр постарайся попасть, голубая Земля.
Что видят сейчас на далёком-далёком экране?
Вот ящик разбитый, вот ржавый коленчатый вал...
Случайная выборка? Но посмотрите, земляне:

Пустырь наступает: он пастбище завоевал.
И двинулся дальше: на месте соснового леса
Обширные вырубки... Чёрная нефть на воде...
Из космоса вижу: вот плотного смога завеса...
Вот сети оврагов – и реденький лес кое-где.
Веду репортаж с рубежей двадцать первого века.
Мой голос дрожит – я тревогу скрывать не привык.
Где синий простор? Не узнать колыбель человека.
Да будет прекрасен планеты космический лик!

Алексей РАЗОРЁНОВ (1819 – 1891)

ПОСЛЕДНЕЕ ЖЕЛАНИЕ

Пройдя почти весь жизни путь,
Растратив весь остаток силы,
За час один лишь до могилы
Как я желал бы отдохнуть!

Склониться бы на грудь такую,
Где б сердце билось для меня,
Услышать ласки, речь родную
И тем утешить бы себя;

Чтоб мог я верить всей душою,
Что я ещё не всем чужой;
Заплакать сладкою слезою,
Прощаясь с жизнью земной...

Но нет того! И сердцу больно, –
Для всех я лишний и чужой!
И взор туманится невольной
Не сладкой – горькою слезой!

ПЕСНЯ

Не брани меня, родная,
Что я так люблю его.
Скучно, скучно, дорогая,
Жить одной мне без него.

Я не знаю, что такое
Вдруг случилось со мной,
Что так бьётся ретивое
И терзается тоской.

Всё оно во мне изныло,
Вся горю я как огнём,
Всё немило мне, постыло,
Всё страдаю я по нём.

В ясны дни и тёмны ночи,
И во сне и наяву
Слёзы мне туманят очи,
Всё летела б я к нему.

Мне не надобны наряды
И богатства всей земли...

Кудри молодца и взгляды
Сердце бедное зажгли...

Сжался, сжался же, родная,
Перестань меня бранить.
Знать, судьба моя такая –
Я должна его любить!

1880

Николай СИМБОРСКИЙ (1849 – 1881)

ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ИЕРЕМИАДА

Восплачем, братья, дружно:
Жизнь стала хуже ада,
Не сыщешь, что нам нужно,
Всё есть, чего не надо!
Прогневали, знать, бога –
Совсем беда настала:
Училищ слишком много,
Острогов очень мало...
Тревога мысль терзает,
Душа болит невольно:
Квартальных не хватает,
Газет чресчур довольно...
Разбиты идеалы,
Повержены кумиры...
Свободные журналы,
Стеснённые трактиры...
Смиренья нет... Нахальство
Везде на первом плане...
Несчастное начальство,
Счастливые крестьяне...
Нет веры, есть сомненья,
И с грустью видят взоры:
Ни на волос терпенья,
А требований – горы!..

1881

НОВОМУ ГОДУ

Над Русью вторая уж тысяча лет
Проносится в море забвенья,
Как след за собой, оставляя завет:
Терпенья побольше, терпенья...

Год новый! Обычай мы чтим на Руси:
Лишь гость застучит у порога –
Навстречу хлеб-соль поскорей выноси,
Не ради корысти – для Бога...

Прости ж, если, этот обычай любя,
С глубокой сердечною болью
Теперь, по бесхлебью, мы встретим тебя –
Одной безакцизною солью...

1881

*Подборку стихов и прозы
составил Николай Марянин*